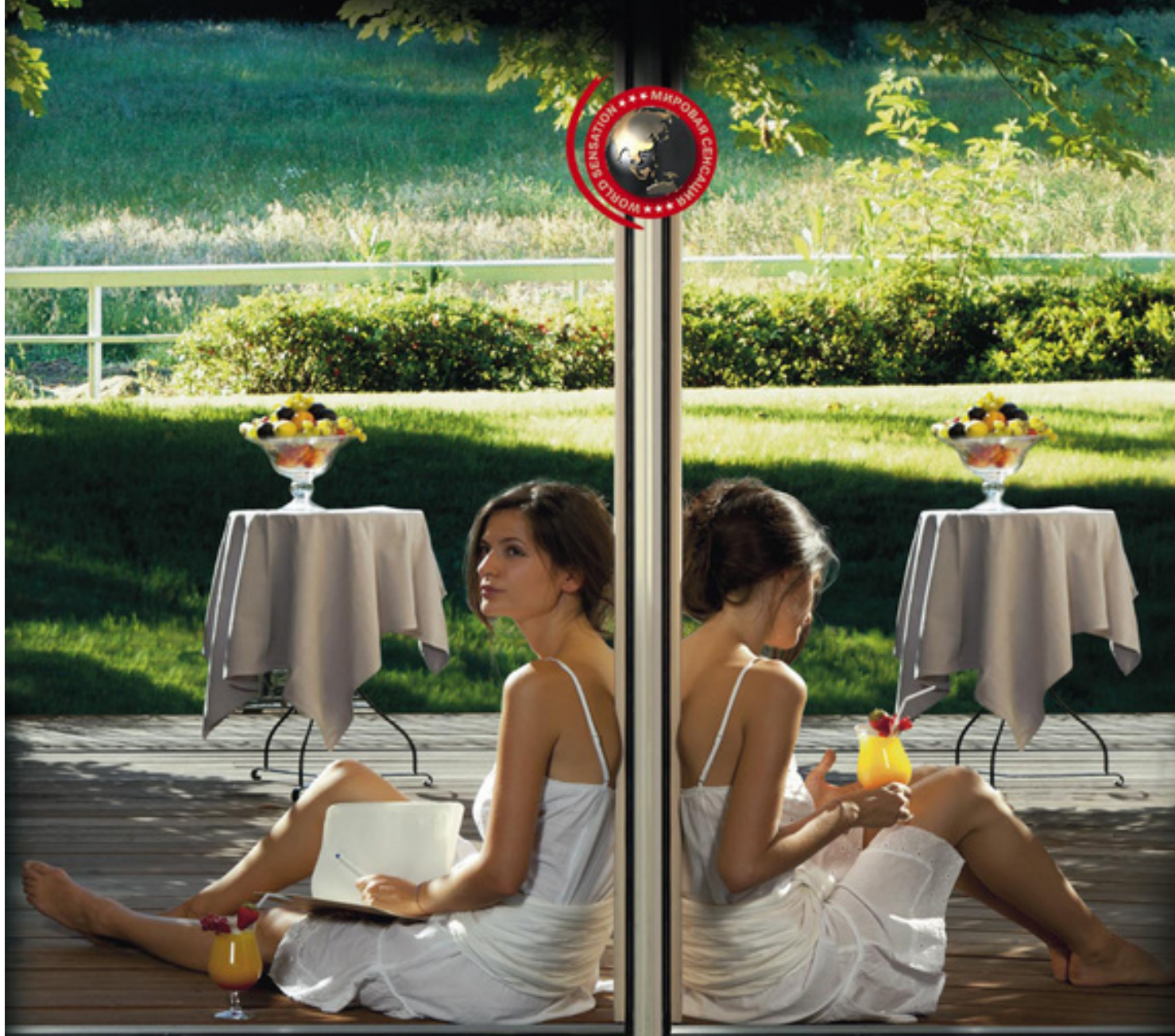

Шайвер

Лайонел
Мир до и после
дня рождения

Роман года #1

New York Times Bestseller

Драматический поединок между возделенной страстью и житейским благополучием, показанный с редким остроумием и потрясающей откровенностью. **VOGUE**

Лайонел Шрайвер

Мир до и после дня рождения

«Центрполиграф»

2007

Шрайвер Л.

Мир до и после дня рождения / Л. Шрайвер —
«Центрполиграф», 2007

Спокойная, размеренная лондонская жизнь Ирины Макговерн, американки русского происхождения, иллюстратора детских книг, девятый год разделяющей кров с интеллектуальным, внимательным, но донельзя предсказуемым партнером, закончилась в ту ночь, когда ей с необъяснимой силой захотелось поцеловать другого мужчину. Друга семьи, привлекательного, экстравагантного, страстного, непревзойденного игрока в снукер Рэмси Эктона... Выбирая, кого любить, Ирина выбирает и свою судьбу. Какая жизнь ждет героиню, если она променяет испытанные временем отношения на яркую вспышку влюбленности? Два варианта событий развиваются параллельно. Читатели вместе с героиней как бы проживают две жизни, стараясь ответить на извечный вопрос: не вел ли к счастью тот путь, по которому мы могли бы пойти, но не пошли...

Содержание

1	5
2	31
2	42
3	53
3	61
4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лайонел Шрайвер

Мир до и после дня рождения

Посвящается Джэ.

*Никто не совершенен.
Общезвестный факт*

1

Простое стечение обстоятельств превратилось в традицию: 6 июля они ужинают с Рэмси Эктоном по случаю дня его рождения.

Пятью годами ранее Ирина работала над книгой для детей вместе с его женой Джуд Хартфорд, которая и стала инициатором более близкого знакомства. Пропустив легкие, притворные фразы типа: «Обязательно надо будет встретиться», столь привычные в лондонской среде и произносимые без малейшей угрозы стать еще одной записью в вашем ежедневнике с указанием точного времени и места, Джуд подкрепила слова действиями и организовала встречу двух пар, и в скором времени иллюстратор ее книг познакомилась с ее мужем Рэмси.

Джудит представила его, сказав: «Мой муж Рэмси Эктон», интонационно выделив фамилию. Ирина сделала вывод, что Джуд сторонница феминистского стиля и гордится тем, что сохранила девичью фамилию.

На людей несведущих трудно произвести впечатление. Тогда, в 1992-м, обсуждая с мужем приглашение на ужин, многого еще не зная, Ирина произнесла:

– Представляешь, Джуд замужем за *Рэмси Эктоном*.

В виде исключения на этот раз Лоренс мог бы кинуться к своему журналу «Экономист», вместо привычного нытья о том, что, планируя деловые ужины, она могла бы назначить время пораньше, чтобы он успел к новой серии «Полиции Нью-Йорка». Не осознавая, что произнесла два волшебных слова, способные уничтожить враждебный настрой Лоренса по отношению к общественным обязанностям, Ирина добавила:

– Джуд хочет, чтобы я познакомилась с ее мужем, Раймондом, или как там его.

Назначенная дата оказалась днем рождения Раймонда, или как там его, – Джуд уверяла, что чем больше народу, тем веселее.

Вернувшись к холостяцкой жизни, Рэмси достаточно поведал Ирине о браке с Джуд, чтобы она поняла: через пару лет после свадьбы супруги разговаривали не больше пяти минут в день. Джуд просто воспользовалась случаем избежать тоскливого ужина вдвоем.

Этот вечер несколько сбил Ирину с толку. Рэмси всегда производил впечатление приятного в общении человека, и странное беспокойство, возникавшее при его появлении, существенно уменьшалось в присутствии Лоренса. Вероятно, Джуд любила таскать с собой мужа, чтобы произвести впечатление на коллег, но сама определенно не испытывала тех же чувств. Один на один он казался ей до умопомрачения скучным.

Кроме того, из-за этого изнуряющая веселость Джуд, граничащая с истерией, могла в любой момент скользнуть ниже, к лежащему под ней отчаянию, и лишь человеческая поддержка помогала ей удержаться от этого шага. Прислушиваясь вполуха к ее шумным рассуждениям, перемежающимся громким смехом, было трудно понять, смех это или плач. Смеялась она громко и часто, в том числе и на середине фразы, словно подхлестывая себя к безудержному веселью, хотя в сказанном ею не было ничего смешного. Навязчивый, неесте-

ственный смех следствие нервозности, а не хорошего настроения, используемый для маскировки, а оттого царапающий неискренностью.

Однако ее храброе стремление сохранить на лице приличествующее случаю выражение, прикрывая им глубокое несчастье, вызвало симпатию. Навязываемое Джуд настроение толкало Ирину в противоположную сторону – говорила она сдержанно, голос звучал тихо, все в ее облике давало понять, что серьезный настрой в такой вечер вполне уместен. Манеры Джуд временами шокировали Ирину, но, по крайней мере, ее присутствие позволяло быть вполне довольной собой.

Ирина никогда не интересовалась личностью мужа Джуд, сознательно не интересовалась. Однако к тому первому дню рождения Рэмси, устроенному Джуд в «Савой гриль», она была уже достаточно давно в браке, который оказался большой ошибкой из благих побуждений, посему крепкие объятия были показными. Взгляд мужских серо-голубых глаз вызвал легкий толчок, невидимые провода ожили, включился процесс, названный ею впоследствии визуальным обнаружением, а позже – много позже – распознаванием представителя другого типа.

Лоренс Тернер был человеком непритязательным. Несмотря на должность научного сотрудника в престижном британском мозговом центре, он, выросший в Лас-Вегасе, так на всю жизнь и остался неисправимым американцем. Многие слова он предпочитал произносить на американский манер, хотя и согласился на покупку белого свитера крупной вязки и вступление в местную команду по крикету. Интерес к спорту он унаследовал от отца – тренера по гольфу. Впрочем, стремление к расширению кругозора не мешало ему оставаться мизантропом и отказываться от посещения обедов в компании незнакомых людей из боязни пропустить повторы полицейского сериала по Четвертому каналу.

Почти сразу после переезда в Лондон Лоренс увлекся снукером. Ирина считала эту игру вариацией пула, но Лоренс всячески убеждал ее, что снукер *«намного»* сложнее и *«значительно»* элегантнее старой забавы с «шаром номер восемь». Размером шесть на двенадцать футов, стол для снукера переводил стол для американского бильярда в разряд детских. Эта игра требовала не только ловкости и сноровки, но и стратегических навыков, умения просчитывать действия на несколько ударов вперед, пространственного воображения, составления геометрически точно выстроенных комбинаций, достойных талантливого математика. Ирина не противилась увлечению мужа и просмотру матчей по Би-би-си, поскольку игра относилась к разряду спокойных. Приглушенные удары шара о шар, вежливые аплодисменты казались лучше выстрелов и воя сирен полицейского сериала. Комментатор произносил слова почти шепотом, приятный акцент не резал слух. Выражения порой казались ей несколько двусмысленными, но не совсем грязными: двойной поцелуй, французский удар, а также цветной шар. Традиционная забава рабочего класса, снукер обладал утонченностью и благопристойностью, чаще присущими развлечениям аристократии. Игроки соревновались в жилетах и галстуках-бабочках, никогда не ругались, лишь слегка хмурились, когда противник лидировал в счете. В отличие от хулиганствующей публики на футбольных, а иногда и теннисных матчах – некогда представлявшей собой ряды сдержанных снобов, ставших с недавнего времени дикими и необузданными, как «гонки на выживание», – любители снукера хранили полное, никем не нарушаемое молчание. У болельщиков на матчах должны быть крепкие мочевые пузыри, поскольку выход из зала даже по уважительной причине вызывал строгий взгляд, а то и замечания судьи в безупречно-белых перчатках.

Кроме того, на одном из островов, несмотря на влияние американской культуры, снукер по-прежнему считался истинно британской игрой. Ночные эфиры всех каналов Великобритании могли быть заполнены сериями «Сейнфелда», повторами фильмов типа «Секретов Лос-Анджелеса» с многочисленными жаргонными словечками – *«чувак»*, *«старик»* вместо про-

стого «парень». Однако двенадцать часов ежедневного вещания Би-би-си по-прежнему отведено спорту, что американцы сочли бы бесполезной тратой времени.

В любом случае снукер был приятным фоном для Ирины, занимавшейся иллюстрациями для очередной детской книжки или подшивавшей новые шторы в гостиную. Достигнув, не без неустанной помощи Лоренса, некоторого уважения к игре, Ирина порой посматривала на экран, чтобы следить за интригой матча. Более чем за год до того, как Джуд упомянула имя своего мужа, Ирина уже непроизвольно искала на экране лицо одного игрока.

Даже задайся она целью – а она и не задавалась, – никогда не смогла бы найти его имя в списке победителей турниров, несмотря на то что он бывал участником многих финальных и полуфинальных матчей. Он был старше большинства участников, чей возраст ненамного превышал двадцать лет, – суровые черты, строгое лицо, морщины, говорившие о том, что ему за сорок. Даже среди сдержанных, подчеркнута корректных игроков он выделялся благодаря замкнутости и обращенности в себя; однако осанка его была безупречна. Все же в трансляциях матчей по снукеру присутствовал и постановочный элемент, Лоренс утверждал, что в перерывах игроки не прочь отведать чая «Эрл грей» и сэндвичей с огурцом, поэтому многие к тридцати годам отрасли брюшко и вовсе не выглядели изможденными. Утонченная игра способствовала дряблости рук и накоплению отложений на бедрах. Однако выбранный Ириной персонаж был строен и плечист. Он всегда носил классическую белую накрахмаленную сорочку, черную бабочку и удивительный жемчужного цвета жилет – фирменный штрих в costume – с замысловатым узором, вышитым шелковой нитью, филигранная работа, напоминающая ее труд над книжными иллюстрациями.

Когда их представили друг другу в «Савой гриль», Ирина не сразу узнала Рэмси вне привычных декораций.

Отличавшийся великолепной памятью на даты, лица и факты, Лоренс быстро вывел ее из состояния смущенной задумчивости от непонимания, почему лицо этого человека кажется ей знакомым. («Почему ты мне *не сказала?*.» – воскликнул он. Это был тот редкий день, когда Лоренс Трейнер вел себя покорно.) Рэмси Эктон незамедлительно получил подробнейшее досье, как человек, ставший, несомненно, кумиром почитателей снукера, хотя в нем угадывались черты предыдущего поколения. Жестом, позаимствованным из американского баскетбола, Рэмси закручивал биток и «Точно в цель!». Шар со свистом рассекал воздух и оказывался в лузе, даже не задев ее края, – фирменный удар Рэмси Эктона. Его стилю была присуща скорость и грациозность движений, он был активным игроком. Выступавший двадцать пять лет в профессиональной лиге, он был популярен так, как может быть популярен человек, ни разу не выигравший чемпионат мира, при этом участвовавший в пяти финальных матчах. (К 1997-му за его плечами было тридцать лет, шесть финалов и ни одного выигранного.) Тем временем Лоренс подвинул стул ближе к Рэмси, обеспечивая уединенность, которую не посмеет нарушить никто извне.

Ирина смогла усвоить основные правила: красные шары чередуются с цветными. Забитые красные выбывают из игры, забитые цветные возвращаются на сукно. Когда с красными покончено, в определенном порядке забивают цветные шары. Все очень просто. Единственное, в чем она путалась, – идет ли сначала коричневый или зеленый, впрочем, ей вряд ли предстояло стать профессионалом, которому необходимо четко знать правила. Лоренс, напротив, знал даже мельчайшие детали. По мере того как расцветало его красноречие, Лоренс все больше углублялся в тонкости о «переигровке в черном», и мистер Точно в Цель удостоил собеседника прозвищем мистер Заумный фанат – тот же «ботаник», по его словам, но интересующийся жизнью первой десятки спортсменов больше, чем своей собственной. Впрочем, несмотря на уничижительный подтекст, произнесено прозвище было с явным уважением и прилипло к Лоренсу достаточно быстро.

Ирина чувствовала себя ненужной. Лоренсу было свойственно стремление исполнять ведущую партию в разговоре; она же сама была скорее созерцателем, временами робкой и тихой, как мышка; ни при каких обстоятельствах не вступала в борьбу за право быть услышанной.

Встретившись взглядом с Ириной, Джуд театрально закатила глаза в немом восклицании: «Ах, эти мужчины всегда как дети!» Джуд познакомилась с мужем в журналистский период своей жизни, когда в 80-х писала хвалебную статью для журнала «Хелло!», а Рэмси был звездой средней величины. Во время интервью они выпили и нашли общий язык. Со временем ее слабый интерес к снукеру трансформировался в полное равнодушие, которое затем переросло в открытое противостояние. Ажиотаж вокруг знакомства Ирины и Рэмси Эктона лишь подчеркивал раздражение и досаду Джуд, наводил на мысль о том, что ее желание вытащить на люди мужа предпринимается с одной лишь целью – усадить его рядом с таким фанатом, как Лоренс, смотрящим на кумира с обожанием, и ощутить, что деньги не потрачены впустую, что все вообще не впустую.

Лоренс полностью игнорировал женщину, которую называл «женой» и на которой так и не женился; Рэмси выглядел в подобной ситуации более благородно. Переключая внимание на Ирину, он мягко заметил, что для этого вечера разговоров о снукере вполне достаточно, и принялся нахваливать иллюстрации к новой книге Джуд.

– Картинки просто высший класс, дорогая. Я был восхищен.

Глубокий приятный тембр голоса, но к акценту Южного Лондона надо было привыкнуть. Проглатывая во многих словах звук «т» и произнося «б», «п» и «г» совсем глухо, Рэмси извинился за отвратительный мусс из рыбы, убедил Ирину выпить еще вина за его здоровье, а фраза «У вас еще будет время все обдумать» показалась ей и вовсе невнятной. Рэмси смотрел на Ирину, и только на Ирину. Ничего подобного с ней уже давно не случалось, это нервировало, повергало в замешательство, заставляло часто переводить взгляд на тарелку. Пожалуй, слишком много для первой встречи, не то чтобы дерзко, но все же достаточно самонадеянно. В ведении светской беседы Рэмси был, очевидно, не силен, поэтому замолкал всякий раз, когда она заводила разговор о съезде Демократической партии или Джоне Мейджоре.

Рэмси незаметно расплатился по счету, в перечень которого входили в основном названия вин, и весьма дорогих вин. Знаменитый игрок в снукер неплохо зарабатывал, поэтому Ирина не испытывала неловкости. Его день рождения, сорок второй по счету, насколько она знала, вполне удался, вместе с тем она почувствовала невероятное облегчение, когда ужин подошел к концу.

Ирина работала вместе с Джуд над второй детской книгой – первая, названная «Я люблю убирать свою комнату!», созданная не столько для улады детей, сколько на радость родителям, продавалась неплохо. У двух пар установилась традиция встречаться довольно часто для Лондона – несколько раз в году. Лоренс не пропускал совместных ужинов и приобрел привычку единолично распоряжаться вниманием Рэмси, знакомством с которым он, по утверждению его британских коллег, наслаждался. Ирина повысила уровень знаний в спортивных вопросах, но, разумеется, сколько ни пыталась, не могла соперничать с энциклопедически образованным Лоренсом.

По умолчанию Джуд считалась подругой Ирины, а Рэмси приятелем Лоренса, хотя порой Ирине казалось, что с ней обошлись несправедливо. Джуд временами ее раздражала.

Ужин на второй год существования традиции пришелся опять на день рождения Рэмси. Ритуал для светского Запада – два проведенных вместе праздника становятся традицией.

Привычка Рэмси самостоятельно оплачивать счет за ужин на собственный день рождения заставила Ирину выступить в роли хозяйки 4 июля 1995 года. Она приготовила всевозможные суши-сашими, к которым, как заметила, Рэмси имел пристрастие. В отличие от ресторана, где,

судя по порциям, роллы считались дорогостоящим деликатесом, обеденный стол в их квартире в Боро был заставлен блюдами с роллами так плотно, что с трудом уместились тарелки. По мнению Ирины, люди, подобные Рэмси, привыкли к торжественным приемам, поэтому она переживала, что ее попытки создать блюда японской кухни померкнут на фоне великолепных праздников в его честь. Но, как оказалось, Рэмси был настолько поражен ее стараниями, что в течение вечера едва мог говорить. Со стороны могло показаться, что никто раньше не готовил ему ужин. Его смущение подпитывало смущение Ирины и вызывало ту болезненную неловкость, при которой общение становится невозможным. Ирина была в тот вечер особенно благодарна за бурную, громкоголосую помощь их вторым половинам.

И вот настал следующий год. Некоторое время назад Ирина и Джуд крупно поссорились и перестали общаться; Джуд и Рэмси также крупно поссорились и перестали быть мужем и женой. Семь лет – ничтожный срок для брака, но все же это невероятное количество проведенных в одной комнате вечеров. Возможно, пара смогла продержаться так долго только благодаря тому, что значительную часть года Рэмси проводил вдали от дома. Если бы Ирина могла себя позволить, то непременно прервала бы дружбу с Рэмси Эктоном. У нее нет с ним ничего общего, более того, в его присутствии она чувствует себя неловко.

Однако Лоренс задался целью спасти звезду снукера от общества тяготящих его людей – иногда слишком многочисленного для человека за сорок, – поскольку относился к нему как к доброму другу, которого временно потерял из виду. Пусть Рэмси и не на вершине рейтинга, но он несомненный гигант в игре. Также Лоренс добавлял, что «у парня есть класс».

Ирина попыталась подтолкнуть Лоренса к общению, предложила ему самому позвать Рэмси в гости. Жалкий способ действовать через кого-то, просить позвонить и пригласить человека на его же день рождения, подсознательно питая надежду, что тот вежливо откажется от ее приглашения на домашнюю стряпню, если не отвергнет в целом предложения встретиться. Одна пара ведь будет ущербной, и это внесет дисбаланс.

Не тут-то было. Вернувшийся после разговора Лоренс сообщил, что Рэмси ухватился за приглашение, и добавил:

– У него грустный голос.

– Надеюсь, он не ждет, что я опять уставлю весь стол блюдами с суши? – с опаской спросила Ирина. – В прошлый раз я пошла на это потому, что чувствовала себя неблагодарной, когда он оплачивал все счета. Впрочем, было весело. Только очень много возни, и нет никакого желания затевать все вновь. – Ирина была увлеченным кулинаром и никогда не покупала заранее промытую зелень в пакетах.

– Нет, он как раз умолял тебя не хлопотать. И подумай наконец обо мне, – продолжал Лоренс, приступая к мытью посуды. – В прошлый раз к вечеру кухня походила на Хиросиму.

Ирина решила остановиться на первом, что пришло на ум: оленина в соусе из красного вина с грибами шиитаке и можжевельными ягодами. Старое проверенное блюдо. Реакция гостя была восторженной, но на этот раз Ирина настойчиво задавалась вопросом: действительно ли меню так восхитило Рэмси? Желая привнести нотку оригинальности в ужин с привычным блюдом, готовившимся в доме много раз, она решила надеть открытое платье, которое много лет не доставала из гардероба. Платье хранилось в самой глубине шкафа, поскольку бретельки были чуть длинноваты и постоянно соскальзывали с плеч. Мягкая ткань бледно-голубого цвета подчеркивала бедра, длина требовала подтягивать платье вниз при каждой желании сесть. Ирина не представляла, о чем она думала, когда принимала решение облачиться в столь откровенный наряд перед человеком, едва закончившим процедуру развода. В любом случае внимание Рэмси в тот вечер было сосредоточено вовсе не на дичи.

К счастью, Лоренс ничего не заметил. Он обратил внимание только на то, что Рэмси не торопится уходить. Даже в обществе звезды силы Лоренса, затрачиваемые на исполнение роли

радушного хозяина, были ограничены и иссякали, как правило, к двум часам ночи. Рэмси заставил его здорово превысить лимит.

Лоренс торопливо собрал тарелки и громко постукивал ими, когда мыл на кухне. Оставшись наедине с Рэмси, Ирина запаниковала, не найдя темы для разговора. Благодаря его злоупотреблению их гостеприимством Лоренс, пожалуй, сможет перемыть всю посуду! Стоило завязаться беседе, как их прерывал Лоренс, появлявшийся из кухни с намерением то протереть стол, то убрать капли воска, при этом он старался не встречаться взглядом с Рэмси. Не обращая внимания на бестактность хозяина, гость наполнял бокалы вином. Упаковывать свой кий он стал уже после трех.

За весь год трио больше ни разу не собиралось, словно Ирине и Лоренсу требовалось время на восстановление сил. Однако Лоренс был не в обиде и соглашался с Ириной, что манеры Рэмси прямо противоположны уровню его мастерства в снукере. Кроме того, за украденное у сна время Лоренс получил отличную компенсацию в виде бесплатных билетов на матчи всего сезона.

Вновь наступил июль. Однако в этом году все было необычно.

Несколько дней назад Лоренс позвонил Ирине из Сараева и напомнил о приближающемся дне рождения Рэмси.

– О да. Верно, – произнесла она. – Я и забыла.

Ирина обманывала прежде всего себя. Она не забыла и повела себя глупо, притворившись. Малейшее утаивание истины от Лоренса вносило в жизнь ощущение изолированности и грусти, отдаления, а порой и страха. Она скорее предпочла бы быть уличенной во лжи, чем позволить хитрости сойти с рук и жить с ужасом оттого, что подобное возможно.

– Не собираешься с ним созвониться? – поинтересовался Лоренс.

Ирина медлила с ответом, пока не узнала, что Лоренс пробудет на конференции по «формированию нации» в Боснии до 7 июля.

– Даже не знаю, – наконец сказала она. – Не уверена, что мы с Рэмси такие уж близкие друзья.

– О, я думаю, ты ему нравишься, – сухо заметил Лоренс, но в интонации слышался подтекст: «Очень даже нравишься».

– Он такой скучный. Не представляю, о чем мы будем говорить.

– А ты не думаешь о формате «без галстука»? Ей-богу, Ирина, тебе следует позвонить, пусть и для того, чтобы предоставить ему возможность отказаться от встречи. Сколько лет мы...

– Пять, – угрюмо ответила Ирина. Она считала.

– Если ты не позвонишь, он обидится. Перед отъездом я оставил Рэмси сообщение на автоответчике мобильного, сказал, что в этом году 6-го буду в Сараеве, но случайно проговорился, что ты остаешься в Лондоне. Если у тебя нет настроения, я всегда могу перезвонить отсюда и сказать, что в последнюю минуту ты передумала и поехала со мной. Какая жалость, что нас обоих нет в городе, и всякое такое.

– Нет, не стоит. Не хочу опускаться до лжи по столь ничтожному поводу. – Ирина не хотела признаться, что способна солгать по уважительной причине, но понимала: сия извилистая дорожка может далеко завести. – Хорошо, я позвоню ему.

Она не позвонила Рэмси, но позвонила Бетси Филпот, редактировавшей их с Джуд книги в «Рэндом-Хаус» и, соответственно, знакомой с Рэмси. Последние два года они не работали вместе и превратились из коллег в приятельниц.

– Скажи, вы с Лео свободны 6-го?

– Нет, мы не свободны 6-го, – ответила Бетси, предпочитавшая изъясняться прямо.

– Черт.

– Почему это так важно?

– Это день рождения Рэмси, и обычно мы отмечали его вместе. Сейчас Джуд в прошлом, Лоренс в Сараеве. Осталась одна я.

– И что?

– Это звучит несколько самоуверенно, возможно, я все придумала, но не кажется ли тебе, что Рэмси не... – он меня немного недолюбливает. – Она едва осмелилась произнести свои подозрения вслух.

– На меня он не произвел впечатления злого волка. Не думаю, что тебе предстоит столкнуться с тем, с чем не сможешь справиться. Впрочем, если не хочешь, то и не делай.

Для Бетси, урожденной американки, все и всегда было просто. В ее умении с холодной сдержанностью и упорством выбираться из водоворотов судьбы, которые многим казались непреодолимыми, ощущалась некоторая безжалостность. Когда Джуд и Ирина поссорились, Бетси, равнодушно пожав плечами, заявила:

– Ты никогда не испытывала к ней расположения, поэтому просто забудь обо всем.

Ирина не чувствовала, что разрешила ситуацию должным образом, а значит, и ни пыталась ее разрешить. Каждое утро, по мере приближения 6 июля, она давала себе слово позвонить Рэмси днем, а днем клялась себе, что позвонит вечером. Тем не менее приличия следует соблюдать и тем, кто ложится за полночь, поэтому, взглянув на часы в 23:00, Ирина качала головой и вновь давала себе слово позвонить следующим утром. Встав с постели и подумав, она приходила к выводу, что Рэмси любит поспать допоздна, и цикл обещаний повторялся сначала. 6 июля выпадало на субботу, и в пятницу Ирине пришло в голову, что не совсем прилично предупреждать человека о празднике накануне, лучше сделать вид, что она забыла, чем показаться бестактной.

Что ж, теперь ей не придется самой решать проблему под названием «день рождения Рэмси Эктона». По телу прокатилось облегчение, неожиданно оставив после себя легкую тоску. В полночь зазвонил телефон, Ирина была настолько уверена, что это Лоренс, что, не задумываясь, ответила по-русски:

– Здравствуй, милый.

В ответ не раздалось ни звука.

– Здравствуй, любовь моя!

Молчание. Это не Лоренс.

– Извините... – смущенно произнес мужской голос с заметным британским акцентом. – Могу я поговорить с Ириной Макговерн?

– Ох, простите. Я слушаю. Просто думала, что звонит Лоренс...

– Это был русский?

– У Лоренса ужасающий русский, но кое-что он знает. В Москве ни за что бы не объяснился, но мы используем этот язык дома, для развлечения. – Ирина помолчала. – Так, шутки ради, – зачем-то добавила она в пустоту.

– Чертовски мило. – Собеседник до сих пор не представился, а ей было уже неловко спросить, с кем она говорит.

– Мы с Лоренсом и познакомились, когда я начала учить его русскому языку в Нью-Йорке. – Ирина помолчала, растерянно моргая. – Он писал диссертацию о нераспространении ядерного оружия в Колумбийском университете. Тогда считалось, что ему надо знать русский, хотя сейчас скорее корейский... Но у Лоренса нет способностей к языкам. Худшего студента у меня в жизни не было. – Бла-бла-бла. И *кто* же это? Впрочем, предположения у нее были.

Короткий смешок.

– Чертовски мило... Уж и не знаю, почему мне так кажется...

– Итак... – Ирина была решительно настроена выяснить личность мужчины. – А как у тебя дела?

– Все зависит от того, свободна ли ты завтра вечером.

– Как же мне не быть свободной? – И рискнула: – Ведь у тебя день рождения.

Вновь послышался короткий смешок.

– Ты ведь не сразу поняла, что это я, верно? Только что догадалась?

– Ну а как я должна была понять? Мы ведь – странно, конечно, – за все эти годы ни разу не говорили по телефону.

– Нет... – В голосе мелькнуло удивление. – Похоже, ни разу.

– Мы всегда договаривались о встрече через Джуд, так ведь? А после вашего развода этим занимался Лоренс.

Тишина. Манера Рэмси вести телефонный разговор напоминала синкопированную мелодию. Если Ирина не останавливалась, они начинали говорить одновременно или вместе замолкали.

– Что ты говоришь? – спросили они хором. А затем: – Извини.

И как они проведут вместе целый вечер, если простой телефонный разговор дается им с трудом?

– Не привыкла слышать твой голос в трубке, – произнесла Ирина. – Такое впечатление, что ты звонишь с Северного полюса по игрушечному телефону из картона с веревочными проводами. Временами становится как-то странно тихо.

– У тебя чудесный голос. Низкий, особенно когда ты говорила по-русски. Скажи еще что-нибудь. – В последнем слове он, естественно, проглотил половину букв, и у него получилось «штоньть». – По-русски. Что хочешь. Смысл не имеет значения.

Ирина могла повторить те предложения, с которых начала разговор; от рождения у нее было два родных языка. Но ее нервировал его тон, напоминая о сексе по телефону, где берут по фунту за минуту, – Лоренс называл это «телефонным онанизмом».

– Когда мы с тобой разговариваем, мне кажется, что я голая, – произнесла Ирина, непрозвольно прикрывая руками грудь. Слава богу, сейчас никто уже не учит русский.

– Что это значит?

– Ты сказал, это не важно.

– Все же объясни.

– Я спросила, какие у тебя планы на завтрашний вечер.

– М-м-м. Мне кажется или ты смеешься?

Но что же с завтрашним вечером? Пригласить его в гости, раз ему так нравится ее еда? Но мысль о том, что придется остаться с Рэмси Эктоном в квартире наедине, внушала ей ужас.

– Ты не возражаешь, – упавшим голосом произнесла она, – если я приглашу тебя на ужин?

И Рэмси ответил:

– Чертовски приятно, лапочка. – Нежданное проявление нежности. Подобное случалось с Ириной лишь однажды, во время деловой поездки в Ньюкасл, и казалось скорее чудным, чем приятным. – Но я хочу пригласить тебя в ресторан.

От внезапной радости Ирина рухнула в кресло, попутно дернув за шнур и уронив телефон.

– Что случилось?

– Телефон упал.

Рэмси засмеялся на этот раз во весь голос, и впервые за время их мучительного диалога ей стало легко.

– Это означает «да» или «нет»?

– Это означает, что я растяпа.

– Ты еще меня не знаешь.

– Знаю достаточно.

На этот раз Ирина взяла паузу.

- Прошел целый год, – произнес Рэмси.
- К сожалению, Лоренс не сможет прийти. – Ему это было известно, но она сочла важным упомянуть имя Лоренса в разговоре.
- Можем перенести, чтобы Лоренс тоже был с нами.
- Он дает ей шанс увильнуть. Надо за него хвататься.
- Ни к чему такие церемонии.
- Я очень надеялся, что ты так ответишь. Буду завтра к восьми.

В большинстве своем люди навсегда запоминают пары такими, какими они были в момент знакомства. Самое ужасное, что для сторонних наблюдателей ваша личная жизнь лишь захватывающий сериал, в то время как устоявшиеся пары, например Ирина и Лоренс, являли собой образчик невероятно скучной жизни. Редкие всплески романтики в отношениях могли послужить поводом в лучшем случае для легкой симпатии, а то и злорадства. Влюбившись, вы рассчитываете увидеть в глазах окружающих зависть или восхищение, а вместо этого они нервно барабанят пальцами в ожидании скорой развязки. Разумеется, у них всегда есть собственный взгляд на то, подходите ли вы друг другу или нет; почти всегда ваши друзья – конечно, пары – симпатизируют кому-то из вас больше. Но эти мнения не следует принимать в расчет. Они ничего не стоят и не должны побуждать к переменам.

Некоторые друзья воспринимали союз Ирины и Лоренса как неоспоримый факт, так же как существование Франции.

Другие указывали на них как на пример того, что и в таком положении можно быть счастливым. Тягостная роль. У Ирины было немало знакомых, кого Лоренс не интересовал вовсе, они считали его манеры патерналистскими и грубыми, воспринимали его как довесок к дружбе, налог, уплата которого позволяет заниматься своими делами. Так или иначе, Ирину это не заботило.

Любовь пришла к ней нелегко и не рано. Ирина приняла как данность, что любой незначительный вклад, который она может внести в человеческие отношения, не будет иметь ничего общего с беспрецедентными достижениями в уходе за кожей. Никто не сочтет безмятежный, полный спокойного общения союз иллюстратора детских книг и научного сотрудника равным по значимости спуску на воду лайнера или разделению народов. Современному Шекспиру не придется тратить свое красноречие на тихое счастье, если таковое присутствует, распространившееся по квартире в Боро в 90-х.

Несмотря ни на что, Ирина считала их союз с Лоренсом большой удачей. Он был внимательный, веселый, интеллигентный и любящий мужчина. Ей не было дела до заявлений феминисток, что мужчины вообще не нужны; ей он необходим более всего на этом свете. В отсутствие Лоренса по квартире начинало летать эхо. Ни одним из всех возможных способов Ирина не могла объяснить себе, почему находится здесь, на Джорджиан-сквер, к югу от Лондонского моста. Многие из тех одиноких вечеров она могла бы проводить в своей студии, но такая возможность отнюдь не казалась ей заманчивой. Она бродила из комнаты в комнату, наливая бокал вина и забывала о нем. Терла стальной поддон сушилки для посуды, изо всех сил стараясь убрать известковый налет. (Вода с примесью извести текла из всех лондонских кранов и могла капля за каплей образовать на каждой кухне меловые горы выше Белых скал в Дувре.) После долгой борьбы с налетом силы покидали Ирину, она отправлялась спать и утром просыпалась от доносившегося из кухни неприятного химического запаха.

Ей было стыдно признаться, но существование рядом любящего человека, которому она отвечала взаимностью, было самым важным в ее жизни. Несомненно, у нее были и другие привязанности и увлечения, она была более общительна и открыта, чем Лоренс, поэтому, переехав в Лондон в 1990-м, приложила все силы для создания круга приятелей и знакомых. Но порой душа ее испытывала голод, который друзья не способны утолить, а если и сделать малейшую

попытку попросить об этом, то можно никогда их больше не увидеть. Нельзя сказать, что Ирина была равнодушна к своему «искусству», хотя даже при наличии обоих родителей, имеющих отношение к кино и танцам, ей хотелось заключить это слово в кавычки. Работа над иллюстрациями была счастьем. Однако еще большим счастьем было ощущать в момент работы, как зади подходит Лоренс, склоняется к уху и капризным голосом просит что-нибудь поесть.

Моногамия лишает человека активности. За девять лет совместной жизни лишь однажды внимание Ирины привлек коллега Лоренса из «Блю ской институт», но ровно на полчаса, пока не встал налить себе выпивки и не повернулся к ней спиной – задняя часть его формой напоминала грушу. Ирина отреагировала на это так, как человек реагирует на першение в горле, когда не хочет, чтобы легкое недомогание переросло в серьезную болезнь. Период одиночества, связанный с командировкой Лоренса в Сараево, неожиданно дался ей легче предыдущих расставаний, но таково отношение человека к боли – при отсутствии о ней стараются не вспоминать. Обычно Ирина без всяких возражений тратила уйму времени на приготовление еды для Лоренса, при этом иногда ей хотелось превзойти себя и вырваться из рамок привычного ужина из овощей и круп. В одиночестве она питалась тем, что попадется под руку, и часто вместо ужина засиживалась за работой. Часов в десять вечера, проголодавшаяся и расслабленная приятной усталостью, она отрезала большой кусок шоколадного кекса «Теско», приобретение которого было совсем не в ее правилах; сегодня же, на восьмой день командировки Лоренса в Боснию, она открывала уже третью упаковку. Затем Ирина включала музыку, которую Лоренс не выносил, – Шон Колвин, Аланис Мориссетт и Тори Эймс. Эти певицы были последнее время в моде, в их творчестве было много темных красок и открытых заявлений, что мужчины им не нужны, отчего-то казавшихся ложью. Не опасаясь вызвать недовольный взгляд Лоренса – его мать была алкоголичкой, – Ирина наливала себе маленькую рюмочку, которую считала снотворным.

Лоренс употреблял коньяк не чаще раза в месяц. Впрочем, он мог бы оценить, что пьянящие пары алкоголя навевают размышления о том, как ей повезло встретить такого человека и с какой жадностью она ждет его возвращения домой.

В течение недели Ирина не выходила за рамки. Она позволяла себе лишь маленькие слабости, например наблюдение за медленно сгорающими сигаретами из припрятанной пачки. Будучи женщиной хрупкой, она, несомненно, могла вознаградить себя куском кекса после удачно выполненного рисунка. Через пару дней она вернется к форели и брокколи и обязательно проветрит комнату от компрометирующей ее никотиновой заразы.

Проснувшись в субботу, Ирина с удивлением обнаружила, что выдержанность, которой она так гордилась, треснула, как яйцо для омлета. Это случилось неожиданно поздно, после одиннадцати, хотя обычно она вставала в восемь. Пройдя по квартире, словно в тумане, она обратила внимание, что после так взволновавшего ее звонка Рэмси не положила, как должна была, трубку телефона на рычаг. Это было уже после второй порции бренди. На кухне выяснилось, что шоколадный кекс был ею полностью уничтожен. Верно, она стояла здесь, возбужденная, и отрезала маленькие кусочки до тех пор, пока ничего не осталось. И еще, о боже, она слушала новый альбом «Маленькие землетрясения» так громко, что соседи сверху, одетые в халаты, звонили в ее дверь с жалобами. Если это дойдет до Лоренса, ей придется заплатить сполна, поскольку в прошлом месяце он лично барабанил в дверь соседей снизу с требованиями «накрыть плотнее крышкой сальсу» и «ни в коем случае не приступать к такосу».

Погруженная в свои мысли, Ирина поставила на керамическую панель кофе. Прихватив чашку, она отправилась в студию, где принялась рассматривать незавершенный рисунок. Нет, работать она не сможет. Очевидно, ее скрытые резервы рассчитаны на восемь дней существования без Лоренса, но никак не на десять. Внезапно одинокие дни и ночи, а затем опять дни, единственной угрозой которых ей казалась череда сигарет и пустая бутылка коньяка, сковали ее похожей на глазурь коркой, основным ингредиентом которой было сало.

Отправляясь на рынок за покупками, как всегда делала по субботам, она неожиданно громко хлопнула дверью. Да, Ирина дрожит, Ирина должна себя сдерживать.

Шумный крытый рынок неподалеку от Лондонского моста, как никогда, полно представил разнообразие американских акцентов. Весьма нелогично ощетиниваться, оказавшись в обществе соотечественников, но американцы, похоже, разделяют общую тенденцию с неприязнью относиться к представителям своей страны за рубежом. Возможно, от этого создается ощущение присутствия в комнате с кривыми зеркалами, где окружение слишком шумное, агрессивное и толстое. Ирина не испытывала неловкости в среде соотечественников (все люди откуда-то приехали, это место не выбирают), хотя, имея русские корни по материнской линии, частенько использовала воспоминания о своей национальности при желании дистанцироваться. Впрочем, возможно, она немного поморщилась, услышав визгливый крик из кафе «Монмунт» («Ла-а-ари, у них нет кофе без кофеина-а-а!»), Ирине нравилось ощущать себя частью британского народа, хотя это становится все труднее в городе, колонизированном «Пицца-Хат» и «Старбаксом».

С противоположной стороны до нее донеслась речь другого янки, пытающегося выяснить, где расположена улица Саут-Уарк, при этом он так твердо произносил звук «р», что Ирина невольно устыдилась его невежественности.

Следует заметить, что, выходя из-под влияния Лоренса, Ирина иногда баловала себя тем, что называла *умственная доброта*. Это не имело отношения к манере поведения; выросшая в атмосфере издевательств одноклассников, она была наделена хроническим страхом причинить кому-то боль. Не касалось это и ее высказываний. Все происходило исключительно в голове Ирины. Основной задачей было *мыслить* правильно – услышав, как соотечественник неверно произносит название улицы Саут-Уок, мгновенно задала себе вопрос: «Почему британцы считают нас нерадивыми? Ни один американец не ожидает, что лондонец может знать, что слово «Хьюстон» произносится в Техасе «Хьюуустон», а на Манхэттене – «Хаустон». Разумеется, можно выругаться вполголоса: «Тупой придурок». Можно сопереживать или осуждать, но, какими бы ни были ваши мысли, это не изменит день к лучшему и не сможет испортить его окончательно. Тем не менее Ирина была убеждена, что все происходящее в ее голове имеет огромное значение, посему одарила незнакомца самым добрым и лучезарным взглядом. Внутреннее благородство повышало жизненный тонус.

Она предпочитала не делиться своей концепцией *умственной доброты* с Лоренсом, более склонным к терзаниям. Он был жестким с людьми, особенно с теми, кого считал обделенными интеллектом. Его любимым эпитетом было «болван» или «идиот». Подобная резкость может быть заразна, Ирина всячески противилась эпидемии. Впрочем, начиная практиковаться, следовало подумывать прежде всего именно о Лоренсе.

С одной стороны, он любил жить просто и уединенно, удовлетворяясь лишь обществом нескольких друзей и, разумеется, Ирины, милостиво допущенной в его крошечный пантеон любимых людей. Его презрительность была формой контроля над численностью окружения. В него не могли входить все знакомые, включая продавца овощей и водопроводчика, чинившего им кран – необходимый фильтр. Так уж случилось, что фильтр Лоренса был сделан из очень мелкой сетки.

С другой стороны, Лоренс принадлежал к типу людей, некогда считавшемуся идеалом в Штатах, а с недавнего времени вымирающим – он был человеком, который «сделал себя сам». Лоренс яростно цеплялся за свое высокомерие, поскольку по самую макушку увяз в работе британского мозгового центра. Его воспитывали не как будущего интеллектуала. Ни у одного из родственников не было образования выше среднего, детство, проведенное в Лас-Вегасе, вовсе не способствовало развитию навыков, необходимых для приобретения степени в области международных отношений в университете Лиги плюща. Атмосфера казино Лас-Вегаса оставила в душе страх навсегда остаться в этом мире – в мире длительных дебатов по поводу качества

приготовления яиц «бенедикт» в отеле «Белладжио». Да, Лоренс был человеком язвительным, иногда ему требовалось вовремя подсказать о необходимости набраться терпения, чтобы дать людям возможность проявить свои лучшие качества, или убедить не обращать внимания на недостатки. Она видела, что порой Лоренс готов приковать себя к позорному столбу за такой недостаток, и считала его достойным ее собственного прощения.

У продавцов, не знавших ее имени, но помнящих в лицо, она купила итальянскую черную капусту, охотничьи копченые сосиски и жгучий чили. Уверенная в том, что размеренный ритм выбора продуктов, даже выросший на пугающе тряском фундаменте, лучший способ сохранить видимость нормального состояния, Ирина приобрела еще и пук ревеня, чтобы дома ей точно было чем заняться.

Вернувшись в квартиру, она со всем старанием занялась пирогами с кремом из ревеня, решив приготовить один к приезду Лоренса, а второй припрятать в морозилку. Подумав, она умножила порцию мускатного ореха в рецепте на пять.

Ирина, женщина скрытная и умеренная во всем, проявляла спонтанное стремление к крайностям в таких мелочах, как соусы и приправы, потому некоторые гости за обеденным столом могли сойтись во мнении, что с рецептами на кухне ей разобраться проще, чем с таблицей умножения.

Она украсила пирог переплетающимися полосками теста, похожими на куски коры. Руки не тряслись, но временами странно подергивались, словно обожженные огнем. (Тот коньяк определенно был лишним.) Разумеется, Лоренс не придет хоть чуточку раньше. Когда-то ее это раздражало, но сейчас ей так не хватало его дисциплинированности и страсти к порядку. Без Лоренса Ирина проведет еще одну ночь, наблюдая за чередой сигарет, кусочков кекса и рюмочек – «наперстков» бренди.

Пироги получились красивыми, «решетка», смазанная яйцом с сахаром, поднялась глянцевыми коричневыми холмиками. По всей квартире распространился кисловатый аромат ревеня. Но ровно в пять Ирина рассталась с пирогами. Более того, пока они были в духовке, она занималась тем, о чем не вспоминала несколько последних лет. Но раз Лоренс все равно далеко, а пироги остывают, можно попробовать еще раз.

Шесть часов. Ирина не относилась к любительницам сглаживать недостатки своей внешности; ее гардероб состоял из оригинальных экземпляров бывшей в употреблении одежды из «Оксфам», поскольку их пребывание в Лондоне совпало с объявлением столицы одним из самых дорогих городов мира. Потратить два часа на сборы ей казалось безумием, обычно хватало пятнадцати минут.

Однако этим вечером ей потребовалось почти два часа, чтобы сделать выбор.

Завалив кровать забракованными блузками, Ирина перебирала платье, вспоминая о трагедии многолетней давности под названием «Нечего надеть!», о маленькой девочке, ураганом носящейся по комнате и выбрасывающей совершенно неподходящие вещи из шкафа и комода. На ум пришла цитата из книги: «Мне не нравятся пуговицы и воротник! Если я надена платье в горошек, то буду орать, вопить и кричать!»

Весьма предсказуемое развитие событий (эко диво, что маленькая девочка после долгих споров соглашается надеть первое примеренное платье), однако одежда летала в воздухе, предоставляя возможность создать красочные футуристические иллюстрации.

Нарушая все женские правила, Ирина принимала всевозможные позы в надежде удостовериться во всю высоту зеркала в спальне, что выглядит совершенно убого. Начав с бледно-голубого открытого платья, что в прошлом году едва не задержало Рэмси в гостиной до завтрака, она мгновенно отвергла эту идею. В своем ли она уме? Ей следует рыться в гардеробе в поисках длинной юбки самого отвратительного цвета, сидящей, по возможности, хуже некуда.

Увы, среди ее вещей не было неудачно сидящих моделей, о чем она, впрочем, никогда раньше не жалела.

Ее извращенные старания оказались пустой тратой времени. Рэмси наверняка выберет шикарный ресторан, где ее слишком яркий наряд будет выглядеть неуместно.

Выходя в свет с Лоренсом, Ирина старалась одеваться настолько скромно, насколько позволяли обстоятельства. Но если ей случалось выглядеть нарядно и элегантно, Лоренс вскипал: «Это всего лишь коктейль в «Блю ской», и не стоит делать из этого бог весть что».

Чехарду с переодеваниями прервал звонок домофона. Как ребенок, вынужденный во время игры в «музыкальные стулья» занять первое попавшееся место, Ирина была обречена остаться в наряде, который оказался на ней в ту минуту: темная прямая юбка, не достающая до колен и благодаря вездесущему латексу обтягивающая бедра, и белый топ с короткими рукавами, по крайней мере решающий проблему открытых плеч. Из-за многочисленных стирок у ворота появилась маленькая дырочка, отчего вещь выглядела поношенной. Ансамбль был невыносимо скучным, напоминая детский морской костюмчик или форму ученицы средней школы. В довершение Ирина соорудила на голове хвост, даже не потрудившись воспользоваться расческой. Она спешно натянула белые открытые туфли на высоком каблуке – купленные лет десять назад – и с раздражением поняла, что элегантный ремешок подчеркивает ее тонкие лодыжки. «Черт! Все же надо было надеть брюки».

Решив не приглашать Рэмси на аперитив, она схватила трубку и, прокричав: «Уже спускаюсь», бросилась к двери.

Рэмси стоял, опираясь на зеленый с перламутром «Ягуар-ХКЕ», и курил сигарету. Ирина, конечно, не одобряла курение, но стоило признать, что привычка ему шла. Его молчание по телефону создавало видимую брешь в разговоре, но при личном общении позволяло заполнить дыры ответным взглядом. Поза Рэмси наводила на мысли о кие для игры в снукер – прямой, вытянутый, лишь ноги чуть ломали прямую линию, создавая небольшой угол по отношению к туловищу. Молча – что случилось с этим человеком? – он взял ее под локоть, вдыхая ее ароматы вместе с последней затяжкой. Отбросив окурочок, проводил к машине. Ладонь зависла в воздухе около талии, не смея прикоснуться к ней, так отец держит руки на некотором расстоянии от малыша, готовясь в любой момент подхватить его при неудачной попытке самостоятельно пересечь комнату.

Ирина устроилась на сиденье спортивного автомобиля, ощущая себя старшекласницей на первом свидании, после того как мама наконец – неохотно – покинула квартиру, оставив ее в полном распоряжении желающих оторваться подростков. Прошло много времени, прежде чем она поняла, что мальчишки считают ее нелепой, впрочем, за прошедшие двадцать пять лет ее статус не сильно изменился. Разумеется, в ее жизни были вечера, когда мужчина вот так провожал ее до машины. Она не могла бы сказать, что ощущала себя совершенно непривлекательной, но лишь настолько, чтобы не быть вынужденной развлекать. Дух захватывало: находиться в обществе мужчины, с облегчением осознавая, что нет необходимости ежеминутно поддерживать имидж. В некотором смысле, находясь в обществе, мы словно становимся гостями программы «Позднее шоу», ухмыляемся, бросаем нервные остроты и скрещиваем ноги, поглядывая за кулисы. Руки сложены на коленях, спокойный взгляд устремлен вперед, туда, куда мчится в свете фонарей «ягуар». Именно в этот момент Ирина неожиданно поняла, что ее присутствие здесь в одиночестве является своего рода искуплением. Пока Ирина мучилась, как повести разговор с Рэмси, он всем своим видом буквально излучал уверенность в том, что она будет довольна его выбором, как и проведенным вечером, не говоря уже о возможном продолжении.

– Суши? – спросил он на третьем перекрестке.

– Пожалуй. – Прозвучало несколько нервно. Нет необходимости изображать радость по поводу того, что выбрал он сам, как и по поводу вполне заурядной для японцев еды. «Пожалуй» – вполне достаточно.

На мосту Блэкфрайарз Ирина открыла окно. Воздух был той же температуры, что и вода в ванне, уже начавшая остывать, но все еще достаточно теплая, чтобы с наслаждением в нее погрузиться. Благодаря освещенным высотным зданиям, летний вечер был полон огней. Гладь Темзы вспыхивала, словно на поверхности разлилось пятно нефти, к которому поднесли спичку. «Ягуар» реагировал на каждую выступающую крупинку гравия, как принцесса на горошину.

– В наше время все любят высокие машины, – наконец произнесла она. – Внедорожники. А во времена моего детства все крутые парни предпочитали быть ближе к земле.

– Я во всех смыслах человек из прошлого, – кивнул Рэмси, – если верить тому, что обо мне пишут.

– Если журналисты имеют в виду твой выбор автомобиля, я с ними согласна.

Она была равнодушна к машинам, но эта ей нравилась – классика 1965 года, не отреставрированная, а сохранившаяся в хорошем состоянии, что по-настоящему ценно, а не просто дорого. Рэмси вел машину резко и напористо, чередуя ускорения с внезапными торможениями. При всей утонченности манер, корректности и даже застенчивости, плавности движений, машину Рэмси вел как настоящий мужчина. Несмотря на многочисленные маневры из одной полосы в другую, порой опасное сближение с соседними автомобилями, все движения его были точны и выверены так же, как во время матча по снукеру. Она доверяла ему.

Ирина теоретически допускала, что современная женщина должна быть независимой и сильной, но осознала, что правда состоит в том, что старомодная инертность в наши дни выглядит роскошно. Полное доверие и спокойствие, граничащее с отрешенностью, возможность отдалиться чьей-то власти объясняло, почему раз в год на пятнадцать минут Ирина влюблялась в своего стоматолога.

Помимо восхитительной возможности быть доставленной в ресторан и при этом совершенно бесплатно, у нее была и возможность насладиться вымирающими чертами прошлого.

– Итак, чем ты сегодня занималась? – поинтересовался Рэмси.

– Пекла пироги, – радостно призналась Ирина. – В терапевтических целях.

– К чему понадобилась терапия?

– Когда Лоренс в отъезде... я сама не своя. Не стоит об этом. Просто мне приходится контролировать эмоции.

– А если их не контролировать?

Молчание стало подтверждением того, что оба не могли придумать, как лучше выпутаться из ситуации.

– А ты что сегодня делал?

– Сыграл несколько партий для тренировки, но в большей степени ради того, чтобы не думать, куда тебя пригласить на ужин.

Льстивая чушь, но в Рэмси было нечто по-детски наивное, так что его слова могли оказаться и правдой.

– Ты удовлетворен сделанным выбором?

– Я никогда не бываю удовлетворен.

Пока Рэмси передавал ключи парковщику, Ирина ждала, чтобы он открыл ей дверь. Она никогда не пыталась примерить на себя роль королевы, но порой случалось, что изнутри словно что-то рвалось наружу.

Разумеется, японцы поставили бы ударение на втором слоге, но все же название ресторана «Омен» поселило в душе недоброе предчувствие. «Омен» оказался небольшим стильным заведением, с нишами для каждого столика. Ирине, побоявшейся остаться с Рэмси в сте-

нах собственной квартиры, это место показалось не менее изолированным. Рэмси попытался задернуть занавес, но она попросила оставить его открытым, «чтобы не было душно». Он подчинился с выражением обреченности на лице.

Они едва успели изучить выбор закусок, когда к ним подошел молодой человек с меню в руках.

– Ой, Рэмси! – прошептал он, словно так обычно и говорят в японских ресторанах. – Можешь дать мне автограф? Да, прямо на меню, верно. – Он положил папку рядом с палочками у тарелки Рэмси.

– Без проблем, приятель. – Рэмси достал из внутреннего кармана золотую ручку; похоже, все, что он держит в руках, идеально гладкое и вытянутой формы, а подпись оказалась витиеватой, как и привычные для его рук движения.

– С ума сойти! Жаль, что не получился удар на Эмбасси, – посочувствовал молодой человек таким тоном, словно это был удар в зубы. – Фрейм и матч могли быть за тобой!

– Всякое случается, – пожал плечами Рэмси, принимая как неизбежность, что мельчайшая частичка мела на сукне способна фатально изменить траекторию движения битка. Какая странная профессия, в которой невидимая точка способна изменить все.

– Не грусти, приятель! – Парень помахал меню и повернулся к Ирине: – Эти мастера снукера всех зрительниц переманили. А нам что делать?

– Ты поэтому хотел задернуть занавес, – заключила Ирина. Разумеется, во время их встреч у Рэмси и раньше просили автограф, но тогда ей было весело. Сейчас же она ревностно отнеслась к желанию посторонних завладеть его вниманием; вечер, о котором она совсем недавно думала со скукой, стал казаться невыносимо коротким.

– Теперь поздно. Джуд... она считала охотников за автографами жестокими.

– Из-за того, что отвлекают и мешают?

– Эта дамочка не просто ненавидела фанатов снукера, она ненавидела саму *мысль* об их существовании. – Рэмси принялся вытирать руки подогретой салфеткой. – С точки зрения Джуд, игроки в снукер должны вести себя как школьники. Честная игра, без членовредительства, и никаких автографов.

Официантка приняла заказ. Ирина проявила неожиданное расточительство, заказав большое блюдо сашими «делюкс» с икрой морского ежа и креветки в сладком соусе.

– Зачем же Джуд вышла за тебя замуж, если считала снукер ничтожным времяпрепровождением?

– Из-за денег и популярности. При этом она не могла заставить себя уважительно относиться к моей профессии. Нельзя усидеть на двух стульях.

– Джуд не льстило, что тебя показывают по телевизору? Хотя бы в самом начале знакомства.

– Без сомнения, льстило. Но такая странная штука – бывает, вас привлекает то, за что вы потом человека презираете.

Ирина ухватила полупрозрачное колечко огурца.

– Высказанное Джуд отношение к моим иллюстрациям может многому научить. Ты ведь знаешь, что она наговорила?

Рэмси взял палочку и принялся постукивать по столу.

– Джуд никогда не была дипломатична. Но ты не задумывалась, что некоторые из ее замечаний очень точны?

– Если бы я об этом задумалась, вообще не смогла бы продолжать работать.

– Она считала, что композиция у тебя выстроена блестяще, ты настоящий мастер. В рисунках для нескольких первых книг присутствовала некая безудержность, буйство темперамента. Сейчас этого нет.

– Увы, не так-то просто это вернуть. «Добавлю-ка я, пожалуй, немного буйства».

Рэмси грустно улыбнулся:

– Не стоит выпускать когти. Я просто хотел помочь. Чепуха получается. Я ничего не понимаю в твоей работе, но уверен, что ты по-настоящему талантлива.

– В прошедшем времени?

– То, что имела в виду Джуд, – это сложно выразить словами.

– Джуд не потребовалось много времени, чтобы облечь свою мысль в достойную форму, – язвительно заметила Ирина. – Эпитеты *плоские* и *безжизненные* самые запоминающиеся. Она выразила свое неодобрение предельно четко и наняла нового иллюстратора для своих нраво-учительных повествований. Почти год моей работы псу под хвост.

– Прости, милая. Я понял, не надо повторять снова. Мы говорили о том, что вдохновение невозможно добавить, как щепотку соли. Это должно исходить от тебя самой. В снукере то же самое.

– Наверное, оформление книг перестало быть для меня той радостью, как прежде. Интересно, что бы это значило?

Ее пессимизм огорчил Рэмси.

– Ты еще слишком молода для таких мыслей.

– Мне уже за сорок, и я имею право говорить что хочу.

– Ясно. Но ты слишком красива, чтобы так говорить.

Лоренс иногда называл ее *симпатичной*. Серьезное заявление Рэмси приятно освежило.

– Если я и такая, то совсем к этому не привыкла. – Ирина подцепила жирный кусок угря. – Я была тощим, угловатым ребенком. Одни кости.

– Любопытно. Впервые встречаю женщину, которая не гордится своей худобой.

– К тому же меня все считали растяпой. А еще неуклюжей и неловкой. По-твоему, этим тоже надо гордиться?

– Трудновато. Но разве твоя мама не балерина?

Ирину всегда поражала способность людей помнить факты чужой биографии из далекого прошлого.

– Она не выступала после моего рождения. Этого она мне никогда не позволяла забыть. Я вызывала у нее отвращение, не была гибкой, не могла сесть на шпагат и дотянуться пяткой до головы. Даже согнуться к мыскам толком не могла. Постоянно на что-то натыкалась. – Ирина говорила, разглядывая свои руки; с легкой улыбкой Рэмси отодвинул чашку с зеленым чаем и потянулся к ней.

– Ох, я была ужасна, – продолжала Ирина. – Разумеется, не все дети наделены талантом, как Анна Павлова, но у меня еще и зубы выступали вперед.

Рэмси наклонился.

– По-моему, ничего страшного.

– Не думаю, что мама стала бы на это тратить, к счастью, отец заплатил за установку пластин. На самом деле передние зубы выглядели ужасно, они буквально лежали на нижней губе.

Ирина показала, как это выглядело, и Рэмси весело рассмеялся.

– Это многое объясняет, – сказал он. – Ты очень не уверена в себе. Ты *действительно* красивая – не возражаешь, что я так говорю? – просто сама этого не понимаешь.

Сконфузившись, Ирина потянулась к чашке лишь для того, чтобы убедиться, что она пуста, но притворилась, будто делает глоток.

– Мама красивее.

– Даже если и так, – Рэмси кивнул официанту с бутылкой sake, – в любом случае это уже в прошлом.

– Нет, в настоящем тоже. Ей шестьдесят три. В сравнении с мамой я законченная неудачница. Она до сих пор каждый день занимается у станка, по четыре часа, съедает в день три стебелька сельдерея и лист салата. Извиняюсь – половину листа.

– Настоящая зануда.

– Да, она всегда была такой – *занудой*.

Принесли блюдо сашими, шеф оказался виртуозом – каждый кусочек острого тунца был завернут в листик съедобного золота, поедание сего кулинарного шедевра казалось вандализмом.

– О, – вымолвил Рэмси, оглядывая блюдо с тем же выражением лица – смотреть, но не трогать, – с каким провожал ее до машины. – Когда я вижу на улице стайки накачанных красоток, первое, что приходит в голову: «Вот это да. Мне бы такую. Черт, должно быть, все дни проводит в тренажерном зале», но я не вижу их красоту, а вижу лишь безмерное тщеславие.

– Отличное оправдание, чтобы не делать приседаний: ах, не хочу показаться тщеславной.

– У тебя и не получится, лапочка.

Ирина нахмурилась:

– Знаешь, когда железку с зубов сняли, многое в моей жизни изменилось. Слишком многое. Порой, это даже пугало.

– Как это?

– Все стали относиться ко мне совсем по-другому. Не только мальчики, но и девочки. Видимо, ты всегда был симпатичным, тебе не понять.

– Я?

– Не скромничай. Это то же самое, что мне стыдиться своей худобы. – Разволновавшись, что позволила себе лишнего, Ирина добавила: – Я хотела сказать, у тебя правильные черты.

– Класс, – сухо заметил Рэмси.

– Я уверена, что привлекательные люди...

– Ты еще скажи «красивые».

– Ладно, *симпатичные* люди. Так вот, они не представляют, как к ним относятся окружающие, – как много зависит от их внешности. Готова поспорить, что привлекательные люди большие гуманисты. С ними все всегда мило, и они уверены, что все люди по натуре очень хорошие. Но это не так, все не хорошие. Они поверхностные. Это удручает, когда вы принадлежите к другой группе, к представителям которой относятся как к резинке, прилипшей к подошве. Вас не просто не замечают, а действительно не видят. Уродливые, слишком полные, все, в ком нет ничего привлекательного, – им приходится прилагать невероятные усилия, чтобы завоевать внимание. Они должны совершить нечто особенное, в то время как симпатичным людям достаточно просто присутствовать, чтобы вызывать всеобщий восторг.

Ей непривычны были столь длинные монологи. Лоренс прервал бы ее в самом начале, но Рэмси не сделал попытки перебить. Не встретив ожидаемого противления, Ирина продолжала:

– Торчащие вперед зубы в детстве были прекрасной тренировкой для дальнейшей зрелой жизни. Для симпатичных людей старение становится шоком. «Что происходит? – удивленно озираются они. – Почему мне никто больше не улыбается?» Для меня это не станет шоком. Просто вспомнятся зубы.

– Чушь. Ты будешь восхитительна и в семьдесят пять.

– Мечты, приятель, – улыбнулась Ирина. – А ты – у тебя лицо парня, от которого девочки в старших классах падали в обморок.

– Вынужден разочаровать тебя, солнышко, но до старших классов я не дошел. Провалил экзамен «илевен-плас». У вас такого не было, это...

– Я знаю. – Систему образования в Великобритании можно назвать «всеобъемлющей», но во времена учебы Рэмси экзамен, сдаваемый в одиннадцать лет, был призван отделить зерна от плевел, позволял определить, продолжит ли ребенок обучение в грамматической школе,

после которой поступит в университет, или перейдет в школу рангом пониже, после которой пойдет работать. – Ты, должно быть, очень переживал.

– Никакой трагедии для меня в этом не было. Я хотел играть в снукер и проводил в школе мало времени.

– Понимаю. Ты был для всех как бельмо на глазу, все даже с задних рядов рвались посмотреть, как ты идешь на свидание с единственной девочкой в классе, у которой уже с десяти лет была грудь. – Ирина весьма живо представила эту картину. Возможно, это была шутка веселого Питера Пена, но Рэмси и сейчас походил на подростка. Даже с посеребрившимися волосами он при тусклом освещении казался пепельным блондином.

– Оглянувшись в прошлое, – произнес он, – понимаю, что у меня всегда был выбор. Девочки меня побаивались. Мне было тринадцать, кажется. Да. И я познакомился с девушкой по имени Эстель, года на два меня постарше, она привела меня к себе и сняла майку. Я смотрел на плакаты «Битлз» – ну и на грудь, конечно, – бормотал что-то о снукере и велосипеде. У меня не было ни одной мысли о том, что я должен делать.

– Ты оставил ее стоять посреди комнаты с голой грудью? Должно быть, ей понравилось.

– Она потом со мной не разговаривала.

– Но ты выяснил в конечном счете, что делать.

– Не уверен.

– Могу порекомендовать тебе нескольких женщин, которые знают, как обращаться с мальчиками, но предупреждаю, что они ориентированы на возраст от пяти до восьми.

– Откровенно говоря, самые сильные эротические впечатления в моей жизни никак не связаны с сексом. Ты права, у меня была в школе подружка. И сиськи у нее были классные, хоть и маленькие. Мы были неразлучны. Все одноклассники были уверены, что мы без ума друг от друга. Но они ошибались. Дениз была маленькая и худенькая, как ты. Очень похожа на тебя. Все вечера, когда могли вырваться из дома, мы проводили в клубе снукера «Рейкерс» в Клапаме. Она смотрела, как я за пятерку разделяюсь с ребятами вдвое старше меня. Я оставлял ей свою куртку и бабки, она знала: если начинается заваруха, надо хватать их и бежать. Закончив фрейм, я провожал ее домой. Она несла мой футляр, а я держал ее за руку. Мы всегда шли через Клапам-Комон и на полпути останавливались посидеть на одной и той же скамейке. Мы целовались и обнимались там часами. Сейчас это кажется невинным развлечением; впрочем, так оно и было. Бесконечные поцелуи... и каждый раз такие разные... К большему я не стремился и не чувствовал себя обманутым. Тогда я и не представлял, что опыт шестнадцатилетнего мальчишки будет самым запоминающимся эротическим моментом в жизни. Мне до сих пор снится Дениз и та скамейка в парке.

Душу Ирины будоражили эмоции, которым она не могла дать определение. На заре их отношений с Лоренсом они тоже много часов проводили на ее ветхом диване в квартирке на Сто четвертой улице, не отрывая губ друг от друга. Но те мгновения были богатством, принадлежавшим ей одной. Приблизительно на второй год их совместной жизни она заметила, что они больше не целуются в том смысле, о котором говорил Рэмси, хотя по-прежнему чмокали друг друга на прощание. Пожалуй, не вполне честно обвинять во всем одного Лоренса, но Ирина была уверена, что именно *он* перестал *ее* целовать. У них был хороший здоровый секс, и ей казалось неразумным жаловаться на ограниченность чувственного оформления. Тем не менее последнее время, наблюдая страстные объятия на экране – что за глупый первобытный обычай прижиматься губами? – Ирина испытывала смятение с примесью отчаяния и... зависти.

– Поцелуи, – отважилась заявить она, – вещь эмоционально ярче окрашенная, чем секс, правда? В нашем возрасте они особенно много значат.

– Не хотелось бы принижать значение секса, но целоваться намного интереснее.

Во время затянувшейся паузы Ирина посмотрела на блюдо сашими и приступила к так породававшему ее вандализму.

Сливочная полоска рыбы непристойно растянулась на ее палочке. Вкус был чистый, без примесей – счастье после девяти дней кексовой диеты, и она погружала его в мисочку с кофейного цвета жидкостью, оставляя легкие разводы.

– Вы давно женаты? – несколько официально поинтересовался Рэмси.

– Ну, официально мы не женаты, – призналась Ирина и отправила в рот гигантского моллюска.

Рэмси отложил палочки.

– Но он называл тебя *женой*!

– Да. Лоренсу сорок три года, он староват для определений «моя девушка».

– Значит, он должен жениться. Нехорошо получается.

– Лоренс не любит помпы. В наше время настоящую защиту дают только «серьезные намерения». Невозможно жениться так, как вам того хочется, с тех пор как взлетел уровень разводов. В заключении брака нет необходимости. Я и без того знаю, как он ко мне относится.

– О да, он тебя обожает, – кивнул Рэмси. – Это первое, что мне в вас понравилось. Вы с Лоренсом похожи на Гибралтар.

– А ты? Не хочешь еще раз попытать счастья?

– Откровенно говоря, я готовлюсь сойти с дистанции.

– Все говорят, что жениться после развода глупо.

– Да. Но с твоей стороны нечестно лишать меня уверенности, что это случится.

Ее уверенность в сохранении верности Лоренсу упрочилась, и она могла себе позволить некоторое любопытство.

– Значит ли это, что ты ни с кем не встречаешься?

– Ни с кем, как ты могла заметить.

У нее нет оснований чувствовать себя польщенной.

– Разве мастера снукера не приударяют за поклонницами? Такими, как Эстель, которые тащат их в номера и срывают с себя майки?

– В снукере все не так плохо, как в футболе. Это спорт порядочных парней. Но от школы мало чем отличается. У меня, – он запнулся, – всегда есть выбор.

– Джуд выжгла все твои чувства?

– После Джуд я как выжатый лимон. Ей всегда было мало. Мы купили дом в Испании; должны были в Тоскане. Я отдаю себе отчет, что у нее высокие требования к жизни, это ценное качество. Она честна в сексе – чистый бриллиант. Но когда ты не оправдываешь ожиданий – когда твоя задача сводится к тому, чтобы войти в спальню и сделать то, что спасет жену от разочарований, – черт, это изматывает. Не могу сказать, что я полностью восстановился.

Джуд умела смотреть в *суть* вещей, – усмехнулся Рэмси. – Вместо того чтобы признать, что потерпела неудачу, и рассмотреть другой вариант, она предпочитала выжать из ситуации все до конца. Понимаешь, о чем я? Снукер отлично тренирует эти качества. Каждый удар приближает тебя к выигрышу всего фрейма. Ты исходишь из того, как легли шары на сукно сейчас, а не минуту назад, когда ты запланировал комбинацию. Джуд полагала, что проникнуть в *суть* будет не сложнее, чем написать детскую книжку, не допуская отказов издателей, плохие продажи или конфликт с таким иллюстратором, как ты. Ты знаешь, она ездила по библиотекам и читала книжки шестилеткам, смотревшим на нее открыв рот. Черт возьми, лучше бы она играла в снукер, раз ей так нужна толпа почитателей. Полагаю, именно по этой причине ее представления о жизни с игроком в снукер были несколько искаженными. Для нее стало шоком, что я большую часть года нахожусь вне дома. Она требовала, чтобы между турнирами я приезжал в Лондон, составляла мысленно мой образ, получалась будто ретушированная фотография. А когда я исполнял все, как она пожелает, просто ставила галочку около выполненного пункта.

Я не считал, что этого достаточно, – произнес Рэмси, после того как официант в четвертый раз разлил саке. – Все должно быть идеально, по-другому мне не надо. Как у вас с Лоренсом.

Многие годы Ирина была уверена, что только благодаря присутствию Джуд и Лоренса способна провести в обществе Рэмси Эктона более десяти минут. Однако с 1992 года эти двое вовсе не способствовали исчезновению натянутости в отношениях Рэмси и Ирины. Оказалось, они были серьезной помехой.

За мороженым и зеленым чаем они перешли к разговору о детских каникулах. Лоренс был бы потрясен такой темой. Будь он здесь, потягивал бы весь вечер единственную бутылку пива «Кирин», жевал курицу «тереяки» (он ненавидел сырую рыбу), хмурился бы, когда Ирине наливали вторую рюмку саке, а на третьей громко заявил бы, что это лишнее; на четвертую она ни за что не решилась, понимая, что Лоренс точно наложит вето. Лоренс с ужасом смотрел бы, как в конце ужина она прикуривает «Голуаз» без фильтра, и всю дорогу домой в салоне такси отворачивался бы от нее – «От тебя пахнет, как от пепельницы!» – словно она выдыхала дым ему в лицо, и ни за что бы не поцеловал ее прямо там, на заднем сиденье такси. Около часу ночи он откинулся бы на спинку стула, театрально потягиваясь, намекая, что пришло время уходить. Лоренс не был помешан на вирусах и микробах, но ему определенно не понравилось бы, что они с Рэмси ели мороженое из общего блюда, стоящего посередине стола. Мысль развеселила Ирину. В одном она была абсолютно уверена: Лоренс отверг бы предложение Рэмси, сделанное сейчас, когда она с сожалением тушила сигарету, поехать к нему на Виктория-парк-Роуд и накуриться. Он считал бы его неразумным. Возможно, Лоренс и покурил в прошлом, но сейчас он стал взрослым и не признавал наркотики ни в каком виде, а это подразумевало, что Ирина так же к ним относится.

Но ведь Лоренса здесь нет, верно? Значит, можно отдохнуть.

Что, если ей согласиться, но сказать Лоренсу, когда он возвратится из Сараева, что она отвергла приглашение Рэмси покурить? Он укорит ее за «ребячество», напомнит, как она вела себя, когда решила попробовать марихуану, – это было еще в 89-м, на Сто четвертой улице, она тогда три часа молчала и тарасилась на оклеенную обоями стену. Самое любопытное, что из всего сказанного внимание Лоренса не привлекли бы слова о том, что она красивая женщина (по крайней мере, так утверждал Рэмси). В то время как Ирина была почти во всех смыслах, кроме законной регистрации, замужем, Рэмси уже восемнадцать месяцев находился в разводе и недвусмысленно дал понять, что свободен – может возвращаться домой, когда ему будет угодно, и курить марихуану, не опасаясь вызвать недовольство. Почему же Лоренс не акцентировал внимание именно на утверждении, что она красива? По той причине, что это было самым главным, а он предпочитал не обращать внимания на главное, лихорадочно ходил вокруг да около, отмечая второстепенное, словно опутывал нитью то единственное, что имело значение. Скорее всего, он надеялся, что главное, опутанное веревкой, вскоре задохнется и отомрет. Тем не менее весьма эксцентричное приглашение Рэмси при любом исходе останется тайной для Лоренса.

Ирина всегда считала тайны в семье самым действенным из всех возможных ядов, но не отвергала право на существование *маленьких секретиков*. Она могла тайком выкурить сигарету или две вовсе не потому, что наслаждалась никотином, а потому, что наслаждалась существованием такого вот *секретика*. Она часто задавалась вопросом: неужели у человека нет права на обладание крупинкой чего-то личного, пусть даже при наличии близких отношений с партнером, настолько близких, что оба почти сливаются друг с другом, становясь похожими на сиамских близнецов, которых можно разделить лишь хирургическим путем? Банальная затяжка давала Ирине ощущение того, что в отсутствие Лоренса она не прекращает существовать,

помогала сберечь ту частичку плохого, которое она оберегала в себе с юности, когда бросала вызов себе самой, прогуливая уроки в школе с самыми отъявленными хулиганами.

– Конечно, почему бы и нет?

Путь из закутка, где располагался их столик, через зал, затем вниз по лестнице, на каблуках, ступенька за ступенькой требовал предельной концентрации внимания и напоминал повторение ритмичного детского стишка. Рука Рэмси опять зависла у ее талии, разумеется не касаясь.

На улице Ирина подумала, что в словаре непременно должно быть слово для определения такой погоды: температура была не высокой, но и не низкой. Понижение на один градус заставило бы пожалеть о не пришедшей в голову мысли о жакете, повышение же непременно заставило появиться на лбу капельки пота. Сейчас же температура не требовала дополнительной одежды, не заставляла жалеть об отсутствии освежающего ветерка. Оно должно существовать, это слово, произносимое со счастливым придыханием, следующее за восторженным возгласом, – беспечность, временное освобождение от обязательств, словно время должно и может остановиться. Как правило, температура на улице – это всегда сражение; только сейчас она стала причиной бескрайнего восторга.

Они шли по тротуару, держась несколько ближе друг к другу, чем было прилично. Вина. В этот вечер не было ничего, что должно вызывать чувство вины. Что же касается той короткой прогулки до Чаринг-Кросс, она будет лишь помнить о том, как близко они были друг к другу. Подойдя к «ягуару», Ирина смутилась. После легко струящегося разговора в «Омене» между ними опять возникла прежняя неловкость. Она слишком много выпила (четыре большие рюмки sake). Она даже не могла вспомнить свое состояние после курения марихуаны, чтобы найти повод не желать этого и отказаться. Дома на кухне остывают пироги с начинкой из ревеня, которые необходимо убрать в морозилку. Она устала – по крайней мере, должна была устать. Может позвонить Лоренс и, не застав ее дома в два часа ночи, вообразит, что произошло нечто ужасное.

Но отказ от предложения Рэмси прозвучит трусливо, вечер в день рождения будет омрачен отказом. Если позвонит Лоренс, она всегда может сказать, что они с Рэмси угодили в одну из тех комичных пробок, которые возникают в Лондоне в самые неожиданные часы и в самых невероятных местах. Порой, если вы допустили ошибку, приходится продолжать действовать в соответствии с обстоятельствами.

В машине оба ехали хмурые. Вместо того чтобы радоваться предстоящему времяпрепровождению, Ирина ощущала себя одиннадцатилетним британцем на экзамене «илевенплас», определяющим, будет ли она заниматься кардиологией или мыть общественные туалеты. Большинство коллег Рэмси происходили из убогих кварталов Восточного Белфаста или самых отвратительных районов Глазго. Как только игроки в снукер расправляли крылья, они незамедлительно переезжали. Однако Рэмси родился и вырос в Клапаме – некогда отстроенном быстро, но хорошо, теперь же мрачном, беспричинно довольном собой районе, с неожиданно высокими ценами на жилье, которое можно было бы назвать «стильным». Возможно, для того, чтобы подчеркнуть свое пролетарское происхождение, Рэмси первым делом переехал в район кокни Ист-Энд.

Разумеется, пролетарским его жилье не назвать – Рэмси принадлежал целый викторианский особняк на Виктория-парк-Роуд, на южной границе с Хакни. Ирина много раз бывала в доме во времена работы с Джуд, именно здесь произошла их словесная перепалка, приведшая к ссоре. Жаждавшая крови, Джуд раскритиковала почти все рисунки Ирины, обозвала ее «тряпкой», о которую Лоренс вытирает ноги, а за меланхоличное спокойствие назвала «лунастиком». И все потому, что Ирина позволила себе назвать тривиальным последнее творение Джуд «Большая пасть» (рассказ о собаке, которая постоянно лаяла, и никто не мог заставить ее

замолчать, пока ей, наконец, не кинули мячик, который она поймала пастью и перестала лаять, и вся семья ее очень полюбила). Ирина тогда сказала: «Даже дети поймут, что ты пытаешься дать им понять, что следует замолчать». Но Джуд не желала подчиняться логике: «А если тебе дать мячик, ты все равно будешь говорить, да? Ты меня достала».

Джуд назвала Ирину «пассивно-агрессивным человеком» – термин последнее время часто употребляется для определения людей агрессивных – и объяснила, что прием с мячом нужен был ей, чтобы описать тяжесть и ограниченность существования в мире, населенном такими, как Ирина.

«Ягуар» качнулся, въезжая на подъездную аллею, заставляя прервать размышления.

Ирина не стала разыгрывать роль принцессы и сама распахнула дверцу машины. Однако, когда она следовала за Рэмси к темному входу и поднимаясь по лестнице, ее кольнуло неприятное ощущение, показавшееся зловещим предзнаменованием, словно она входила в страну Оз или замок Горменгаст, где действуют совершенно другие законы, казалось, что стены библиотеки сейчас разъедутся, открывая путь в подземелье тайн. Ей слышалось тихое, выразительное повествование, так обычно читают книгу маленьким детям: «Ирина поднялась по массивным ступеням усадьбы высокого незнакомца. Перед ней распахнулась огромная, тяжелая дверь и хлопнулась следом с лязгом и грохотом. Девочка вспомнила, но слишком поздно, что мама наказывала ей никогда не садиться в машину к незнакомому мужчине. Правда, мама никогда не предупреждала, что нельзя заходить в дом к незнакомому мужчине, особенно без сопровождения ее старого друга Лоренса. Мама всегда считала дочь умной девочкой».

В доме по-прежнему были темная антикварная мебель и восточные ковры, однако некоторые, наиболее ценные экземпляры, которые Ирина хорошо помнила, исчезли. Последствия брака у женщин часто проявляются в увеличении ягодиц; а у мужчин планы на счастье скорее выливаются в материальные потери. Складывается впечатление, что женщины вынуждены хранить свое прошлое, тогда как у мужчины его попросту крадут.

Четыре отметины на темном ковре свидетельствовали о том, что здесь стоял кожаный диван, на котором они когда-то сидели, а те следы остались от тумбы со столешницей из розового мрамора, которой она восхищалась.

Белые квадраты на кремового цвета стенах создавали эффект работы экспрессионистов, в то время как картины, некогда украшавшие первый этаж, были более консервативными. Но Рэмси способен заполнить пробелы, причиной которых стали желания Джуд. Может, он принадлежит к породе аскетов либо хочет насладиться неизбежно возникающим жалостливым к нему отношением.

Рэмси разлил коньяк.

– Пойдем вниз, – сказал он, обозревая помещение, где стараниями Джуд было не на что сесть.

Ах, в подземелье.

Ирина последовала за Рэмси в подвал. Он включил лампу над бильярдным столом, и зеленое сукно, окаймленное бортами из красного дерева, предстало во всем храмовом величии, милостиво позволяя остальным предметам в комнате существовать рядом, согреваясь в лучах света. Темные диваны выстроились вдоль стен, напоминая церковные скамьи, Ирина взяла бокал и сделала глоток, словно держала в руках чашу для причастия. Она находилась в самом сердце дома, где Рэмси, несомненно, проводил большую часть времени. Свет лампы падал на пики киев, выставленные на полках в шкафу шесть хрустальных призов финалисту чемпионата, напоминали оскал острых зубов. Стены были украшены вставленными в рамки постерами турниров в разных точках мира от Бангкока до Берлина – ценности, которые Джуд любезно позволила мужу оставить. Очевидно, Джуд не часто здесь появлялась, что, скорее всего, и помогло Рэмси пережить семь лет брака. Ирина чувствовала себя допущенной в святилище. Она опустилась на кожаный диван, окутанный мистическим золотистым светом, каб-

луки утонули в царственной роскоши кармазинного цвета ковра, усиливая ощущения того, что она очутилась в волшебном подземелье или в Зазеркалье.

Рэмси извлек из шкафа старинную деревянную шкатулку. Несмотря на позволение несколько сократить расстояние во время прогулки, Ирина решительно заняла место в дальнем углу комнаты. С неожиданным почтением Рэмси выложил на разделявший их стол коробку из-под сигарет «Суон», лезвие бритвы и металлический цилиндр, похожий на старую упаковку из-под пилюль. Разрезав лезвием сигарету «Голуаз», он стряхнул табак с бумаги. С помощью изящной серебряной зажигалки распределил траву вперемешку с семенами. Он был похож на колдуна, перемешивающего зелье, способное погрузить Спящую красавицу в долгий сон или свалить на покрытую снегом землю Белоснежку.

Закончив, Рэмси протянул Ирине косяк, скрученный удивительно аккуратной тонкой трубочкой. Она сделала две затяжки и решительно замотала головой на его предложение сделать третью. Рэмси пожал плечами и справился с оставшимся в одиночку.

Ирина втайне боялась беспричинного смеха или безудержной болтовни, которую, по ее мнению, вызывает марихуана, но так, похоже, наркотик действовал только в кино – ее опасения оказались беспричинными. Не обращая на нее внимания, Рэмси встал с дивана, открыл футляр и собрал кий, затем разместил на столе выровненные рамкой шары. Деликатным ударом он выполнил разбив пирамиды слева, закрутил и отправил в лузу красный, заставив биток разбросать сбившиеся в кучку шары.

Как и наркотик, последующее действие было мальчишеством. Рэмси пригласил ее к себе домой, поэтому вынужден исполнять роль хозяина, но затащить ее в подвал с одной целью – произвести впечатление больше подходит юноше, чем мужчине сорока семи лет. Как бы там ни было, но Ирина видела игру Рэмси только на экране, и тогда стол двенадцать на шесть казался ей значительно меньше. С близкого расстояния точность и фантастическая выверенность ударов, способность подставить биток под нужный шар казалась лежащей за пределами человеческих возможностей. При каждом движении полы шелкового пиджака распахивались и покачивались.

Шары слаженно катились в лузы, будто по собственной воле, подталкивая друг друга или пролетая на расстоянии волоса от оставшихся в игре собратьев, никогда не соприкасаясь, если это не было запланировано Рэмси. Подсвеченные мягкими лучами разноцветные пятна калейдоскопом мелькали на сукне.

Волоски на коже Ирины вздыбились, воздействие марихуаны было настолько легким, что она задалась вопросом: почему, вопреки ожидаемому эффекту, сидит точно затянутая в узел?

Рэмси приступил к следующему фрейму, а Ирина подумывала о еще одной затяжке допинга, как произошло нечто. Наркотик, как внезапно оказалось, не такой уж и легкий. И это после двух затяжек. Воздух в легких, температуру которого она никогда не замечала, внезапно стал нагреваться, как сиденье в машине, после включения подогрева. Ирина никогда не задумывалась о размерах своей груди. Лоренс любил весело заметить, что не принадлежит к любителям «сисек». Поскольку так называемый «муж» никогда не обращал внимания на эту часть тела – даже не касался ее, откровенно говоря, – она не видела смысла придавать ей большое значение.

Сейчас грудь восстала против пренебрежения, воспротивившись тому, что в инфракрасном изображении на ее месте, вероятно, будут зиять две дыры, как на месте окон Сент-Пола. Ошеломленной Ирине показалось, что грудь начала светиться, и она обняла себя руками, как в тот вечер, когда произнесла по-русски фразу: «Когда мы с тобой разговариваем, мне кажется, что я голая».

Это чувство наводило на мысль, что ее тело подключили к передатчику электрического тока и какой-то хулиган постепенно увеличивает напряжение в сети. Пульсирующая теплая волна скатилась на живот, затем на бедра. Ирину охватила досада. Это совсем не то, на что

надеется молодая женщина, получившая приглашение на вечер. Ирина понимала, что ее грудь не пылает красным, как семафор на железной дороге, однако следует признать, что контраст с чопорной иллюстраторшей, которой она всегда была, сейчас представляет колоссальный.

Ирина осторожно повернулась и посмотрела прямо на бильярдный стол, решив, что в ее положении не стоит позволять волосам растрепаться. Рэмси, похоже, ничего не замечал. На лице застыло выражение предельной концентрации, она даже забеспокоилась, не плохо ли ему; со стороны его позерство выглядело не ахти как, но, видимо, после косячка Рэмси ничем другим не занимался, так бы он поступил и в том случае, если бы она отказалась принять его приглашение.

Все же он мельком бросал на нее взгляды, желая получить подтверждение, что ослепительные удары сделаны не зря. В конце концов, Рэмси заслуживал похвалы, по какой еще причине взрослый мужчина может вести себя как восьмилетний ребенок, если не в надежде на восхищение. Забавно, что до этого момента она не замечала его. Не в том смысле, в каком воспринимала его раньше – как свидетель, описывающий полиции точные приметы: рост, цвет волос, а в самом прямом и правильном смысле – ведь Рэмси Эктон совершенно удивительный человек.

Поразительный.

На самом деле он головокружительно – умопомрачительно! – привлекателен.

Это прежде было не так явно, но сейчас ее глаза расширились, зрачки превратились в темные точки в центре. Возможно, незаметный со стороны, этот внутренний переворот поразила Ирину.

Если она сейчас не поцелует Рэмси, то определенно умрет.

– Надо выполнить удар, чтобы прочувствовать, – произнес Рэмси, по-прежнему стоя по ту сторону стола. Это была первая произнесенная им за полчаса фраза.

Будучи ребенком, Ирина пугалась диких криков школьников, несущихся по коридорам, неприятных высказываний в ее адрес о том, что у нее лицо как у осла. Она пронесла эту тревогу по всему жизненному пути до самого конца университета, так и не заставив себя произнести слова объяснения, которые знала. Когда ее друзья-мужчины превышали скоростной рубеж, она позволяла себе раздражительность. Внезапно Ирина вспомнила, как с тем же беспокойством ждала звонка Лоренса после того, как они первый раз провели ночь вместе, и боялась, что он никогда не позвонит.

В своей профессиональной деятельности Ирина привыкла к разным поворотам судьбы, но всегда спешила открыть конверт с уведомлением из издательства, поскольку там могло содержаться требование забрать работы – результат шестимесячного кропотливого труда. За время жизни в Лондоне она пережила страх во время взрыва, устроенного Ирландской республиканской армией, хотя до этого все нагнетающие ужас репортажи о произошедших в разных местах взрывах казались далекими, не имеющими к ней отношения.

Суть в том, что, как и большинство людей, Ирина не была чужда страха.

Она понимала, какой смысл люди вкладывают в это слово. Но, как оказалось, истинный смысл был скрыт от нее до 2:35 6-го – нет, уже 7 июля 1997 года. Никогда прежде она не была так панически напугана.

Ирина решила повиноваться. Ее воля молчала, по крайней мере та самая сила воли, которая тонким голосом заставляла положить грязную одежду в корзину для белья или поработать в студии еще один час, когда она уже плохо видела от усталости.

Но существовала и еще одна воля, то чувство, которое исходило не от нее, но все же принадлежало ей. Сейчас это более сильное чувство взяло управление на себя. Попав под его затмевающее влияние, Ирина была не в состоянии принимать решения самостоятельно. Она ничего не делала; это желание само созрело в ней.

Ирина двинулась вперед, к Рэмси, понимая, что в любую минуту может упасть и причиной тому будут высокие каблуки, марихуана или коньяк. Неуверенность в движениях сидела у нее в голове, как боль при воспалении уха.

Вероятно, такое случалось с пилотами истребителей, особенно до появления навигационных приборов, когда они, не представляя, где верх, где низ, на всей скорости врезались носом в землю. Даже в нашу эпоху надежных альтиметров пилот-любитель может неверно считать показания приборов на панели и направить машину в стену дома. Не прислушиваясь к голосу интуиции, подсказывающему, в каком направлении верх, полагаясь лишь на визуальные ориентиры, безусловно, можно прийти к фатальному падению.

Ирина шла к Рэмси, чья стройная фигура сейчас была очерчена тонким белым контуром, словно вырезанная из журнала фотография, и все произошедшее за сегодняшний вечер постепенно вставало на свои места. Рэмси воспользовался тем, что Лоренса нет в городе. Он ослепил ее восхитительным ужином, хитро разбавленным историями с сексуальным подтекстом из подросткового периода жизни. Он напоил ее – старая как мир комбинация, любимая женщинами, не желающими брать на себя ответственность. И наконец, наркотики. Он заманил ее в свой дом, где представил в лучшем свете свое мастерство игрока, в надежде, что она ослепнет от близости к звезде. И теперь: «Надо выполнить удар, чтобы прочувствовать». Гамбит. Пешку пожертвовали. Рэмси казался ей наивным? Это она наивная, ветреная и пустоголовая дурочка, упавшая в объятия совратителя, как наливное яблочко с деревца.

Ирина слишком поздно раскрыла его хитрый замысел. Она уже не может оторвать глаз от его губ, околдованная взглядом его серо-голубых, волчьих глаз, чтобы там ни говорила Бетси. Ирина стояла перед ним, опустив руки, готовая принести себя в жертву.

Рэмси протянул ей кий.

– Я уже подготовил удар. Красный в центральную лузу.

«Да, чертенок, ты уже все подготовил», – подумала Ирина.

Согнувшись над столом, он продемонстрировал ей наилучший способ забить шар. Ирина последовала примеру. Пока он бормотал ей, что после удара не надо «оттягивать назад», она глубоко выдохнула пары табака и алкоголя, собираясь с силами. Рэмси потянулся к ней, желая помочь найти верный угол.

Вопреки данной инструкции, рука непроизвольно пошла назад. Пытаясь исправить ошибку, он в педагогических целях накрыл ее руку своей. Повернувшись, к своему удивлению, Ирина увидела на лице выражение глупой растерянности.

Наконец, до Ирины *дошло*. Алекс Ураган Хиггинс? Ронни Ракета О'Салливан? Джимми Вихрь Уайт? Несомненно, все мастера снукера были немного хулиганами. Они пили, курили, волочились за женщинами; никогда не задумывались, прежде чем «загнать в силки очередную птичку». Ничего удивительного, что, затянувшись косячком, Рэмси припадал к бутылке, а потом и к женщине. Но в какой-то момент его пути с конкурентами разошлись. *Рэмси Эктон отличный парень*. Может, он счел ее привлекательной; за это она не в силах его осуждать. Но Ирина считала, что отношения должны быть как звуки – приятными и постоянными, а Рэмси приятель Лоренса.

Если кому-то и надо кого-то поцеловать сегодня вечером, то она поцелует Рэмси. Заставит себя забыть о таком важном моменте, как присутствие в ее жизни Лоренса, – перспектива чреватая последствиями. Рэмси, скорее всего, никогда бы о ней не подумал в таком смысле. В какой-то мере она рисковала испытать то же унижение, которое испытала Эстель, скинувшая с себя майку перед вещавшим о велосипеде подростком.

Все же это непростое решение. Напившись, люди поздно ночью часто совершают поступки, за которые, смущенно посмеиваясь, извиняются утром. Ее цель – свести к минимуму все риски. Ирина понимала, что стоит на развилке дорог, возможно одной из самых важных в ее жизни.

– Да, чуть не забыла, – произнесла она с улыбкой и пошатнулась. – С днем рождения.

2

В замке повернулся ключ, и сердце бешено забилося.

– Ирина Галина! – Нет, это не прозвище. Чтобы подчеркнуть поэтичность русского языка, мать Ирины выбрала для рифмы второе имя Галина. Лоренса очень веселило это сочетание звуков, похожих на выстрел из двустволки. Сегодня он еще из холла услышал, как она напевает песенку, словно пребывает в том возрасте, когда восторгаются шоу «Улица Сезам».

Бросив сумки, Лоренс просунул голову в гостиную.

Повернувшись, Ирина ощутила, как сердце проваливается в пустоту. «Со мной никогда такого не было. Я вижу это лицо и совершенно ничего не чувствую», – подумала она.

Ирина впервые посмотрела на Лоренса с интересом, когда он появился на пороге ее квартиры на Западной Сто четвертой улице и переступил его с чуть заметным колебанием. Заметив ее объявление на стенде Колумбийского университета о проведении занятий по русскому языку, он сразу же записался на урок. Она не претендовала на то, что это была любовь с первого взгляда, но все же в момент их знакомства обоим показалось, что они видятся не впервые. Его фигура пряталась за свободной фланелевой рубашкой и мешковатыми брюками, но лицо притягивало внимание: правильные резкие черты, впалые – результат переутомления – щеки, наморщенный лоб; глубоко посаженные карие глаза с застывшей мольбой делали его взгляд похожим на взгляд блаухаунда.

Лоренсу нравилось считать себя своего рода геодезическим куполом, самодостаточным и прочным, хотя Ирина видела лишь предприимчивого молодого человека, сумевшего выбраться из среды дальнобойщиков и подняться до Лиги плюща. В тот день ее сердце разрывалось от мысли, что он голодал, – в Лоренсе было нечто неуловимо схожее с теми дикими мальчиками, что выросли в лесу рядом с шимпанзе и питались кореньями и ягодами.

Первое впечатление до сих пор не забылось, мольба во взгляде и ограниченность потребностей навсегда поселили в ее сердце сострадание, о котором Лоренс даже не догадывался. Этот самонадеянный вид, с которым он прислонился к двери в гостиную, ухмылка раздирали душу, хотя его ужасающий русский никогда не вызывал в ней чувство превосходства. За годы ее сострадание лишь росло.

Теперь она с горечью была вынуждена признать, что одним хлопком двери он разрушил это чувство. Лицо Лоренса было знакомо ей до мелочей, но сейчас казалось, что, изучая его на протяжении девяти лет, она в одно мгновение поняла, что оно совсем чужое.

Она уже все получила. Сюрпризов больше не будет – впрочем, это уже само по себе сюрприз. Словно желая испытать на себе всю силу горечи до капли, Ирина продолжала смотреть на Лоренса, она напоминала себе человека, снова и снова поворачивающего ключ зажигания, не желая признать, что мотор умер.

Идеально прямой нос: ничего. По-мальчишески взъерошенные волосы: никакой реакции. Призывный взгляд карих глаз – она не может больше смотреть в эти глаза.

– Эй, как дела? – спросил Лоренс, коснувшись щеки сухими губами. – Только не говори мне, что ты просто сидишь, даже не читаешь.

Она именно это и делает. Просто сидит. Ее собственный ум превратил ночь в центр домашних развлечений, и ей вовсе не хотелось открывать книгу. Чтение с коробкой кукурузных хлопьев в руках выглядело бы сейчас насмешкой.

– Просто размышляю, – слабым голосом ответила Ирина. – Ждала тебя.

– Уже почти одиннадцать, верно? – Лоренс вернулся в холл, подхватил сумки и понес в спальню. – Скоро начинается вечернее шоу на Би-би-си!

Голос его быстро затих, оставив после себя мертвую тишину, словно с его появлением в квартире исчезла акустика.

Ирина изо всех сил старалась выпрямиться и занять более приличное положение, но так и осталась полулежать на диване. Из спальни донесся шум. Разумеется, Лоренс раскладывал вещи. Чем еще он может быть занят при такой маниакальной страсти к порядку?

До его возвращения в гостиную Ирина так и не придумала, что сказать, она не привыкла «думать» в разговоре с Лоренсом.

– Все, – гаркнул он.

Будто переняв манеру Рэмси, Ирина смогла отреагировать на сказанное лишь через минуту.

– Что – все?

– Все, можем смотреть программу.

Между произносимыми ими словами была пустыня. Ирина отчетливо представила себе, что их серьезный разговор становится похож на иллюстрации, не сочетающиеся между собой по стилю и исполнению, на послание с требованием выкупа, где все буквы вырезаны из разных газет. Ведь они раньше разговаривали. Интересно, какие темы обсуждали?

– У нас еще есть двадцать минут, – продолжал Лоренс, опускаясь на диван рядом с ней. – Ну, как дела? Что нового?

– С нашего последнего разговора ничего не изменилось. – Вот и первая ложь. К горлу подкатила тошнота от мысли, что далеко не последняя.

– Вы ужинали с Рэмси? Только не говори, что ты струсила.

– Ах да, да, – быстро пролепетала Ирина. У нее ничего не получается. Она уже себя выдала. Разумеется, придется рассказать о событиях прошлого вечера, хотя стоит ей произнести имя Рэмси, как сердце отвечает бешеным грохотом. – Да, мы ходили в ресторан.

– И как прошло? Ты переживала, что вам не о чем будет говорить.

– Все прошло неплохо. Надеюсь.

Лоренс неожиданно стал раздражаться.

– И о чем же вы говорили?

– Ну, о Джуд. О снукере.

– Он будет в этом году участвовать в итоговом турнире? Мне бы хотелось пойти.

– Понятия не имею.

– Надеюсь, его рейтинг достаточно высок для участия.

– Понятия не имею.

– Что ж, вы ведь не могли болтать только о снукере.

– Не могли, – эхом отозвалась Ирина. – Не все время. – Такое ощущение, что она вилкой вынуждена вытаскивать изо рта каждое слово.

– Надеюсь, тебе удалось услышать несколько хороших сплетен?

Ирина потеряла лоб.

– С каких пор ты интересуешься сплетнями? Тем, что происходит в чужом сердце, а не в твоей голове?

– Ну, например, поговаривают, что Ронни О’Салливан лег в реабилитационную клинику. Интересно, в чем там дело?

– Извини, – с чувством произнесла Ирина. Она не могла за одну ночь превратиться в чудовище. Печально смотрела на Лоренса и размышляла: как ужасно, но ей нечего сказать, она не может бороться с тем состоянием крайней нервозности, что охватило ее с появлением Лоренса. Как от чумы, он бежал от самой главной темы, факт существования которой мигал красным светом в полутьме комнаты. Пока их разговор неуловимо напоминал свидание в тюрьме, будто их разделяет толстое стекло, а звуки доносятся приглушенно, как через переговорное устройство. Ирина решила нарушить закон и сейчас переживает лишь первый день своего нового существования, тогда как впереди их будет еще невыносимо много. – Я испекла пирог, – жалобно произнесла она.

- Я перекусил в самолете... Впрочем, конечно. Маленький кусочек.
- Хочешь пива?
- Я уже выпил бутылку «Хайнекен». Хотя к черту, давай праздновать.
- Что праздновать?
- Мое возвращение. – Брови приподнялись. – Или ты не заметила?
- Извини, – вновь пробормотала Ирина. – Разумеется, заметила. Для чего же тогда пирог?

К твоему возвращению.

На кухне она оперлась ладонями о столешницу, склонила голову и тяжело выдохнула. Почти два часа ее бил озноб, от которого она до сих пор не может оправиться. Слава богу, пирог удался, и он не стоял весь день на столе в кухне, что окончательно бы его погубило.

Она сама сможет проглотить лишь крошечный кусочек. (С того момента, как она отправила в рот последнюю ложку мороженого, запив ее зеленым чаем, она не в состоянии даже думать о еде. Правда, днем она сделала глоток коньяку...)

Ирина отрезала кусочек пирога для себя, такой тоненький, что он едва не развалился, и большой для Лоренса – гораздо больший, чем он захотел бы получить, потому что всегда следил за своим весом. Кусок вредных жиров одиноко лежал на тарелке; от одного его вида рот наполнился слюной. Рэмси не нужен восхищенный его игрой зритель, а Лоренсу не нужен этот пирог.

Ирина достала из холодильника бутылку эля и открыла дверцу морозильной камеры. В другой день она бы выпила бокал вина, чтобы составить Лоренсу компанию, но сегодня ее манила покрытая инеем бутылка «Столичной». Перед приездом Лоренса она почистила зубы, поэтому он не узнает, что она выпила уже две рюмки чистой водки от страха, что он сейчас войдет в дверь.

Она не принадлежала к числу людей, привыкших пить алкоголь на голодный желудок, изменение привычек, даровавшее вначале ощущение свободы, могло в одно мгновение привести к полной отчужденности от своего собственного «я». Ирина взяла запотевшую бутылку, открутила пробку, сделала поспешный глоток и, решив вести себя благообразно, налила в бокал далеко не скромную порцию. В конце концов, они решили праздновать.

Манеры Лоренса не позволили указать ей, что его кусок гораздо больше того, на который он рассчитывал.

- Красный! – по-русски воскликнул он.
- Дурачок, – произнесла Ирина с самой легкой иронией, на которую была сейчас способна. – Ты хотел сказать «красивый». Красная площадь, да? Помнишь?

Ее всегда веселила неспособность Лоренса разобраться в русском языке, но, видимо, сейчас в ее интонациях было нечто, заставившее его оглядеть ее особенно внимательно.

- Извини, пожалуйста, – вежливо произнес он. – Конечно красивый. Да. Красивый пирог.
- Ирина удивилась, что он помнит слово «пирог».
- Или моя красивая жена.

Бог мой. По-русски Лоренс назвал ее женой. Это слово, как никогда, показалось слишком нахальным.

Есть некоторая закономерность в том, что и красивой он может назвать ее только по-русски. В английском Лоренс находил такие эпитеты, как «симпатичная», «милая», они могли подойти как для жены, так и для хомяка. Неприлично с таким раздражением реагировать на комплимент любимого человека, но мысли об эмоциональной окрашенности языка вызывали болезненные воспоминания об отце. Он помогал актерам второсортных фильмов работать с текстом и был великолепным знатоком всех акцентов; именно он учил актера, озвучивавшего в «Приключениях Рокки и Бульвинкля» Бориса Баденова, как сделать гласные более твердыми, такими, как должен произносить их советский шпион. Он с легкостью переходил от китайского акцента к ирландскому, все это выглядело чрезвычайно забавно. Он говорил ей, что любит ее

или гордится ее успехами, только передразнивая переливистое «р» Шона Коннери или переключая на мелодию и добавляя шведский акцент. Будучи ребенком, она обожала все голоса, которыми он читал ей сказки, но с возрастом очарование исчезло. Рожденный в Огайо, он в обычной жизни говорил так, словно западная манера произносить слова входила в его коллекцию акцентов.

Возможно, Лоренс использовал русский для сентиментальных фраз, звучащих, по его мнению, неловко по-английски, это был их кодовый язык, которого сейчас стало слишком много. Это было очень личное. И причиняло боль.

– Спасибо, – произнесла Ирина по-английски, чтобы положить конец практике русского. Но Лоренс вымолвил следующую фразу по-русски, настаивая на продолжении.

– Ты устала? – Интонация показалась ей трогательно-мягкой.

Ирина склонила голову. К пирогу он так и не притронулся.

– Да, немного устала. Плохо спала. – Она надеялась, что это нельзя счесть ложью. Ведь если человек совсем не спал, это и значит, что он плохо спал.

– Ты о чем-то все время думаешь? – Заметил. Выпытывает.

– Может, дело в суши. Сырой тунец – это всегда рискованно. Не уверена, что смогу это съесть, аппетит пропал.

– Ты действительно бледная.

– Да. Я так себя и чувствую. – Не желая показать, что следит за временем, Ирина тайком взглянула на часы на запястье Лоренса. Черт. До передачи еще целых пять минут.

– Как прошла конференция? – Ей стало стыдно, что она не спросила об этом сразу.

Лоренс пожал плечами:

– Одни банкеты. За исключением того, что я увидел Сараево, пустая трата времени. Толпы зануд из ООН и каких-то неправительственных организаций.

– Может, лучше, что ты был там. Не узнал ничего неприятного, не встретил старых знакомых. – Ирина осознала смысл сказанного уже после того, как слова слетели с губ. Она попыталась сгладить положение улыбкой, но по выражению лица Лоренса поняла, что он насторожился. – Милый! – воскликнула она. – Я же шучу, ты не понял?

Он была обязана не дать ему возможность критиковать. Что же случилось с ее умственной добротой? Если уж на то пошло, куда подевалась простая человеческая доброта? Лоренса не было дома десять дней, а она встречает его плоскими шутками, произносимыми с изможденным лицом. Любой другой мужчина – если бы он был – непременно углубился бы в расспросы, но Лоренс не любил неприятности, поэтому потянулся за пультом.

Ирина принялась обдумывать сказанное. Странно, что Лоренс так быстро взял пульт. Надо относиться к себе критичнее.

Когда на экране появилась заставка Би-би-си, она была готова расцеловать экран. Обычно перед телевизором Ирина пришивала пуговицы или нарезала фасоль, но сейчас смотрела на ведущего, как ей казалось, взглядом полным обожания. Она была сосредоточена и увлечена, но не действием. Ирина видела сквозь предметы. Так бывает с одержимыми или с шизофрениками. Тени по ту сторону голубого экрана набрасывались друг на друга, мужчина и женщина будто сливались, и невозможно было разобрать, где руки, а где ноги. Приоткрытые рты, жаркие губы. Она поворачивалась влево и наблюдала, как тот же мужчина прижимает к стене любовницу. Сжимает руки женщины, поднимает над головой и утыкается лицом ей в шею. Стоило ей перевести взгляд чуть вправо, как мужчина и женщина обнимались там, путаясь в гардинах, он с силой прижимал ее к оконному стеклу, ей, должно быть, невыносимо больно. (У нее до сих пор немного побаливал копчик, но это из-за борта бильярдного стола. Могло быть и хуже, если бы они вместе не рухнули на пол.) Те же фигуры вторглись в ее гостиную, Ирина не приглашала их, не желая видеть прижатыми к стене в ее квартире. (Она опустила глаза – на ковре расположилась та же неугомная парочка. Мужчина был сверху. Он

был не слишком тяжелый, чтобы женщина не могла вздохнуть, но все же ей было не очень комфортно. При всем желании у нее не было шансов выбраться. Но она этого и не желала.) В их защиту следует сказать, что они всего лишь целовались, впрочем, с таким же успехом можно сказать, что Джеффри Дамер *всего лишь* убивал людей и употреблял в пищу их мясо, а Гитлер *всего лишь* попытался управлять миром.

Галлюцинации приносили страдания. Ирина старалась смотреть шоу вместе с Лоренсом, проглотить кусочек пирога и рюмку «снотворного» – хотя водка испарилась, словно сама собой, она не помнила, пила ли ее. Но вот эти люди опять в ее доме, сжимают друг друга в страстных объятиях, так что начинает болеть внутренняя поверхность бедра.

– Тема не очень тебе интересна, – подал голос Лоренс, – но все же рекомендую посмотреть.

Ирина с трудом оторвала взгляд от бесстыдных гостей.

– Что посмотреть?

– «Ночь в стиле буги»!

Она решила вступить в разговор:

– Ну, «Танец-вспышка» мне не очень понравился, а «Лихорадка субботнего вечера» вполне ничего.

Лоренс посмотрел на нее с сомнением:

– Как можно пятнадцать минут слушать дискуссию о новом фильме и говорить о том, что он похож на «Лихорадку субботнего вечера»?

– О чем же он тогда? – с раздражением спросила Ирина.

– О порноиндустрии!

– Я немного задумалась.

– Немного?

– Я же сказала тебе, что устала.

– Желание спать не может повлиять на умственные способности человека.

– Не делай из меня идиотку лишь потому, что я не следила за нитью дискуссии. Мне это неприятно. Ты постоянно твердишь, что я глупая.

– Напротив. Я постоянно стараюсь развить у тебя веру в себя, убедить иметь собственное мнение и не бояться высказывать его публично. Я *всегда* утверждал, что ты умна и проницательна, разбираешься даже в сфере международных отношений, хотя и не имеешь докторской степени. Ничего тебе не напоминает?

Ирина опустила голову. Действительно, знакомые слова. Лоренс неоднократно бросал на нее многозначительные взгляды за ужинами в обществе его коллег, призывая свободнее выражать свое мнение.

– Да, ты всегда мне помогаешь, – заключила она.

– Так почему ты все воспринимаешь в штыки? – расхрабрился Лоренс.

– Не знаю. – Она и сама этим озадачена. Она не понимала, почему, имея такую мощную мотивацию не раскачивать лодку, постоянно провоцирует конфликт? В то время как намеревалась весь вечер не привлекать к себе внимания, ведет себя глупо, говорит раздраженно, чем вызывает настороженность Лоренса. Она хочет, чтобы он узнал? Или пытается навязать ему салонную игру, как говорил Боттичелли: «Я известный человек, мое имя начинается с большой буквы «А».

Ты чувствуешь себя измотанной?

(Сегодня вечером? Только душевно.)

Но ты женщина.

(Пожалуй, даже слишком женщина.)

Где ты была вчера до пяти часов утра?

(Только «да» или «нет». Вопрос некорректный.)

Некорректный? И ты говоришь о корректности?

Может быть, Лоренсу предстояло набросить петлю ей на шею и выступить в роли палача, но он никогда не смог бы допустить мысли, что она стала П-О-Д-Л-О-Й И-З-М-Е-Н-Н-И-Ц-Е-Й.

Вечернее шоу закончилось. Словно оскорбившись ее неспособностью воспринимать детали разворачивающихся в фильме событий, экран потух, Лоренс больше не интересовался ее мнением – он просто выключил телевизор. «Включи!» – пронеслось у нее в голове. Она готова была продолжать смотреть телевизор часами, хотя обычно он раздражал ее пустой болтовней. Вместо того чтобы отправиться в спальню, Лоренс опять опустился на диван; сложенные на коленях руки означали, что он хочет поговорить. Ирина старалась хранить равнодушное молчание, позволив чуть растянуть губы в улыбке, хотя совсем недавно была поглощена только собой. Всем своим видом она пыталась выразить мысль: «Я рада, что ты дома» – ложь номер три, и с этим ничего нельзя поделать. Возможно, в этом была доля правды, часть ее радовалась его возвращению, но она не могла найти силы произнести это вслух.

– Ну, так какие еще новости? – наконец сказал Лоренс.

Ирина смотрела на него ослепшими глазами. Неужели он что-то заподозрил?

– Почти никаких, кроме того, что я уже рассказала по телефону. Работа, – добавила она, помолчав. – Я почти закончила работу.

– Можно посмотреть?

– Разумеется... когда закончу. – У нее не было желания показывать рисунок Лоренсу. Она мечтала сначала показать его Рэмси.

Сдавшись, Лоренс встал, по лицу его было видно, что он обижен.

Они заперли дверь на цепочку, закрыли окна и задернули шторы, оба выпили витамины, почистили зубы щеткой и зубной нитью. Все эти действия повторялись ежевечерне, но сегодня казались особенно монотонными. Уставшая и вымотанная бессонной ночью, Ирина все же боялась лечь в кровать.

Лоренс разделся и аккуратно повесил вещи на вешалки. Она не могла вспомнить, когда последний раз они в исступлении сбрасывали с себя одежду, чтобы упасть на пол, задыхаясь от ощущения обнаженного тела. Впрочем, так и не должно быть, когда вы много лет спите вместе, очень глупо с ее стороны думать об этом. Всем ясно, что так бывает вначале, а они с Лоренсом уже добрались до середины. Она полагала, что до середины, но ведь жизнь нельзя пролистать, как обычную книгу, перебирая пальцами страницы. В этом случае могло бы случиться так, что в один самый обычный вечер, переворачивая самую обычную страницу, вы внезапно обнаружите, что находитесь не в середине, а в конце.

Ирина с большей тщательностью, чем вещь того заслуживала, повесила кофту на вешалку, заметив, что дырочка у ворота стала больше. Темная юбка растянулась, к счастью, вернувшись домой, она оглядела себя в зеркало и заметила растянутую сзади пуговицу. Тогда же она впервые за весь день расчесала спутанные волосы.

К сожалению, на душ времени не хватило, его и так оставалось очень мало. Тогда ей казалось невозможным выйти из «ягуара», а потом подняться по невыносимо крутой лестнице и ждать, когда Рэмси уедет. Ирина не могла себе позволить поцеловать его на прощание – боялась, увидят соседи.

То небольшое время, что оставалось до приезда Лоренса, Ирина потратила на поглощение водки и долгое стояние в холле перед зеркалом. Она стояла, безвольно свесив руки, и разглядывала тело, словно удивляясь, что оно посмело проявить скрытые порочные желания. Теперь от ее кожи исходил компрометирующий запах, пусть это всего лишь запах ее пота.

Предательское зловоние вызывало горькие мысли.

Она стояла голая посреди спальни, но Лоренс даже не взглянул на нее. Что ж, это нормально. Они привыкли друг к другу, и обнаженное тело партнера потеряло свою привлекательность.

Внезапно Ирине стало жаль, что опыт пережитого скрыт для окружающих. Об этом никто не узнает, как и о том, как за ней подглядывал мальчишка в седьмом классе. Возможно, как и тогда, она ждала от Лоренса восторженного возгласа и, зная его рассеянность, тянула время, давая возможность хорошо себя разглядеть.

Он был в хорошей форме. Вел образ жизни солдата и тратил обеденный перерыв на занятия в ближайшем к работе спортивном зале. Широкие рельефные плечи, упругие ягодички. Пенис даже в спокойном состоянии сохранял более чем внушительный размер. К сожалению, ее заботливые руки способствовали отложению нескольких лишних дюймов на талии, но это она вполне могла простить, поскольку причина крылась в ее любви к пирогам. Кроме того, она снисходительно относилась к его недостаткам – плоскостопию, поредевшим волосам, – ибо они некогда заключили договор, слова которого она могла повторять, как молитву Господу: «Прости мне мои недостатки, а я уже простил тебе твои».

С годами ее грудь немного обвисла; она просыпалась с «мешками» под глазами; варикоз украсил икры иероглифами, предупреждая о приближении старости. Со временем Лоренсу придется развивать талант всепрощения.

К сожалению, он не любил выставлять себя напоказ, но стоило ему хотя бы выпрямиться, и всем становилось ясно, что перед ними подтянутый мужчина с отличной для сорока трех лет фигурой. Многие женщины в возрасте Ирины уже давно были вынуждены видеть совсем другое: округлившиеся животы, покатые волосатые плечи, лысины и плечи вкупе с двойным подбородком. Ей повезло. Очень и очень повезло.

Почему же она не чувствует себя счастливой?

– Почитаем? – спросила она с надеждой.

После десяти дней разлуки он обязан был отказаться. После того как они не виделись десять дней, он должен обнять ее и прижаться губами к шее.

– Конечно, – ответил Лоренс. – Несколько минут можно.

Ирина не представляла, что возможно так быстро переключиться с «формирования нации» на «Конец благоденствия». Она бы на его месте отчаянно хваталась за томик «Анны Карениной» или дешевый триллер. Будни Лоренса были чрезвычайно сухими, похожими на обугленный тост, Ирина не понимала, как можно провести всю жизнь в обсуждениях формирования очередной нации. Сама она не была человеком серьезным. Жаль, что Лоренс всегда ко всему относился с завидным спокойствием. Он никогда не питал ненависти к Джеймсу Элрою, Карлу Хайасену или Патрику Джейку О'Рурку. Даже начав работать в «Блю ской», он контролировал себя во всем. И ради чего?

Ирина устроилась на соседней подушке с «Мемуарами гейши». С этой книгой она сможет скоротать время. Лоренс никогда бы не захотел прочитать роман, где речь идет о слабости, покорности и рабской зависимости. Ведь в ней нет ни слова о преодолении себя, борьбе с недостатками, а мистер Мозговой центр гордился тем, что мальчишка, выросший в Лас-Вегасе, смог взлететь столь высоко, словно «Феникс, возрожденный из пепла». В этой истории речь шла именно о недостатках, более того, даже об их приумножении. Ирина скоро поняла, что в книге, пожалуй, даже слишком обнажалась природа женщины.

Они лежали не касаясь друг друга. Устраиваясь поудобнее, Лоренс положил правую ногу рядом с ее левой, и она чуть отодвинулась, чтобы восстановить дистанцию. Ирина перелистнула всего несколько страниц, как пара из гостиной появилась вновь прямо посреди страницы. К счастью, Лоренс выключил свет, когда Ирина пыталась вникнуть в смысл очередного предложения.

В их отношениях многое строилось по одной формуле. Лоренс уверял, что все пары занимают этим каждый раз по одному и тому же сценарию, несмотря на то что «вначале» все было очень бурно. Ирина не представляла, на основании чего он пришел к такому выводу. Человека, придерживающегося собственных правил жизненного устройства и способного часами говорить о выборах, сложно представить ведущим задушевную беседу с коллегами за стаканом виски. «Вы всегда с женой используете одну позу в сексе?» Тем не менее, скорее всего, он прав. Зачем выдумывать новые трюки, когда поле для деятельности все равно ограничено. Когда погружаешься в... – Ирина боялась даже мысленно произнести слово «рутина» – череду хорошо выверенных и привычных действий, согласитесь, будет странно, если внезапно ваши губы потянутся к чему-то, чего никогда не было в программе. «Что такое? Почему ты это делаешь?» Уже не просто странно, но и тревожно. В эту ночь Ирина меньше всего желала тревожной обстановки.

Кроме того, она не против раз за разом повторяющихся действий; монотонность она не считала проблемой. (До прошлой ночи. По крайней мере, ей так казалось. Что же касается ее легкой неудовлетворенности, то восполнение всегда можно отложить на неопределенный срок, отсрочить, чтобы обязательно вернуться. К тому же разве она не испытывала оргазм каждый раз, когда они с Лоренсом занимались любовью, – как много женщин могут сказать то же самое?) Если проблема не в этом, то в чем же?

Ирина привычно повернулась на правый бок, Лоренс, как всегда, поступил так же, обнял ее левой рукой за талию, прижав колени к ее согнутым ногам. Со стороны их тела напоминали букву Z, обозначающую сон в комиксах. Сейчас они пошлют друг другу им одним понятный сигнал – протяжный зевок и проклятия в адрес трудного дня, – означающий, что оба настроены только на сон.

Но все же Лоренс отсутствовал десять дней, поэтому провел рукой по ее бедру.

– Все в порядке? – прошептал он. – Ты говорила что-то о рыбе.

Ирина едва не сказала все, что было у нее на уме, но сдержалась, однако и остаться равнодушной к вниманию Лоренса она не могла. Ведь это станет своего рода подтверждением, что с ней что-то не так. Она должна вести себя естественно.

– В порядке, – прошептала она. (Ложь номер четыре, огромная ложь.)

Чтобы доказать серьезность намерений, Ирина взяла ладонь Лоренса, блуждавшую, словно потерянная, по ее бедру, и положила себе между грудями. Рука легла, как вколоченный посередине брус. Близость его тела не будила в ней неумную страсть, но соприкосновение с мускулистым торсом давало ощущение внутреннего покоя и комфорта. Сейчас же Ирина неожиданно почувствовала себя в ловушке. Лоренс несколько раз подался вперед, упираясь penisом ей в поясницу (именно в место ушиба о бильярдный стол), – будто ткнул пальцем в болезненную точку.

Это было ужасно! Что же она наделала?

Все же, если бы Лоренс делил с ней постель только для того, чтобы использовать ее ноги как подпорки, рассматривал каждое проникновение в ее тело как попадание в капкан, а ее вежливый стук в дверь, за которой крылось сексуальное удовлетворение, считал назойливым, будто жужжание, навязыванием, она бы давно высохла изнутри, превратившись в сморщенную изюминку.

С привычной ловкостью и без протестующего шевеления Ирины Лоренс вошел в нее сзади. Акт по взаимному согласию, под выверенным углом. Впрочем, возможно, Лоренс предпочел бы не один такой угол. Прежде чем правила окончательно устоялись, они перепробовали все известные позы. Ирине стало не по себе – ничто не заставляло их избирать именно эту и придерживаться ее по сей день. Выбор единственного способа для занятий любовью был не случайным или сделанным под влиянием момента, как произошло с темной юбкой и поношенной белой кофтой, в которой ей пришлось отправиться вчера на ужин, поскольку это уже было

надето. Они занимали эту позицию на протяжении *девяти лет*, хотя она должна была давно воспротивиться, впрочем, сейчас, как ни трагично, уже поздно что-либо менять.

Она спасовала перед слабостью Лоренса, настоящей слабостью, а не которую он таковой считает – страхом иметь неразвитые грудные мышцы и вынужденную капитуляцию в споре об Ирландской республиканской партии.

Она обратила внимание на их весьма странный вариант близости: он не предполагал поцелуев. Они даже никогда не смотрели друг на друга. Лоренс видел лишь ее нечеткий из-за отсутствия освещения профиль, а Ирина всегда смотрела в стену. Она никогда не вглядывалась в эти карие глаза, по которым могла бы понять, смогла ли дать то, о чем они молили. В квартире на Западной Сто четвертой улице они зажигали свечи, а сейчас в спальне всегда было темно, словно безразличия на их лицах было недостаточно и его требовалось подчеркнуть.

Ирония заключалась в том, что Лоренс действительно любил ее, но любовь его была для нее чрезмерна. Он любил ее так, что становилось страшно, но никогда не смотрел ей в глаза во время секса, словно это было равносильно взгляду на солнце. Через пару минут, действуя по приказу внутреннего командного голоса, Лоренсу удалось достигнуть самых высот. Его ритмичные движения были не всегда верными – не всегда совершенно верными.

Впрочем, в этом соитии было бы нечто загадочное, если бы клитор был устроен по-другому. Мужчине трудно заставить женщину достичь оргазма, касаясь кончиками пальца ее клитора, это требует такого же мастерства, как у тех ребят из района в центре Лас-Вегаса, способных написать имя на рисовом зернышке. Один миллиметр влево или вправо сравним с расстоянием от Зимбабве до Северного полюса. Неудивительно, что многие любовники времен ее юности, уверенные, что подошли близко к водопаду Виктория, оказывались скованными ее арктически холодным безразличием.

Неумение преодолевать расстояние шириной в волос могло привести не к наивысшему блаженству, а к ослепляющей боли. Как может человек приближаться к такому стратегически важному узлу, не имея о нем четкого представления? Ирина благодарила судьбу за то, что она не мужчина и ей не придется иметь дело с этим загадочным и тонко чувствующим органом размером меньше дюйма, систему работы которого точно не знает даже женщина. Не имеет смысла пытаться корректировать действия, когда весь проект изначально обречен на провал, впрочем, Лоренс, к ее удивлению, был сведущ в этом деле.

Сегодня Ирина никак не могла настроиться на нужную волну. Очень много сил приходилось затрачивать на сдерживание слез. Правда состояла в том, что она боролась за удовлетворение. На этот раз его палец был слишком низко, фатально низко, все это казалось неправильно и недопустимо. Однако, если она не испытает оргазма, а Лоренс это сразу поймет, в его голову могут проникнуть подозрения, что во время командировки в Сараево с Ириной что-то произошло.

То, что она решила сделать, было еще хуже того, что уже совершила, – дьявольская уловка.

Ирина предалась фантазиям. Она представляла, как мог бы делать это другой мужчина и даже, в чем она не призналась бы никому, женщина. В конце концов, в мире существует лишь два пола, поэтому человек должен использовать все, что предоставляется в его распоряжение. Прежде все эти фигуры не имели лиц, были похожи на манекены без голов. Воображение никогда не рисовало образ конкретного мужчины, существующего в реальной жизни, у которого был телефон и адрес, мужчины, предпочитавшего горячее саке и носившего черный шелковый пиджак. Стройного высокого мужчину с серьезными глазами, тонкими губами, за которыми скрывалось неизведанное, и познание этого сравнимо с исследованием парижских катакомб.

Ирине казалось, что прошлой ночью она не целовалась с этим мужчиной, а проникла внутрь его вся целиком. Его рот был похож на целый мир, огромный мир, познание которого вызывало такие же эмоции, как возможность впервые взглянуть на каплю водопроводной воды

в микроскоп, открывая множество невидимых ранее фантастических созданий, или наблюдение за звездным небом, казавшимся невооруженному глазу темным полотном, а сквозь телескоп являющим россыпь светящихся звезд.

Но они ведь только *целовались*. Почему незначительность преступления не избавляла Ирину от чувства вины? Юбка перекрутилась, но оставалась на ней. Кофта ползла вверх, но его руки не были допущены выше. Впрочем, он и не стремился. К чести Рэмси стоит заметить, что он стремился только остановиться.

Ирина должна была поступать так же, но она не пыталась или пыталась недостаточно охотно, потому что не остановилась, ведь, если вы твердо хотите чего-то добиться, это получается, верно? Обязательно получается. Она не вытащила его рубашку из брюк, чтобы прижаться губами к горячей груди. А ей так этого хотелось, что казалось невозможным остановить свою мысль, беспринципную мысль, и страстное желание наверстать упущенное. Она не расстегнула его ремень с тяжелой пряжкой, как и пуговицу, не попыталась заставить язычок молнии съехать вниз, минуя зубец за зубцом. «Мы не можем этого сделать», – произнес он, вопреки очевидному, поскольку они уже могли все. Это заключение – «мы не можем» – осталось, к их позору, по некоторым пунктам лишь теорией. Позже, когда боги уже посмеялись над мужчиной, не нашедшим в себе силы сделать то единственное, что он обязан был сделать, Рэмси произнес: «Я хорошо отношусь к Лоренсу!» Затем он, застегнутый на все пуговицы, прижался к ее бедру, видимо давая понять, что, будь у него возможность, он готов выполнить желаемое.

Все же у них не было секса, верно? Это было бы неправильно. Но она хотела. Хотела секса с ним. Хотела его больше, чем любого другого мужчину в жизни. Она хотела заняться именно сексом, а не «любовью». Это все, о чем она могла думать, вцепившись зубами в наволочку. Она умирает от желания переспать с ним. Она знает это. И чувствует. Чувствует. Это ее единственное желание – трахаться с ним. Вся она, все ее тело мечтает только об этом. Не один раз, а много, трахаться еще и еще. Она готова на все, готова отказаться от чего угодно, чтобы только трахаться с ним. А если он откажется, она готова умолять его, умолять на коленях...

– Ого! – сказал Лоренс.

Мокрая от пота, задыхающаяся, Ирина не сразу смогла отогнать видение взрыва, возникшего перед глазами. Лоренс был внимательным партнером, действовавшим по принципу «женщин всегда надо пропускать вперед». Но сейчас давно настала и его очередь, чего Ирина не заметила.

– Похоже, ты очень по мне соскучилась, – прошептал он, делая последний толчок.

– М-м-м.

Не найдя успокоения, она не смогла провалиться в сон даже под храп Лоренса. Он никогда не должен узнать ее тайну этой и прошлой ночи. Но Ирина никак не могла разобраться в чувствах, что свели ее с ума вчера в доме на Виктория-парк-Роуд, и сегодня, несколько минут назад в собственной постели. Не связано ли это с теорией «умственной доброты»? Все решится на Страшном суде, когда с позором придется принять обвинение не в какой-то одной мелкой краже, а увидеть всю свою жизнь, прокрученную перед глазами, как киноплёнка, от рождения до самого ухода.

До сегодняшней ночи Ирина никогда не представляла себя занимающейся сексом с другим мужчиной – реальным, знакомым. Мало того что она целовалась с другим, пока ее мужчина был в командировке, так еще и трахалась с ним. Не стоит пытаться выгородить себя. Она наставила рога Лоренсу в его собственной постели.

Теперь ничто не сможет быть по-прежнему. Какими глупыми кажутся переживания о «вандалном» разрушении блюда с сашими «делюкс», когда следующей ночью она хладнокровно перечеркнула девять лет совместной жизни.

Из-за единственного поцелуя главное достижение ее жизни рухнет на пол и разлетится на миллионы кусочков, как все те вазы и хрустальные кувшины, выскользнувшие из ее неловких

рук в детстве. Она и в сорок два такая же неуклюжая. Впрочем, сейчас она стала еще хуже, поскольку поступала так намеренно. Правосудие никогда не заставляет себя ждать.

Она смотрела на расслабленное лицо Лоренса, лежащего на соседней подушке, и душу сковывал лед. Как слон в посудной лавке, она разнесла вдребезги не только их союз, но и собственное сердце.

Взрослая женщина обязана иметь силы вовремя остановиться. Во взрослой жизни каждый поступок должен быть тщательно осмысленным. Она же прыгнула без оглядки и все испортила. Жизнь скоро помашет ей на прощание. Но даже сейчас, называя себя эгоистичной, своенвольной, презренной, недостойной любви такого умного и доброго человека, как Лоренс, она видела перед глазами черный кожаный ремень и шелковый пиджак.

Все сорок два года Ирине нередко приходилось иметь дело с последствиями своих поступков. Ей не удалось избежать наказания за спрятанные прямо перед концертом пуанты сестры. Когда в Колумбийском университете, указывая в чеке сумму ее жалованья, случайно приписали лишний ноль, ей пришлось взять кредит под двадцать процентов и возвращать все до последнего цента, когда ошибка была обнаружена. Ей приходилось пожинать плоды, ставшие следствием предательства, переживать боль от каждой грубости в свой адрес, смотреть на плохо подготовленные к печати иллюстрации, ставшие достоянием всех читателей. Разумеется, глупо надеяться повернуть время вспять – не то что годы или месяцы, но даже день. Вот они вновь склоняются над столом для снукера, Рэмси показывает ей верный угол удара.

Перед тем как провалиться в сон, Ирина видела, что смотрит в его полные искушения глаза и отходит в сторону.

2

Для Ирины это была волшебная симфония звуков: короткий звонок, резкий скрежет металла, лязг запоров, открывавших Сезам. Легкое трение деревянной поверхности о ковер. Приглушив звук голоса Шон Колвин, Ирина насторожилась.

Свернувшись в кресле, она несколько раз попусту приподнималась, привлеченная звуком шагов соседей, проходящих мимо двери квартиры. Наконец послышалось то, что невозможно было счесть ошибкой, не уловить в каждом новом маневре решительное утверждение превосходства и неоспоримую уверенность в своем праве. Это были неслышимые простому уху всплески волн семейной жизни: по-павловски стремительные и затяжные взлеты души от осознания приближения любимого.

– Ирина Галина!

Стена мешала ему разглядеть ее легкую улыбку, хотя он еще увидит, и не одну. Только Лоренс способен так комично исказить ее полное имя. Галина Уланова была примой Большого театра в 1940-х годах, хотя плии Ирины (до той поры, пока мать не прекратила попыток сделать из нее балерину) не были достойны имени тетки. Она ненавидела свое имя до тех пор, пока не привыкла к его шутливому, а впоследствии и приятному звучанию из уст Лоренса.

– Лоренс Лоренсович! – откликнулась Ирина, завершая ритуал, от которого никогда не уставала. Что же касается сардонически звучащего отчества, то оно не было выдуманным – отца Лоренса также звали Лоренс.

– Привет! – Он чмокнул ее в щеку и кивнул на стереоустановку. – Любимые слезливые мелодии.

– Да. Когда тебя нет, мне остается только рыдать.

– Что читаешь?

– Ненавистные тебе «Мемуары гейши», – язвительно ухмыльнулась она.

– Можно подумать, – фыркнул Лоренс, направляясь в сторону холла. – Что еще я ненавижу?

– Вернись!

– Я хотел разобрать сумку.

– Сволочные сумки! – В то время как Лоренс с гордостью предпочитал американский жаргон, Ирина за семь лет стала приверженцем причудливого британского сленга. – Тебя не было десять дней. Иди сюда и поцелуй меня как следует!

Несмотря на то что он все же бросил пакеты и вернулся в гостиную, выражение лица его было недоуменным, когда Ирина обвила руками его шею. Он прижался сомкнутыми губами к ее рту, но она настойчиво заставила их разжаться. Последние годы они так редко сливались в поцелуе, что на этот раз языки неловко наскочили друг на друга, напоминая ее саму, столкнувшуюся с партнером при исполнении па-де-де в десятилетнем возрасте. Лоренс отпрянул от неожиданности, и слюна едва не полилась из уголка рта – весьма неживописный момент.

– Что ты делаешь? – буркнул Лоренс.

Она предпочла сдержаться и не произносить то, чего произносить не нужно.

– Ты называешь меня женой, поэтому должен делать то, что делают мужья, когда возвращаются домой. Они целуют жен. Иногда даже с удовольствием.

– Скоро одиннадцать. – Подхватив сумку, он отправился в холл. – Ты, возможно, не захочешь посмотреть шоу.

Да, он крепкий орешек.

Когда Лоренс растянулся на диване, разумеется разобрав вещи, Ирина улучила момент, чтобы рассмотреть его лицо. По сравнению с ее собственной непроницаемой маской оно казалось искусственным. Прошлая ночь еще была жива в памяти, жива настолько, что она сама

боялась этих воспоминаний. Мимолетная тень мелькнула в голове, напоминая о времени, когда сможет только смотреть на Лоренса и погружаться в трясину вины и стыда, надеясь скрыть следы. Освежающая, чистая волна накрыла бы Ирину, решишь она рассказать все, но ее не покидало чувство, что они с Лоренсом что-то упустили – сейчас уже и не понять что – задолго до того, как она сдержалась вчера вечером и не поцеловала Рэмси.

Один проступок влечет за собой еще большие проблемы, как после посещения Гефсиманского сада. Но ее нежелание скрывать свои чувства может вызвать подозрения Лоренса по отношению к Рэмси. Его дружеское отношение к Рэмси, ее собственные отношения с Лоренсом занимали все мысли Ирины. Только они заставили ее поздравить мастера снукера с днем рождения, извиниться и поспешно скрыться за дверью туалета.

Удивительно, но сейчас Лоренс казался ей чужим человеком, совсем не таким, каким показался в день их знакомства. Она ощущала его внутренний дискомфорт, замаскированный самоуверенностью, правда заключалась в том, что она никогда точно не знала, что происходит в его голове. Это маска на резко очерченном лице, как театральная задник, скрывала от зрителей все, что происходит за сценой. Ирина осторожно предположила, что в нем есть нечто меланхоличное.

Вне всяких сомнений, лицо Лоренса красиво, даже более того, оно *привлекательно*. Оно притягивает, вызывая желание нырнуть в темные воды и утонуть. Ей было предоставлено право любоваться им, следить за внезапно омрачившей его тенью, развеявшейся с быстротой облачности на острове. Удивительно, но чем дольше вы знаете человека, тем больше поражаетесь тому, как плохо вы его знаете и знали всегда, – словно сближение способствует не лучшему познанию личности, а упрочению вашей невежественности. Насколько бы детальным она ни считала составленный портрет Лоренса Трейнера, это все больше напоминало деконструкцию. Она скорее не рисовала его, добавляя новые и новые черты, а стирала то неточное и карикатурное, преувеличенное, что искажало реальность. Он был добрым; нет, простите, жестким. Он был беззаветно предан ей; напротив, в нем было нечто в высшей степени эгоистичное. Он был уверен в себе; ох, как она могла принять то, что лежало на поверхности, тогда как в глубине души он был полон сомнений. В самом начале Лоренс был добр, внимателен, что и привело к заблуждениям. Мысленно составленный портрет Лоренса похож на карандашный набросок в ее студии, на котором за последние девять лет появилось много темных размытых пятен после постоянных подчисток. Вероятно, к восьмидесяти пяти годам она придет к выводу, что совершенно не знает, каков Лоренс на самом деле, поскольку вычеркнет все «черты характера», формирующие человека. Возможно, в определенном смысле быть загнанной в тупик есть достижение. Возможно, самый ценный итог – понять не то, как человек, проживший рядом всю жизнь, похож на тебя, а, напротив, как он не похож, и признать – мы, кстати, делаем это крайне редко, – что лежащий на диване человек на самом деле существует.

– Куда ты смотришь?

– На тебя.

– Ты и раньше меня видела.

– Иногда мне кажется, что я не помню, как ты выглядишь.

– Меня не было десять дней, а не десять лет. – Лоренс взглянул на часы. Одиннадцати еще не было.

– Ты не поинтересовался, как прошел ужин с Рэмси.

– Ах да. Забыл. – Она чувствовала, что Лоренс не забыл.

– Мы провели время лучше, чем я ожидала.

– Говорили о снукере? Думаю, я достаточно подтянул тебя в этом вопросе, чтобы ты могла поддержать разговор.

– Нет, о снукере мы вообще не вспоминали.

– Как жаль! Разве ты знакома с другими профи? Могла бы разузнать что-нибудь интересное – хоть чуточку – о Ронни О’Салливане.

– Рэмси не только игрок в снукер. Он человек. – Она намеренно выбрала слово «человек», а не «мужчина». – Ему проще общаться один на один.

Лоренс пожал плечом:

– Всем так проще.

– Нет, не всем. – Ирина видела, что Лоренс ревнует, и это вызывало смех. Лоренс ревновал к *Рэмси*. Лоренс относился к нему как к своей собственности, поэтому их ужин вдвоем казался нелепицей. На Ирину была возложена миссия поддерживать дружбу Лоренса и Рэмси по доверенности, но попутно она должна была получить урок: у них с Рэмси столько же общего, сколько у гвоздя и панихиды, только истинный знаток снукера, мистер Заумный фанат, способен участвовать в разговоре на равных. В свою очередь и Рэмси предстояло кое-что усвоить: Ирина мила и привлекательна, у нее красивые ноги, но она не имеет ни малейшего представления о том, как мастерски Стивен Хендри бьет в среднюю лузу. Увы, запланированное изощренным стратегом не осуществилось.

Разумеется, вечер был полон неловкостей, заставлявших Ирину нервничать, иногда она была даже шокирована, но вместе с тем заинтригована. Что же это было? Что произошло? Откуда это опрометчивое желание прижаться к губам чужого, по сути, человека? После того как Рэмси отвез ее домой – поездка прошла в полнейшем молчании, – она доплелась до квартиры, закрыла дверь на цепочку и прислонилась к ней спиной и прижала ладонями, словно кто-то пытался ворваться следом. Тяжело дыша, она убеждала себя, что напряжение, наэлектризовавшее ее до предела, постепенно спадает.

Потом Ирина чистила зубы и радовалась предстоящему облегчению, которое дарит возможность проснуться в собственной постели с осознанием того, что она не сделала ничего такого, что придется скрывать от Лоренса, не сказала того, что он сможет громогласно объявить коллегам, ничего, что давало бы повод не доверять ей в дальнейшем. Определенно, когда она протрезвеет и отдохнет, позорные фантазии о происходившем у бильярдного стола развеются и забудутся, как кошмарный сон, или покажутся глупым озорством, постыдным желанием, которое – ведь есть Бог на свете – она сможет с легкостью в себе подавить. При ясном свете дня, анализируя тот странный вечер, она придет к выводу, что должна держаться подальше от наркотиков, пить алкоголь в умеренных дозах и желать близости только с Лоренсом. За кофе она покачает головой и скупой усмехнется своим прошлым мыслям.

Однако, потягивая капучино, она вспоминала о своем поступке с восторгом и благоговейным страхом. Мыслей не стало меньше, напротив, то, к чему она раньше относилась как к легкомысленному флирту со стороны Рэмси, способному доставить ей неудобства, при детальном рассмотрении виделось более значимым и масштабным. Прошлой ночью она словно брела в тумане и, наткнувшись на каменную стену, не сразу поняла, что это не простой забор, а египетская пирамида. На что бы она ни натолкнулась вчера на Виктория-парк-Роуд по рассеянности или наивности и как бы умно и проворно ни вышла из положения, уверенно шагнув в противоположную сторону, это было нечто мощное и значимое.

Внезапно перед глазами пронеслась вся прошедшая жизнь. Тот факт, что предложение было ею отклонено, не меняет картины в целом.

Весь день ее преследовало и еще одно воспоминание. Остановившись у ее дома, Рэмси не должен был выключать двигатель, тем самым давая понять, что в три часа ночи надеется на приглашение «на кофе» (рискованное приглашение для любой женщины в Великобритании, подразумевающее, что сахар и сливки не понадобятся). Однако он заглушил мотор и сидел, кажется, очень долго – впрочем, вовсе нет, – ожидая чего-то, сложив руки на коленях. У него были изящные руки с чуть кривоватыми тонкими пальцами, подходящие более музыканту, нежели спортсмену. Они безжизненно покоились на коленях, и голубоватый налет мела

вокруг ногтей предавал им трупный оттенок. Он смотрел прямо в лобовое стекло, и лицо было таким же мертвенным; возможно, он мысленно составлял список продуктов, за которыми надо заехать по дороге домой в круглосуточный «Теско». Ирина сидела рядом, не в состоянии сделать попытку выйти из машины. Нет, его задержали не те мысли. После долгой паузы оба обрели способность двигаться. Рэмси вышел из машины, а Ирина осталась ждать, когда он обойдет вокруг и откроет дверцу. Рэмси был джентльменом. Он распахнул перед ней дверцу с похоронным лицом водителя катафалка.

Рука по привычке зависла на высоте талии, хотя Ирина шла немного впереди. Доставая из сумочки ключи, она обернулась и увидела, что Рэмси стоит на мостовой, словно ступить на тротуар было для него равносильно пересечению Рубикона. Поскольку он находился в десяти футах и не делал никакой попытки приблизиться, проблема прощального поцелуя решилась сама собой. Каждый дом на обеих Джорджиан-сквер, где жили Ирина и Лоренс, был историческим памятником, и даже смену оконных рам с темных на светлые необходимо было согласовывать с Национальным трестом. (Разумеется, там отвечали отказом.) Сохранных практически в первозданном виде улиц осталось в городе не так много, поэтому их часто использовали для декораций исторических фильмов. Рэмси стоял в свете старого уличного фонаря XIX века. Внутри горела электрическая лампочка в форме пламени свечи, чтобы не нарушать исторической достоверности. Лицо, озарявшееся с одной стороны золотистым светом и затемненное тенью – с другой, придавало ему схожесть с героем драматического спектакля; решительность и непреклонность в облике делала моложе. Высокий, худой, в темном костюме, с выражением торжественной задумчивости, он был похож не на звезду снукера, а на Томаса Харди.

– Спокойной ночи. Спасибо за ужин, – произнесла Ирина. – И за приятную компанию.

– Да, – кивнул Рэмси. Из-за большого количества выкуренных сигарет голос его стал хриплым. – Мне тоже было приятно. – Он не сдвинулся с места. – Я бы пожелал тебе без приключений добраться до дома, но, похоже, так и случилось. – Он слегка улыбнулся.

Ирина должна была вернуть ему улыбку и скрыться в подъезде, но она так не сделала. Она не могла оторвать взгляд от Рэмси. Не сдвинувшись с места, он оглянулся. В отличие от немой сцены в машине, длившейся несколько мгновений, эта задержала ее секунд на пятнадцать. Она ощущала недосказанность, но решила оставить все как есть. Навсегда.

Она повернулась к двери с решимостью человека, бросившегося к буфету за чем-то вкусным, но не вполне полезным, например лимонным кремом. Проглотив половину ложки, вы решительно закрываете крышку, ставите банку на место и запираете дверцу.

– Я хочу кое в чем признаться, – выпалила Ирина в лицо Лоренсу.

Появившаяся в нем настороженность напоминала о том, что он любит, когда все хорошо, спасибо, никакие «признания» ему не нужны, по необходимости он готов даже принять ложь за правду. Трудолюбивый человек, он во многом проявлял невероятную лень.

– После ужина... – продолжала она робко, – ох, тебе не понравится то, что я скажу...

– У нас есть что-то общее?

Ирина рассмеялась:

– Я люблю «Мемуары гейши» и суши. А ты нет. Так вот, ужин закончился довольно рано. – Он закончился совсем не рано. Ирина терпеть не могла привычку Лоренса вдаваться в незначительные детали, когда речь идет о важных вещах. – Рэмси предложил покурить травку. Я не знала, что ответить, и согласилась.

– Но тебе же это не нравится!

– Я, как всегда, растерялась. Потом, я не так часто это делаю. Иногда можно себе позволить.

– Где?

– Что – где?

– Где вы курили?

– Разумеется, не на улице в Сохо. Мы поехали на Виктория-парк-Роуд. Я там не раз бывала. С Джуд.

– Они развелись.

– Спасибо, я знаю.

– Значит, на этот раз ты была без Джуд.

– Какая разница! Я сделала две затяжки, а Рэмси стал играть фрейм за фреймом, не обращая на меня никакого внимания, а потом привез домой. Мне казалось, тебе будет интересно узнать. Впрочем, я не сомневалась, что ты назовешь меня безалаберной.

– Ты действительно поступила безалаберно.

– Спасибо. Повторять было не обязательно. – Она хотела сказать ему что-то еще, но, как и с блюдом сашими, у нее не было выбора.

– Черт, я не хочу пропустить самое начало. – Лоренс схватил пульт.

– До начала еще пять минут. Да, чуть не забыла! – Ирина встала. – Я же испекла тебе пирог! Хочешь кусочек? С начинкой из ревеня. Кажется, получилось восхитительно!

– Не знаю, – сказал он, глядя на нее так же пристально, как и она всего несколько минут назад. – Я перекусил в самолете...

– Ты проводишь достаточно времени в тренажерном зале. К тому же у нас праздник.

– По какому поводу?

– *Твоего* возвращения домой.

– Что с тобой сегодня? Ты такая... взбудораженная. Уверена, что наркотик уже не действует?

– Что странного в том, что я рада твоему возвращению?

– Слишком рада. Уже поздно. Обычно ты не так *активна*.

– Ты устал? – ласково спросила по-русски Ирина.

– Совершенно вымотался. – Глаза Лоренса стали круглыми. – Ты пила?

– Что ты, ни капли! – обиженно ответила она. – Кстати, о каплях, хочешь пива?

– Не понимаю, к чему ты клонишь, но одну бутылку, думаю, выпью.

Проанализировав свое состояние с целью обнаружить последствия злоупотребления алкоголем накануне, Ирина налила себе полбокала белого вина. Она достала пирог, который за день стал только лучше, и отрезала идеально ровный кусок, какой украсил бы и витрину «Вулворта». Ей самой следовало бы воздержаться, так получилось, что весь день она что-то жевала. Однако бессчетное количество кусочков сыра чеддер не смогли утолить ее зверский аппетит, поэтому она решительно отрезала изрядный кусок розоватого шедевра, увенчав шариком ванильного мороженого. Кусок, предназначавшийся Лоренсу, значительно меньший по размеру, она украсила шариком ледяного шербета, чтобы он не думал, будто она считает его толстым.

– Красный! – воскликнул Лоренс, когда она поставила перед ним тарелку и бутылку эля.

– Это означает «красный», дурачок, – с улыбкой произнесла Ирина. Она любила слушать, как Лоренс произносит русские слова. Может, по той причине, что по натуре он был человеком резким и мягкость и лояльность были его ахиллесовой пятой. У Лоренса не было ровным счетом никаких способностей к русскому языку, и доктор наук смиренно признавал ее превосходство. – «Красивый». Ты хотел сказать «красивый»? Красная площадь, да?

– Конечно красивый. Да. Красивый пирог. – Ирина одобрительно кивнула, оценив, что он помнит слово «пирог». – Или моя красивая жена.

Они не были официально женаты, и каждый раз, когда Лоренс произносил слово «жена» – на русском оно звучало особенно нежно, она таяла от счастья быть кому-то нужной. Лоренс был суеверен в некоторых вопросах, и она относилась к этому с пониманием. Иногда, стараясь слишком крепко сжать что-либо, вы рискуете попросту раздавить предмет.

Тем не менее, когда в фильмах герой, лежа на носилках, восклицает: «Это моя жена!», на глазах у нее выступали слезы. Фраза «Это мой мужчина!» никогда бы не показалась ей сентиментальной.

Отломив кусок пирога, Ирина вздрогнула от ощущения, что в мире все хорошо – в ее мире, который только и имел сейчас значение. Сливочная начинка была идеально сбалансирована между терпким и сладким, представляя восхитительный контраст текстур с хрустящей корочкой. Вечернее шоу начиналось. Гостем в студии была Жермен Грир, умная женщина, немного постаревшая, но по-прежнему привлекавшая классической красотой. Она была известной феминисткой с хорошим чувством юмора, твердо и уверенно заявлявшая о своих взглядах, но не желавшая засесть занозой в каждой заднице. Кроме того, эта пятидесятилетняя писательница излучала внутреннюю мудрость и теплоту. Жермен давала Ирине повод гордиться своим полом и силы с надеждой смотреть в будущее.

Из окна дул ветер той редкой идеальной температуры, заставив Ирину задуматься, а потом и выбросить из головы мысль о том, когда последний раз ей было не слишком жарко и не слишком холодно. Она верна Лоренсу. Он дома. Они счастливы.

Уплетая пирог, она думала, почему счастье – с трудом определяемая в конкретный момент величина. Ощущение полнейшего удовлетворения обязательно должно существовать в настоящем, без всевозможных спутников и показаний влияния планет. Обычно человек начинает ощущать счастье в тот момент, когда оно ускользает. Это величина, распознаваемая лишь в ретроспективе. Неуловимая, получающая точное определение спустя достаточный отрезок времени.

Сейчас она не намерена оставаться мрачной, давая понять, что не ценит возвращение Лоренса, точные комментарии Жермен о фильме «Ночь в стиле буги» и восхитительный пирог с кремом. Она рассудила, что в современном мире так много войн, что наверняка постоянно увеличивается дефицит привлекательных мужчин, пирогов и мест, где можно поймать Би-би-си. Но в каждом саду бывают и сорняки, Ирина не испытывала необходимой ей уверенности. Ее надежда на счастье могла быть в одно мгновение сметена будущим, способным ее уничтожить. События прошлой ночи были самыми *интересными* в ее жизни на протяжении довольно долгого времени, и единственным человеком, с которым ей хотелось поговорить об этом, был Лоренс – единственный, с кем она это обсудить не могла. Это казалось ей совершенно неправильным, хотя, вероятно, на самом деле таковым не являлось. Установка никогда не поднимать панику была, пожалуй, единственной их с Лоренсом общей чертой. Ирина сама не любила неожиданные признания – чужие, разумеется, – и тоже любила, когда все хорошо и спокойно. Право заявить с трагическим лицом, подходящим моменту: «Вчера я чуть не поцеловала Рэмси; не поцеловала, но страстно этого хотела. Думаю, нам надо обсудить, почему у меня возникло такое желание», требовало от нее такой подготовительной работы на протяжении прошедших девяти лет, на которую она не была способна. Она не подстелила солому для столь откровенных признаний на ложе их отношений, чтобы теперь не опасаться угодить на голые доски. То, что ей предстояло, тоже начиналось на букву «л» – лгать. То, что они не могут спокойно обсудить произошедшее с ней прошлым вечером, казалось Ирине страшной потерей чего-то важного в отношениях. Она разглядела коварную связь между тем фактом, что это вообще произошло, и тем, что они не могут говорить на эту тему.

– Программа обещает быть интересной, – сказал Лоренс. – Впрочем, тебя это не увлечет.

– Почему? Считаешь меня ханжой?

– Нет, но порно все же не для тебя.

– «Ночь в стиле буги» вовсе не похож на порнофильм. Он будет показан с возрастными ограничениями.

В указании ограничений просматривалась очевидная ошибка, поскольку именно оно и привлекало, побуждая нарушить запрет. Одно дело сказать: «Считаю, вам это не подходит», и совсем другое: «Запрещено!»

– Выходит на следующей неделе. Давай сходим! Знаешь, – Ирина встала и выключила телевизор, – расскажи мне лучше о конференции.

Лоренс пожал плечами:

– Одни банкеты. За исключением возможности посмотреть Сараево, пустая трата времени.

– Это ты говоришь о каждой конференции. Что вы обсуждали?

В глазах Лоренса появилось удивление.

– Все, что касается «формирования нации» и полиции. Если негодьям – или негодьям в прошлом, есть и такие – дать власть и оружие или закрыть глаза на то, что у них до сих пор есть власть и оружие, все это чревато серьезными последствиями. Понимаешь, если демократия навязана извне, а не стала результатом органичных изменений, то, какую конституцию и закон ни вдолби им в голову, стоит только отвернуться, и все станет так, как было. Босния сейчас озадачена вопросом, как НАТО их вытащит. Создавать государственные институты лишь на основе присутствия иностранной силы все равно что накрыть и сервировать стол, а потом думать, как вытащить скатерть, не разбив посуды.

Ирина частенько отключалась, когда Лоренс начинал рассуждать о международных отношениях. Он сказал бы, что «все пары делают это», имея в виду, что в семейной жизни часто приходится терпеливо слушать уже много раз слышанное. На этот раз Ирина слушала внимательно и была вознаграждена. О, ей не было никакого дела до Боснии, в царящей там неразберихе она ничего не понимала. Но Лоренс умел переходить к самому важному, а главным в его работе был, несомненно, он сам.

– Какой яркий оборот.

– Спасибо. – Лоренс смущенно опустил глаза. Ирина могла бы чаще делать комплименты. Ему дороги даже два слова одобрения, а ей они ничего не стоят.

– Там была Бетани?

На лице Лоренса появилось озадаченное выражение, словно он пытался перебрать в памяти всех гостей, хотя по телефону говорил ей, что приглашенных было немного.

– Э... да.

– Во что она была одета?

– Как я мог запомнить?

– Полагаю, вещей было мало.

– Полагаю, она была *размалевана*, как ты обычно говоришь.

– Настанет день, когда я заставлю тебя признаться, что ты считаешь ее привлекательной.

– Нет. Никогда. Слишком вульгарная. Не в моем вкусе.

Одна из сотрудниц института, Бетани Андерс, была шлюха с мозгами. Миниатюрная и почти всегда с ног до головы одетая в черное, она носила слишком короткие кожаные юбки с сапогами, любила ажурные чулки, воротники-«хомуты» и даже холодной зимой надевала блузки без рукавов, чтобы продемонстрировать скульптурные плечи. Лоренс был прав, Бетани выглядела вульгарно из-за обилия косметики и полных ярких губ. Несмотря на то что по улицам города бродит множество таких кошечек, в «мозговом центре» работало слишком мало женщин, и большинство из них предпочитали строгий стиль в одежде. В Черчилль-Хаус Бетани, несомненно, выделялась. Именно благодаря Бетани, чье имя Ирина всегда подчеркивала, Лоренс получил в разработку проект, за который никто больше не хотел браться. Железный занавес пал, а центр был переполнен специалистами по русской политике. (С падением Советского Союза Ирина ощутила понижение статуса. Она скучала по тому чувству постоянно присутствующей опасности.) Желая не только удержаться на плаву, но и отличиться,

Лоренс штудировал книги об Индонезии, Стране Басков, Непале, Колумбии, Западной Сахаре и курдском регионе Турции и Алжире. Писавшая много о Северной Ирландии, Бетани научила его всему, что знала сама, поскольку для всех остальных в Черчилль-Хаус предмет ее работы в эпоху великого оптимизма Клинтон казался скучным, ненужным и тривиальным. Если у Лоренса есть желание продолжать заниматься темой терроризма, ему никто не запрещает.

У Ирины были дурные предчувствия по поводу решимости Лоренса взяться за работу, но в большей степени они касались чрезмерной опеки Бетани. По крайней мере, доктор Сука, как называла ее Ирина, вызывала в ней ту степень ревности, что равносильна развлечению. Стойкий Лоренс Тернер был из тех мужчин, что предпочтут скорее остаться, чем покинуть дом, в котором надежно и спокойно. А Ирина была тем самым домом.

– Мне кажется, ты ей нравишься, – язвительно заметила Ирина.

– Чепуха. Она флиртует даже с фонарным столбом.

Лоренс обладал блистательным интеллектом, но сексуальные возможности его были скромными – отсюда и хронически плохая осанка. Как ни старалась, Ирина так и не смогла добиться, чтобы он стал привлекательным в глазах других женщин, что казалось ей чрезвычайно волнующим. Если бы время от времени у него появлялось желание встряхнуться, то тогда она была бы не единственной...

– Пойдем в спальню, – провозгласила Ирина, собирая тарелки.

Лоренс взял стаканы, последний глоток вина стал символом возобновления воздержания.

– Но я не видел твою новую работу!

– Ах да, я хотела тебе показать.

Наивысшим наслаждением в работе для Ирины был момент представления ее Лоренсу. Отложив посуду, оба направились в ее студию.

– Ты ведь помнишь, о чем проект? – спросила она. – «Увидеть Красный мир»? Маленький мальчик живет в мире, где все голубое. Однажды он встречается с путешественником, пришедшим из мира, где все красное, и теряет покой. Разумеется, в конце они создают Фиолетовый мир. Незамысловатая история, но для иллюстратора просто мечта. Сегодня я закончила Красный мир.

– Бог мой, эти голубые краски великолепны. Напоминают Пикассо.

– Ну, это уж слишком, – смущенно пробормотала Ирина. – Хотя было непросто получить такое множество оттенков с помощью карандаша. Сейчас модно использовать те же инструменты, что используют дети, – фломастеры, карандаши, – чтобы показать, что и они могут так нарисовать.

– Вряд ли. – Не наделенный художественными талантами Лоренс всегда с восторгом относился к мастерству других.

– Вуаля. – Ирина перевернула страницу. – Красный.

– Ого!

Сегодня что-то произошло. Манера отличалась от работ недельной давности, словно рисунок был выполнен другой рукой. Путешественник из Красного мира освободил таившиеся внутри силы. Окруженная ореолом цвета индиго с тонкой полосой розового, высокая художественная фигура шокировала. Даже пугала.

– Ты молодец, – с чувством произнес Лоренс. – Я бы очень хотел, чтобы ты работала с писателями, равными тебе по степени одаренности.

– Текст немного давил на меня. Возможно, мне бы даже понравилась идея, если бы в нем речь шла только о цветах. Я, как ребенок, замороженно смешивала краски, и получился настоящий новый цвет. Но меня не покидало чувство, что этот проект получил воплощение только благодаря смешению цветов в конце.

– В смысле, будем трахаться друг с другом и получим фиолетовых детей, так?

– Приблизительно.

– Вот здесь... – Лоренс изучал плод ее сумасшедшего дня; похоже, она была чем-то одержима. – Этот рисунок заметно отличается от голубого. Другие линии, стиль... – Да, Лоренс не был критиком. – Это ненормально. Разве так должно быть? Они не смотрятся вместе.

– Возможно. Но я лучше перерисую первый, чем выброшу второй.

– Ты настоящий талант. – Он погладил ее по голове. – Мне никогда так не нарисовать.

– Ну а я ничего не смыслю в «формировании нации», так что мы квиты.

Мама была бы довольна: подготовка к уединению была проведена с точностью хореографической композиции. Однако Ирина подумывала добавить к плавным движениям вальса нечто бодрящее, похожее на ча-ча-ча.

Готовясь к этому заранее, она навела порядок в спальне. Прошлым вечером она была так возбуждена, что побросала вещи на кресло. Взглянув на них утром, изуродованно смятых, она почувствовала отвращение. Принюхавшись, ощутила исходящий от юбки стойкий запах сигарет и бросила ее в корзину с грязными вещами. Дырочку на кофте уже не починить, поэтому она отправилась в мусорное ведро. Убирать вещи было так же приятно, как долго принимать душ, очень долго, пока с водой не стекла с нее вся внутренняя грязь.

Они разделись. К счастью, обнаженные тела друг друга уже не вызывали грубую похоть, скорее приятное волнение от предстоящего наслаждения. Именно поэтому ей казалось странным желание Лоренса сразу забраться в постель. Сердце забило сильнее. Почему тщательно обдуманное предложение, которое она собиралась озвучить, стало казаться радикальным?

– Почитаем? – предложил Лоренс.

– Н-нет. – Она уже лежала рядом. – Не стоит.

– Ладно. – Он потянулся к выключателю лампы.

– Подожди, не выключай пока свет.

– Хорошо. – На лице возникло то же возмущенное выражение, когда она попросила поцеловать ее «как следует».

– Я подумала... пока тебя не было, я много думала. Может, попробуем что-нибудь новое?

– Новое в чем?

Ирина сразу почувствовала себя глупо и пожалела, что начала этот разговор.

– Ну, ты знаешь – в сексе.

– А что тебя не устраивает в том, что было раньше?

– Ладно. Все хорошо. Все устраивает.

– Так зачем же менять? Ведь тебе нравится?

– Очень! Давай забудем. Не думай о том, что я сказала.

– Ну... а что ты хотела изменить?

– Я всего лишь подумала, может, нам попробовать что-то новое. Например, повернуться лицом друг к другу. – Все было устроено ради того, чтобы заглянуть ему в глаза, но теперь Ирина была так смущена, что не могла смотреть на Лоренса, а они ведь еще даже не приступали к сексу.

– Ты о миссионерской позе? – неуверенно спросил Лоренс.

– Возможно, если ты так ее называешь. – Грудной голос Ирины стал тонким и скрипучим.

– Но много лет назад ты сказала, что миссионерская поза неудобна для женщин, именно она стала причиной того, что женщины вообще отказываются от секса. Она не создает трения в нужном месте. Помнишь? Это твои слова.

– Да, не создает, ох – ну, ты понимаешь, мне нужно немного помогать.

– А мне, как ты понимаешь, проще оказать эту небольшую помощь сзади.

– Верно. Знаешь, давай... Все в порядке. Давай оставим все как есть.

– Но тебя что-то тревожит. Это связано с позой в сексе?

Разумеется, ее что-то тревожило. Например, то, что восемь лет не видела его лица во время близости, но произнести это вслух она не могла. Ирина видела, что разговор расстра-

ивает Лоренса, а это последнее, чего она хотела добиться. Она мечтала дать понять, что он желанный гость, он любим, и не стремилась вызвать в нем беспокойство оттого, что все эти годы не была удовлетворена их сексуальной жизнью, но не обмолвилась ни словом. Ее сводил с ума страх этих нежелательных последствий.

– Ничего подобного, – мягко произнесла она и повернулась спиной, прижимая ягодицы к его животу. – Я так соскучилась, мне хорошо рядом с тобой.

– Не возражаешь, если я выключу свет?

В груди шевельнулось что-то...

– Конечно. Все в порядке. Выключай.

Даже в самых крепких отношениях иногда случаются вспышки, похожие на озарение. Лоренса едва ли можно винить за то, что в тот же вечер, когда Ирина не могла оторвать глаз от губ Рэмси Эктона, он испытывал жгучее желание к Бетани Андерс, и теперь оба, поджав хвост, стремились в объятия друг друга. Вероятно, это была не самая лучшая ночь для раскачивания лодки, тонкая настройка инструмента, издававшего привычную мелодию, могла подождать более подходящего момента. Кроме того, Ирине были приятны его действия. Было хорошо смотреть в стену. В темноте.

В привычной позе, не видя лица партнера, она позволяла своим мыслям блуждать по самым опасным коридорам. Впрочем, в самых потаенных желаниях она не противилась грязи. Когда пальцы Лоренса скользнули ей между ног, она замерла, запрещая воображению рисовать непристойные картины. Ей некуда скрыться. Она представила себя стоящей посередине маленькой комнаты. Там была дверь. Дверь, которую Ирина могла бы открыть, будь она готова. Идея выскользнуть в дверной проем показалась неудачной, даже запретной. Дверь давила на нее распространенным в Штатах предупреждением: «Проход воспрещен!» Время шло, а Ирина застыла, словно посреди пустыни – больнично-белые стены, линолеум, аскетичный коитальный зал ожидания, где никогда не назовут ее имени, – ей стало казаться, что, даже избрав для себя этот запрещенный портал, она никогда не сможет достичь оргазма.

Вспомогательные действия Лоренса настолько затянулись, что Ирина смутилась. Она знала, что он всегда готов протянуть ей руку помощи, но, когда процесс становится длительно-утомительным, у него может пропасть эрекция. Ее возбуждение было необходимым для хорошего исполнения. Сегодня это не сработало. Довольно странно. Раньше у нее никогда не возникало проблем, причем, никогда раньше она не запрещала себе думать о том, о чем больше всего хотела думать. Проблема была в той двери, той запертой двери, она отказывалась бросить вызов, поэтому не могла придумать более изящного выхода из ситуации, чем имитация.

Она старалась не переусердствовать и не думать о сцене из фильма «Когда Гарри встретил Салли». Из ее горла вырвался глухой стон, призванный обозначить то, чего не было. В какое-то мгновение она забеспокоилась, что столь невнятный знак может быть непонятен Лоренсу, но почувствовала несколько толчков и знакомую пульсацию; он всегда ее ждал.

Ирина была обескуражена тем, что обман сошел ей с рук. После стольких лет Лоренс был обязан почувствовать разницу.

Теперь к списку мелкой лжи, когда она сделала вид, что забыла о дне рождении Рэмси и убеждала себя, что еще довольно рано, когда в «Омене» им принесли счет, добавилась и симуляция сексуального удовлетворения. Никогда больше она не сможет откровенно сказать самой себе, что испытывала оргазм каждый раз, когда они занимались сексом с Лоренсом. Теперь она понимала, какое чувство испытывает игрок в пинбол, когда выпущенный мячик со звуком проваливается в нужное отверстие.

Обман ее не порадовал. Ей удалось подsunуть фальшивую купюру, но она была низкого достоинства – не больше пятерки. Многие женщины проделывают это со своими партнерами годами, так что один обман за девять лет не имеет большого значения. Так почему же ей так

грустно? Она ведь должна ликовать. Лоренс вернулся домой. Кроме того, кажется, ее верность достойно прошла вчера проверку. Беспокойная дрожь в душе мешала Ирине заснуть. Она не могла с уверенностью сказать, прошла вчера экзамен или провалила его.

3

Не позволив себе понежиться в постели, Ирина на следующее утро поднялась первой. Пока она покупала «Дейли телеграф», рев моторов и сигналы машин на Тринити-стрит едва не свели ее с ума. Она молола зерна и ждала, когда из агрегата польется молоко. Она не знала, что ей проще сделать – ждать или застрелиться от затягивающей ее монотонной рутины. Радовало лишь то, что в это время не было необходимости смотреть на Лоренса и разговаривать с Лоренсом. Она уставилась остекленевшими глазами на лежащую на обеденном столе газету. Ее поведение прошлой ночью казалось неразумным, оно угнетало настолько, что мешало есть и спать, оставляло совершенно опустошенной. Секс стал тем, чем она никогда не сможет заниматься. И не будет. Даже у дурачеств есть пределы. Сборы и завтрак Лоренса казались бесконечными. На тост он потратил целую вечность. Кофе остывал. Может, он захочет почитать еще «Конец благоденствия», чтобы лучше настроиться на работу? Уже почти 9:00!

Когда он перевернул последнюю страницу газеты, Ирина едва не вырвала ее у него из рук. Стоило стрелке часов миновать цифру «двенадцать», в груди стала зарождаться глухая ярость. Разве это не право Лоренса побыть несколько минут с «женой», прежде чем погрузиться в работу, занимающую его по многу часов в день? Если бы Лоренс когда-нибудь переживал то же самое, сидел, кипя от злости, за столом, обезумев от ее присутствия, ждал, когда за ней закроется дверь их квартиры, она бы умерла. Просто умерла.

И все же сдержаться она не могла.

– Полагаю, за десять дней отсутствия в офисе накопилась уйма работы. – Если бы не раздражение в голосе, фраза могла бы сойти за вполне тривиальную.

– Возможно, – кивнул он.

За сегодняшнее утро она пришла к выводу, что Лоренс совсем ее не знает, однако его сдержанность свидетельствовала об обратном.

– Может, съесть еще один тост? – произнес он.

– Хочешь – ешь! – взорвала Ирина. – Будешь есть – ешь, не хочешь – не ешь, но реши, наконец! Бог мой, это же всего лишь кусок хлеба!

Лоренс встал и принялся собирать посуду.

– Тогда не буду.

Она вздрогнула, ощущая его обиду, словно столкнулась с бумерангом. Жестокость, выплеснутая на того, кого мы любим – по крайней мере, любили до недавнего времени, – и того, кто точно этого не заслужил, – неизменно возвращается и обрушивается на нашу голову.

Наконец Лоренс взял портфель. Взглянув на него уже на пороге, Ирина внутренне сжалась от раскаяния. Теперь, когда он действительно уходил, она старалась задержать его пустыми разговорами, пыталась одарить теплом, чтобы он запомнил ее милой подругой, остающейся на весь день в одиночестве, желающей продлить момент прощания.

– Извини, что сорвалась. Все время думаю об этом красном, не терпится начать работу.

– Я тебе мешаю?

– Нет, разумеется, нет. Не знаю, может, у меня ПМС.

– Нет. – Лоренс следил за всем.

– Тогда синдром «после месячных». В любом случае извини меня. Завелась на пустом месте.

– Да, на пустом.

– Прощу тебя, давай забудем! – Ирина сжала его руку. – Мне очень, очень стыдно.

Каменная маска исчезла с его лица, сменившись улыбкой. Лоренс поцеловал ее в лоб и сказал, что позвонит позже. Обиды забыты. Залатать дыры оказалось проще простого. Но она

не могла понять, принял ли он ее извинения потому, что поверил, или из страха продолжения ссоры.

Первые минуты она старалась даже не смотреть на телефон, наслаждаясь способностью мыслить здраво, а если не здраво, то, по крайней мере, самостоятельно. Кроме того, Лоренс мог вернуться, забыв что-либо, и она не хотела объяснять, с кем говорит. К половине десятого сил почти не осталось, ее не сдерживала даже привычка Рэмси ложиться поздно, ведь сейчас рушится вся ее жизнь и повинен в этом он.

– Аллю?

Ирина не любила, когда люди звонят и молчат.

– Привет, – смущенно пробормотала она.

Молчание на том конце провода казалось бесконечным. Боже, неужели то, что было для нее волшебным путешествием на ковре-самолете, для Рэмси лишь привычная прогулка на потрепанном коврик. Может, он действительно бабник, которым представляли его модные журналы, и ей лучше скорее повесить трубку, чтобы не выставить себя еще большей дурой, чем раньше.

Слова обрушились на нее океанской волной.

– Как я рад слышать твой голос.

– Я боялась тебя разбудить.

– Я еще не сомкнул глаз.

– Но ты не спал прошлой ночью! У тебя еще нет галлюцинаций?

– Раз уж я позволил тебе уйти – начал волноваться, что начались.

– Это я волновалась, думала, для тебя это не важно.

– Важно, – резко ответил он. – Чертовски важно.

– Чертовски...

– Верно. – Фраза должна была прозвучать решительно, но вышло скорее растерянно.

– Странно, – продолжала Ирина, – раньше я хорошо помнила твое лицо, а сейчас вспоминаю с трудом.

– А я отлично помню твое лицо. Но их стало два. Одно «до», другое «после». То, что «после», выглядит привлекательнее. Красивее. Будто в 3D. Замысловатое.

– Я испытываю те же ощущения. Оно незнакомо мне самой. Все это не к лучшему. Неприятно смотреть в зеркало и не понимать, кого видишь.

Несмотря на номинально добродетельные сексуальные отношения, в их разговоре уже возникали долгие паузы давних любовников – те паузы, когда в воздухе витает отдающий ладаном аромат, несущий смысл всего невысказанного. Любовники общаются не посредством фраз и предложений. Страсть выражается именно в интервалах. В этом случае важны промежуточные швы, а не кирпичи.

– Ты ему сказала?

– Я обещала тебе молчать.

– Знаю, но ты смогла промолчать?

– Я всегда держу слово. – Каждая минута их разговора заставляла нарушить его. Как чудно, что необдуманное обещание, данное Рэмси, перевешивает чувство долга перед Лоренсом.

– Я не могу. – Он замолчал, словно сверялся со шпаргалкой. – Из-за снукера и прочего у тебя, наверное, сложилось неверное представление. Я не выношу грязи. Со мной либо все, либо ничего.

– А если все, то что?

– У тебя есть Лоренс. – Голос его стал ледяным. – Ты счастлива. У тебя своя жизнь.

– Я думала, что так и есть.

– Тебе надо остановиться. Ты сама не понимаешь, что делаешь. Тебе есть что терять. – Фразы были короткими и пустыми.

– Я не могу остановиться, – произнесла Ирина. – Меня что-то держит. Ты смотрел «Опасные связи»? Там Джон Малкович говорит Гленн Клоуз: «Это выше моих сил». Он, как зачарованный, пускается в рискованные отношения с героиней Мишель Пфайффер. Так вот – это выше моих сил. Меня это не извиняет, но это правда. Я словно одержима. Не могу перестать думать о тебе. Я всегда была реалисткой, но теперь попала в плен наваждения. Хотела бы сказать, что это преувеличение, что я слишком увлеклась мелодрамой, но это не так.

– Я не видел этот фильм. Конец хороший?

– Нет.

– Наверняка он неспроста тебе вспомнился. Что случилось с женщиной?

– Умерла.

– А парень?

– Умер.

– Неплохо. В реальной жизни, милая, обычно бывает еще хуже, верно? Намного сложнее.

– В фильме есть намек, – Ирина внутренне сжалась, – на искупление смертью...

– Забудь об этом. В реальной жизни кажется, что не выживешь, но остаешься стоять на ногах. Проблемы должны погубить тебя, но ты выживаешь. Все выживают, и от этого становится чертовски плохо.

У Рэмси философский склад ума.

– Это выше моих сил. – Ирина была упряма.

– Значит, все будет зависеть от меня. Я должен остановиться ради тебя.

В этот момент она порадовалась, что не позавтракала. Ее сильно затошнило.

– Не стоит блюсти мои интересы. Мне это не нужно. Лоренс вел так себя многие годы, и что вышло? Не надо обо мне заботиться.

– Нет, надо, – прошептал Рэмси. – Это всем нужно.

– Ты не заставишь меня остановиться. У тебя нет на это права.

– Я один несу ответственность, – сказал Рэмси, удивительным образом копируя интонацию Малковича из фильма, который не смотрел. – Только теперь я это понял. И я один могу все прекратить.

Слезы обжигали ее щеки. Он не имеет права ее обворовывать. То, что она нашла в цокольном этаже его дома, принадлежит ей.

– Ты сказала – вчера. – Ссылка на время коробила. Ей казалось, они не виделись больше месяца. – Сказала, будто я что-то разбудил в тебе. Попробуй сохранить то, что тебе удалось открыть со мной, и отдай это Лоренсу. Пусть будет подарок.

– Что я открыла с тобой... Это был ты. Ты мой подарок. Во всех смыслах. Троице нам в постели будет тесно.

– Никто не говорил о постели.

– Об этом и не надо говорить.

– Мы не будем этого делать.

– Нет, – согласилась Ирина. – По крайней мере, в данный момент не будем.

– Я не стану твоим любовником.

– Мне это и не нужно.

– Так чего же ты хочешь?

На минуту Ирине показалось, что она едет по городу в машине с завязанными глазами. Как же ей вернуться домой? Обретя способность видеть, она огляделась. Она в таком красивом месте, разве ей надо домой? Ее похитили. У нее стокгольмский синдром, она влюбилась в своего похитителя.

– Мне нужно как можно скорее тебя увидеть.

Из трубки послышался вздох.

– Это неразумно.

– Ум здесь ни при чем.

Рэмси застонал.

– Я сам мечтаю встретиться.

– Я могу приехать на метро. Остановка «Майл-Энд», верно?

– Таким леги, как ты, не место в метро. Я заеду за тобой.

– Не надо сюда приезжать. Вчера... Тебе тоже не стоило подъезжать к дому. Тебя многие знают в лицо.

– Видишь, что получается? Фильм ужасов! Будто между нами что-то есть.

– Какова же альтернатива.

– Ты сама знаешь.

– Это невозможно. Я должна тебя увидеть. – Она обнаружила совершенно новую для себя черту характера – своеволие. Это чувство пьянило.

– От метро далеко идти.

– Я сильная.

– Ты редкий, уникальный цветок, который необходимо держать подальше от грязи и жадных глаз Ист-Энда. – В голосе слышалась насмешка. – А как же Лоренс?

– Он на работе. Он звонит мне днем, но я могу сказать, что ходила по магазинам.

– Тебе будет нечего ему показать из покупок.

– Я просто гуляла, не нашла ничего подходящего. Я могу прослушать его сообщение из твоего дома и перезвонить.

– Да у тебя есть опыт.

– Принимаю это как комплимент.

– Большинство телефонов в офисах определяют номер, откуда поступает звонок. У твоего... – он едва не сказал «мужа», – ботаника отличная память на цифры. Например, он мог запомнить мой номер. Я куплю тебе мобильный.

– Отличная идея, но мы с Лоренсом недавно решили, что это слишком дорого. Лоренс может его найти, тогда мне придется объяснять, откуда он у меня. Кроме того, он может выяснить другим способом, верно?

– Да. Даже тогда, когда нечего выяснять.

– А твой день рождения? Это ты называешь ничем? Если бы я стала твоей?

– Ты и есть моя, – мягко произнес Рэмси. – Прошлой ночью... ты ведь спала с ним?

– Разумеется, спала. У нас общая кровать.

– Я не об этом, ты прекрасно поняла. Его долго не было дома. Когда парень долго не видит женщину, он возвращается и трахает ее.

– Ладно, ладно. Да. Если бы отказалась, он бы что-то заподозрил.

– Мне это не нравится. У меня нет права так говорить, но мне это не нравится.

– Мне тоже, – призналась Ирина. – Я... смогла справиться только благодаря мыслям о тебе. Это ужасно – представлять другого.

– Лучше, когда ты рядом с ним думаешь обо мне, а не наоборот.

– Мне больше нравится быть рядом с тобой и думать о тебе.

– Так когда твоя сочная попка появится на «Майл-Энд»?

Видимо, это весьма типично – потратить уйму времени на обсуждение того, как это должно быть, и лишь в самом конце наконец перейти к деталям того, как это сделать. Ирина было приятно чувствовать себя особенной.

В метро на нее оборачивались и мужчины и женщины. Дело было не только в короткой джинсовой юбке и откровенной желтой футболке, а в ней самой. Возможно, попутчики не нашли определение ее виду как таковому, но все же оценили.

Люди часто рожают детей, женятся или образуют пары, но редко выглядят так, как Ирина. Женственная притягательность стала редкостью. Вы никогда не увидите это на рекламных плакатах в вагоне, заметите лишь вызывающую грудь с рекламы отдыха на островах и сногсшибательную белозубую улыбку, обещанную зубной пастой. Эти картинки заставляют пассажиров мучиться от отсутствия и от желания иметь.

Это была не та поездка, на которую надеялась Ирина Макговерн. Однако, приняв решение не расстегивать молнию юбки, она была честна с самой собой. Она села в поезд с сомнительными целями.

Без предварительного объявления по громкой связи поезд остановился в тоннеле. Подобные остановки на пятнадцать минут были настолько привычными для пассажиров Северной ветки – самой ужасной из всех, – что пассажиры даже не удосужились поднять глаза и оторваться от «Дейли мейл». В связи с «чужаками» метрополитена постоянные пользователи, вероятно, уже прошли стадии ужаса, отчаяния, нетерпения и развили в себе выдержанность дзен-буддистов. Можно ли определить смиренность пассажиров иным другим словом, кроме мудрости.

Ирине представилась возможность взять паузу. Сначала Рэмси, а потом и внезапная остановка твердили: «Ты должна остановиться».

Мыслями она ускользнула в прошлое, в то время, когда несколько лет назад у них с Лоренсом появилась традиция перед ужином сидеть на диване и жевать попкорн, молча просматривая новости по Четвертому каналу. После переезда на нынешнюю квартиру традиция еще не успела возобновиться.

– Очевидно, что гарантий нет никаких, – пробормотала она, выбирая самые раскрывшиеся ядра. – Я о нас. Как много пар живут прекрасно, а потом – бам, и все кончено. Если это случится и с нами? Вдруг я потеряю веру в проект в целом? Нельзя сказать с уверенностью, что мы справимся. Но если у нас не получится, значит, ни у кого не получается. Или у меня не получится, какая разница.

– Да, – согласился Лоренс, подхватывая нелопнувшее зернышко, хотя она предупредила, что оно может повредить мост во рту. – Я знаю людей, которые через пару лет опять готовы к новым свершениям, но это не для меня. Расстались? Я бы отказался от повторной попытки.

Жестокое для обеих сторон суждение. Лоренс всегда был для Ирины феноменом. Он умный, красивый и немного странный; они отлично подходят друг другу.

В прошлом они преодолели немало препятствий и трудностей – бурные волны первого года общения, профессиональная неустроенность Лоренса, пока он наконец не нашел работу в «Блю скай», неостребованность некоторых новых иллюстраций Ирины и переезд в другую страну. Сейчас все должно быть проще, верно? После почти десяти лет многое должно двигаться по инерции. Шероховатости сглажены, серьезные источники напряжения удалены, их отношения должны скользить по глади, как японский поезд на воздушной подушке. Вместо этого их вагон застрял между станциями, оставляя возможность лишь смотреть в угольно-черные окна. За одну ночь их отношения преобразовались с уровня высокотехнологичной железной дороги до Северной ветки.

Почему никто не предупредил ее? Внутренние чувства, призванные хранить, подтолкнули ее к опасности. Садясь в салон «ягуара» с видом безрассудной невинности, она не удосужилась обернуться, и это было весьма неосмотрительно с ее стороны. Она руководствовалась эмоциями. Ограблена. Разгромлена. Словно взяла с субботы днем скалку и вышибла себе мозги.

Неожиданно вагон дрогнул, поезд запыхтел и двинулся вперед. Передышка, подаренная метрополитеном, окончена. У ее попутчиков свои дела, они не могут ждать, пока женщина сорока с небольшим лет возьмет себя в руки.

Если принять, что Лоренс был для нее феноменом, то продолжить движение к конечной станции означает «потерять веру в проект в целом». Получается, она несется по тоннелю не к романтическим отношениям, а к циничным.

«Как печально, – думала Ирина, шаг за шагом преодолевая расстояние от станции метро вверх по Гров-Роуд до дома Рэмси, – что нельзя позволить себе влюбиться, поскольку любые эмоции ощутимы на расстоянии». Но если пугающая пустота при появлении Лоренса вчера вечером осталась незамеченной, может ли она вести себя так и дальше? По меньшей мере, чтобы не дать себе влюбиться, ей не стоило нестись утром сломя голову в Хакни, что лишь больше разжигало страсть. И не терзаться мыслями о том, что она, как кошка, может всегда войти и выйти из дома по собственному желанию через маленькую прорезь в кухонной двери.

В общепринятом смысле любовь связывает людей испытанным способом или бывает ниспослана свыше, но с ней не произошло ничего подобного. Несмотря на популярное высказывание о том, что любовь зачастую возникает «вопреки», ее нельзя вызвать одним повелением. Как невозможно избавиться от этого чувства, если оно становится неудобным или неуютным, если грозит губительно повлиять на жизнь. Куда более самого поцелуя у бильярдного стола, под воздействием которого она была последние восемнадцать часов, Ирину поразило, что ее состояние осталось не замеченным вернувшимся домой Лоренсом. Ее досада сокрушительно росла с каждым часом. Нет, она не разочаровалась в Лоренсе; шоры не упали с ее глаз, он не стал для нее в одно мгновение тем обычным маленьким человеком, каким видели его окружающие. Скорее, с поворотом ключа в замке романтические струны в ее сердце лопнули. Верность и привязанность к Лоренсу зиждилась лишь на особенностях ее характера. Их отношения рассыпались на куски. Трансгрессия выходного дня заставила нарушить основные условия ее соглашения с самой собой и привела к разочарованию в себе. Она словно уменьшилась и стала более хрупкой. Ирина чувствовала себя ординарным человеком и впервые, пожалуй, поверила в миф о том, что она состарится и умрет, как и все остальные.

Однако она двигалась вперед, чары не ослабляли своего воздействия. Впереди, словно из сказки, появились волшебные виды парка Виктории со шпилями павильона кафе, сплетенными струями фонтана в центре озера и длинношеими птицами, машущими крыльями. Она шла через парк по Гроув-Роуд, ощущая, как уходит внезапно охватившая ее слабость. Ирина вновь была юной и живой, героиней романа, события которого только начинают развиваться.

Когда Ирина свернула на Виктория-парк-Роуд, в окружающем пейзаже что-то изменилось.

В 1919 году в Бостоне взорвался резервуар с мелассой шириной девяносто футов, и содержимое, равное двум с половиной миллионам галлонов, хлынуло на город со скоростью тридцать пять миль в час, погубив на своем пути двадцать одного человека.

Похожая волна сладости пронеслась сейчас через парк Виктория, цветы лотосовых деревьев блестели, словно покрытые глазурью, соблазняя потянуться и лизнуть. Темные воды озера походили на патоку, залитую в кувшин с широким горлышком. Воздух словно карамелизировался, вдыхать его было все равно что посасывать леденец. Вне всякого сомнения, сироп, покрывший все вокруг, лился из знакомого дома.

Поднимаясь по крутой викторианской лестнице, Ирина вздрогнула от страшного предчувствия. Скорее всего, тревожные мысли пусты, как были и вчера вечером в ожидании встречи с Лоренсом. Она похожа на психованную стерву, кричащую на наемных рабочих, попросивших стакан воды, на гарпию, вспыхнувшую, но через минуты остывшую. В воскре-

сенья Рэмси казался ей очаровательным, но сегодня уже понедельник. Нельзя с уверенностью утверждать, что, переступив порог его дома, она не посмотрит на него с безразличием.

Нет, все же это не тот случай. Лицо Рэмси – оно было *красиво*.

Скользнув сухими пальцами по ее коже вдоль выреза футболки, он опустился ниже, к тому месту, неприкосновение к которому ее совсем недавно волновало. Ирина застонала, и он впустил ее внутрь.

Она едва успела попасть домой раньше Лоренса. На телефоне мигала лампочка. Проведя рукой по спутанным волосам, Ирина нажала кнопку прослушивания. «Пожалуйста, повесьте трубку и попробуйте снова. Пожалуйста, повесьте трубку и попробуйте снова», – приятный, но сухой женский голос с британским акцентом произносил слово «снова» так, что оно было похоже на «стон». Из-за особенности телефонной станции в центре такое сообщение, подобно тридцать второй ноте, появлялось всякий раз, когда Лоренс звонил, но не оставлял сообщения. Создавалось впечатление, что он внял советам женщины. Прослушивая: «Пожалуйста, повесьте трубку и попробуйте снова», Ирина подсчитала: их было пять. Лоренс звонил пять раз.

За спиной раздался скрежет замка, заставивший сердце подпрыгнуть к горлу.

– Ирина? – Прошел всего день, но он уже отбросил ее второе имя. – Привет! Где ты была весь день?

– Да, так... – она заставила себя взбодриться, – болталась по городу.

Неправильно. Люди, прожившие почти десять лет вместе, никогда не говорят «болталась по городу». Она могла сказать, что ходила в «Теско», потому что у них закончился греческий йогурт, или в хозяйственный магазин на площади Слон и замок, потому что перегорела лампочка в настольной лампе в ее студии, – так обычно отвечают человеку, с которым живут под одной крышей. Ирина знала все о законе семейной ответственности, и несоблюдение постулатов было равносильно поднятому на вытянутых руках плакату с надписью: «У МЕНЯ ЛЖИВОЕ СЕРДЦЕ». При этом она всегда завидовала таланту, так необходимому ее сестре в балете и Лоренсу в политике. Нет, не ловкости, а двуличию. Но никогда не хотела быть им наделенной.

– Мне казалось, сегодня ты собиралась усиленно работать.

– Вдохновения не было. Ты ведь знаешь, как бывает.

– Последнее время ты прячешь от меня свои рисунки, поэтому не знаю.

Она побрела за ним в кухню, где он принялся намазывать ореховое масло на крекер. Движения были дергаными. Пять неотвеченных звонков прочно засели в голове.

– В «Блю ской» все в порядке?

– Обсуждали с ИРА прекращение вооруженной борьбы. – Слова звучали отрывисто. – Ничего, чтобы тебе было интересно... По какому поводу ты так оделась?

Она скрестила руки на груди, внезапно смутившись от внешнего вида, показавшегося слишком молодежным.

– Просто было настроение. Надоело то тряпье, которое ношу все время.

– Американцы, – проворчал Лоренс, – сказали бы «старье».

– Я наполовину русская.

– Не передергивай. У тебя американский акцент, американский паспорт, твой отец из Огайо. Кроме того, русский человек сказал бы «хлам». Правда? – Когда он не старался угодить, его русский становился значительно лучше.

– Что тебя... – Она замолчала, не дав еще одному типично британскому выражению сорваться с языка. – Тебя что-то тревожит?

– Утром ты дергалась, мечтая скорее приступить к работе. Я звонил около десяти, телефон был занят, а в десять тридцать тебя уже не было. Насколько я понимаю, ты отсутствовала весь день. Ты занималась важными делами? Сомневаюсь.

– У меня не было настроения.

– Ты никогда так вызывающе не одевалась. И потом, настоящий профессионал своего дела сидит и работает даже тогда, когда у него нет настроения. Ты сама так всегда говорила.

– Ну, люди меняются.

– Разумеется. – Лоренс впился глазами в ее губы. – Ты пользовалась *помадой*?

Ирина никогда не красилась. Она облизала пересохшие губы.

– Нет, конечно нет. Просто было жарко. Обветрились.

Лоренс отвернулся к телевизору, чтобы включить новости на Четвертом канале, и она поспешила в ванную, чтобы взглянуть на себя в зеркало. Губы были сочного вишневого оттенка, подбородок ярко-розовым. Рэмси следует чаще бриться. Возможно, ей еще повезло, что Лоренс не заметил цвет подбородка и запах белого вина. Они с Рэмси выпили две бутылки совињон блан, затем, по его настоянию, на плоском экране телевизора замелькали моменты известного матча по снукеру 1985 года, не шедшие ни в какое сравнение с происходящим на диване. Ирина смогла проглотить только кусок копченого лосося и белуги, запах которой до сих пор ощущала, и выкурила далеко не одну сигарету «Голуаз» из пачки Рэмси. Решив не рисковать, она почистила зубы. В ее привычки не входила чистка зубов в семь часов вечера, но это можно было объяснить неприятным привкусом во рту. Удивительно, но порой хорошо получается даже то, что вы не надеетесь сделать хорошо.

Странно, что Лоренс не унюхал запаха вина, хотя у него нос как у гончей. А это означает, что запах рыбы и подбородок он тоже не заметил.

Лоренс сидел в гостиной, увлеченно глядя на Джона Сноу.

– Сейчас принесу попкорн! – воскликнула Ирина с порога. – Да, как насчет пасты на ужин? – Курицу она забыла заранее достать из морозилки.

– Все равно. – Репортаж о коровьем бешенстве увлекал его намного больше. По указу британского правительства за несколько месяцев было забито около десяти тысяч несчастных животных.

– Приготовлю, как ты любишь, с чили и анчоусами!

– Да, конечно. – Он улыбнулся ей через плечо. – Отлично. Пусть будет горячей. И особенно вкусной.

Ей следовало предложить не только пасту, но он уже довольствовался и крохами.

3

Красивое белье теряло всю привлекательность из-за лежащего на нем Лоренса. Лоренс иногда позволял ей поспать дольше обычного, но на этот раз, проснувшись и поняв, что он давно ушел, Ирина почувствовала себя обманутой. Она выбралась из постели. Даже если им не удавалось посидеть рядом, болтая ни о чем, ей все равно было приятно начинать день в его обществе. Сбегав за «Телеграф», она появилась в кухне уже в рабочих брюках и мягкой трикотажной кофте, готовая погрузиться в череду ежедневных дел. Многие нашли бы итерацию семейной жизни утомительной, но для Ирины ритм был сродни музыкальному, а жужжание мясорубки звучало фанфарами новому дню. Знакомая мелодия шумов рефреном звучала в голове: тихое шипение кофе в турке, пыхтение выливающегося из носика кипятильника молока, взбитого в плотную пену. Процесс приготовления кофе был выверен до мелочей, пожалуй она влить меньше молока, у нее бы не получилось, поскольку это было бы уже совершенно другое действие. В приготовлении завтрака не было ничего для нее утомительного, Лоренс любил хорошо поджаренный хлеб, какой и получался при точно выставленной температуре. Повторяющиеся действия, с точки зрения Ирины, представляли собой единое целое, которое только так и можно воспринимать. В какой-то момент из привычки оно превратилось в ритуал. Начав слишком затягивать, этот ритуал мог привести к необратимым разрушениям, сведенный к минимуму, грозил стать лишь механическим действием. Так волны прибоя, в зависимости от морского прилива или отлива, могут вынести песок на берег или же, напротив, смыть. Ирина не возражала против перемен – иногда кофе был из Уругвая, иногда из Эфиопии, – но все же считала пользу разнообразия несколько переоцененной. Она не отвергала вариации, но лишь в рамках привычной монотонности. Если с жадностью стремиться к разнообразию, можно в скором времени остаться без напитков к завтраку. Она с пониманием относилась к людям, жаждущим новых ощущений, желавшим, как говорил один ее друг, «выжать весь сок из апельсина» и ежедневно получать свежий опыт. Но это путь, ведущий к разрушению. Получаемый опыт – прежде всего в познании самого себя – приходит к нам постоянно, и лучше впоследствии повторить самые приятные моменты пережитого.

Перемешивая ложку сухого концентрата напитка «Хорликс» со вскипевшим молоком (края напитка мгновенно изменили цвет из-за кислоты), Ирина размышляла о том, что «бесконечность» – кофе и тост, снова и снова, череда действий, скрывающаяся за горизонтом, – это иллюзия. Усталость от рутины – роскошь, длящаяся секунды. Каждое новое утро – награда, пробуждение нужно прочувствовать и смаковать, благодаря Всевышнего за отсутствие тягот в виде артрита или болезни Альцгеймера. И вы будете с удовольствием пить кофе. И читать газеты. Ровно столько, сколько нужно. Ваше счастье в молчаливом общении со своей второй половинкой за обеденным столом, бесчисленное количество особенных встреч – если пожелаете, можете пересчитать – до того, как бедствие или несчастье лишит одного из вас возможности там присутствовать. (Еще не так давно Ирина боялась размолвки, которая раскачала бы «проект», но некоторое время назад эту тревогу затмил страх, что Лоренс умрет. Таким образом, растущее чувство спокойствия в одной области ускорило беспокойство в другой, в которой весь «проект» был поставлен под угрозу в глобальном масштабе.) Всякий раз, когда она читала статьи о том, сколько блюд съедает среднестатистический человек за всю жизнь, сколько лет проводит во сне, сколько раз ходит в туалет, цифры не ослепляли ее, а подавляли, напоминая о ничтожности происходящего и ограниченности временных рамок. В соответствии с актуарными расчетами у нее есть семьдесят восемь лет, сорок два года из которых позади. Шокирующие цифры.

– Учитывая, что меня не было всю прошлую неделю, – произнес Лоренс, пережевывая тост, – работы действительно накопилось немало. Надо поднапрячься.

– Не болтай с набитым ртом! – укорила Ирина. – И если будешь в таком темпе заглатывать горячий кофе, обожжешь горло. Может, тебе успокоиться и немного почитать?

– Лучше я подумаю над рабочими вопросами.

– Хочешь еще тост? Это тот самый восхитительный хлеб с рынка, а он, если помнишь, быстро черствеет. Ешь, пока свежий.

– Нет, – помотал головой Лоренс. – Пора.

– Ты читал о коровьем бешенстве? – Ирина откровенно пыталась любыми способами задержать его дома еще хоть на несколько минут, подобным образом она когда-то цеплялась за ногу отца, когда тот пытался переступить порог, уезжая на шесть недель в Калифорнию для работы над диалогами к очередному фильму. – Цены дошли до сорока девяти фунтов, а продажи растут. Ты знаешь, что такое болезнь Крейтцфельда– Якоба? Кому какое дело, что смерть будет долгой и мучительной, ваш мозг будет постепенно превращаться в губку. Не имеет никакого значения! К мясу стоимостью в фунт тридцать девять никто бы не прикоснулся, а сумма сорок девять фунтов не внушает опасений.

– Здорово! Съедем вечером по гамбургеру?

– Не в этой жизни. У нас будет курица.

Ирина проводила Лоренса до дверей и смогла заставить себя довести разговор до той минуты, когда произнесла привычное русское «до свидания».

Она достала из морозилки курицу, не переставая бороться с чувством опустошения. Даже привычный ежедневный уход Лоренса на работу заставлял ее горевать.

Обосновавшись в студии, Ирина не смогла сосредоточиться на *Красной иллюстрации*. Побуждение встать и сделать звонок одолевало настойчивостью. Ведь это просто дань вежливости. Неприлично не поблагодарить человека, относящегося к тебе с таким радушием. Всего несколько минут.

Номер в записной книжке до сих пор был под именем Джуд. Рука несколько секунд лежала на телефонной трубке без движения, сердце же бешено колотилось. Звонок вежливости. Она взяла трубку и положила обратно. Затем опять подняла:

– Слушаю?

Ирина быстро повесила трубку. Голос звучал сонно. Еще слишком рано. Впрочем, она его уже поблагодарила, в субботу на пороге дома. Как глупо будить человека попусту. Но еще глупее трястись при этом. По крайней мере, он не узнает, кто звонил и так невежливо бросил трубку. Можно предположить, что это надоедливые рекламные предложения или ошибка.

Однако, когда Ирина вернулась к рабочему столу, на нее тошнотворной волной накрыло осознание того, что Рэмси все понял. Он нисколько не сомневался в том, кто звонил, и, услышав неуверенный голос, бросил трубку на рычаг, словно она могла укусить. Во многом они были чужими друг другу людьми, и ей была непривычна мысль, что кто-то мог знать ее настолько хорошо.

С рисунком дело обстояло скверно. Момент прибытия Красного путешественника по-прежнему не давался. Вчерашнее вдохновение не возвращалось, оставаясь самым ярким за последнее время, Ирина никак не могла вернуться к стилю, который Лоренс назвал «помешанным». Если она не сможет поймать настроение и вернуться к прежнему неистово кричащему стилю, придется вообще отказаться от «помешательства». Иллюстрации слишком разные, полное несоответствие друг другу.

Первое появление красного цвета получилось тревожным, волнующим, электризирующим и бросающимся в глаза. Сегодня же в каждом новом штрихе была обыденность. Смешиваясь с голубой краской, он давал фиолетовый, но и этот цвет получался слишком ординарным. Цветовая гамма включала в себя уже два цвета, но и в рамках этого спектра ей было тесно, она словно тосковала по Желтому путешественнику, который освободил бы ее и разнообразил палитру. Она сделала пометку автору, выразив мысль, что для полного понимания природы цвета детям

будет очень полезна встреча с Желтым путешественником. Возможно, будет неплохо поработать с этими цветами в китайском стиле.

Днем позвонил Лоренс. Он часто звонил без всякой причины, по надуманному поводу, что очаровывало Ирину.

– Привет, я звонил около десяти, но телефон был занят. Интересный был разговор?

– Ты, видимо, позвонил в тот момент, когда я собиралась поговорить с Бетси, но передумала и положила трубку.

Какие глупые фантазии. Она вполне могла честно признаться, что хотела позвонить Рэмси, поблагодарить за ужин, но в последнюю секунду поняла, что разбудила его, и не нашла ничего лучшего, чем бросить трубку, и Лоренс привычно укорил бы ее за неуклюжесть и несообразительность. Однако сейчас она сочла нужным не упоминать в разговоре имя Рэмси. Он стал для нее чем-то личным. То, что произошло между ними в день его рождения, принадлежит ей одной, и она не собирается делить с Лоренсом то, к чему он не имеет отношения.

– Как дела?

– Паршиво. Ничего не получается.

– Сделай перерыв! Вчера у тебя получилась потрясающая иллюстрация. Может, сегодня тебе стоит отдохнуть? Прогуляйся, сходи в библиотеку. Зайди в лавку на Роман-Роуд, помнишь, где ты отыскала чудесные индийские специи? Можешь покурить с Рэмси и посмеяться, посмотреть матч Стив Дэвис-Денис Тейлор 1985 года.

Ох, не стоило ей говорить Лоренсу о травке.

– Очень смешно.

– Я вовсе не шучу насчет матча. Ты обязательно должна его посмотреть – самый знаменитый матч в снукере. Я разве тебе не рассказывал?

Вполне возможно, но она, скорее всего, не слушала. Интересно, неужели со временем все пары становятся глухи к словам друг друга? Чувствуя желание Лоренса поведать историю матча, Ирина не могла – снова – не подыграть ему.

– Чемпионат мира проходил в Крусибле. Денис Тейлор – странноватый парень из Северной Ирландии, в дурацких очках с толстой оправой. Он тринадцать лет шел к единственной победе в турнире. Таким образом, считалось, что у Дениса до смешного мало шансов против Стива Дэвиса – Богом одаренного мастера. Ему предрекали победу всухую.

В самом начале Дэвис выиграл восемь – ноль, однако Тейлор смог сократить отставание – семь – девять, а в третьем фрейме уступил лишь два очка – тринадцать – одиннадцать. Все комментаторы сходились во мнении, что он не сдастся без боя. Как это мило и всякое такое. Тем не менее Дэвис выиграл следующие две партии на черном, а чуть позже вел уже семнадцать против пятнадцати. В конце концов напряжение в матче держалось не только до последнего фрейма, но и до последнего шара. Конечно, черного. Затем происходит невероятное: Тейлор проигрывает два шара, затем Дэвис тоже мажет, Тейлор бьет в дальнюю лузу, промахивается и садится в кресло для отдыха с таким лицом, словно только что умер его любимый пес. Дэвис упускает возможность, не справившись с довольно легким черным, Тейлор забивает его и побеждает. Зал Крусибла взрывается.

– История Тейлора и Голиафа. «Паровозик, который верил в себя».

– Да уж. Трансляция Би-би-си побилла все рекорды рейтингов. Ее смотрели восемнадцать миллионов человек – самая большая аудитория, когда-либо смотревшая любой из британских спортивных каналов. Рэмси часто вспоминает те времена. В 80-х игроки в снукер были не менее популярны, чем рок-звезды, публика их боготворила. Рэмси говорит, что сейчас матчи снукера стали скучными, поэтому и болельщиков меньше.

«Рэмси говорит». Лоренс широким жестом одолжил ей друга на один вечер, но намеревался его вернуть. Как и Денис Тейлор, она рисковала стать ценным трофеем без боя.

– Напротив, Рэмси говорит, что игроки в снукер нового поколения *слишком хороши* для таких болельщиков. Поэтому аудитория уменьшается.

– Это одно и то же. Рэмси всегда говорил, что *слишком хорошо* — это очень скучно.

Они оба имели в виду качества игрока в снукер, а вовсе не добродетель. Но, вешая трубку, Ирина все же продолжала придерживать своей точки зрения.

Похвальная концепция празднования Дня благодарения в Штатах по-прежнему существует. Но она не работает. Почти невозможно добиться искреннего благодарения в обществе в последний четверг ноября, как это должно быть. Один из поводов связан с сетованием на то, что грудка запеченной индейки подсыхает, тогда как ножки внутри остаются красными.

Тем не менее благодарность порой бывает внеплановой.

– Ирина Галина! – выкрикнул Лоренс в тот вечер, едва переступив порог.

Ирина вышла из студии.

– Лоренс Лоренсович! – В тот момент она испытывала благодарность.

Намазывая крекер арахисовым маслом, он рассказал ей, что ходят слухи о скорой приостановке ИРА вооруженной борьбы. Ирина никогда не понимала суть конфликта в Ольстере, не представляла, почему в наши дни необходимо бомбить британцев, но была рада, что Лоренс занимается делом, которое его увлекает, хотя ей оно совсем не кажется увлекательным. Она была благодарна, что он делился с ней всем, занимавшим его в течение дня, уважал ее мнение. Если бы она заинтересовалась, Лоренс подробно объяснил бы ей тонкости ситуации в Северной Ирландии во всех интересующих ее деталях. Но он также не обиделся, что сегодня она не стала об этом просить. Устроившись перед телевизором с включенным Четвертым каналом, она благодарила судьбу, что он не фермер, наблюдавший, как поголовье скота неумолимо сокращается. Ирина, как и большинство британцев, пресытилась сообщениями о коровьем бешенстве. Британские СМИ подошли к этому вопросу с большей серьезностью, чем их американские коллеги, – репортажи были глубокими и подробными, за это она им тоже была благодарна.

Занявшись перед ужином приготовлением традиционного попкорна, Ирина испытывала благодарность за другую процедуру, обеспечивающую вариации в пределах монотонности. Она выверила точную пропорцию масла и зерен, позволяющую увеличить степень раскрытия и минимизировать количество жира; а после длительного экспериментирования с попкорном разных производителей остановилась на «Дане ривер» как на наименее пересушенном. На полке в шкафу были собраны всевозможные специи – каджунские, креольские, мексиканские, – позволяющие каждый день в течение месяца придавать блюду разный вкус. Сегодня Ирина выбрала черный перец, пармезан и молотый чеснок – любимая комбинация, радующая ее до конца съеденной порцией и возможностью накормить человека одной лишь закуской.

Перемешивая и кончиками пальцев поднимая со дна миски сыр, Ирина думала о том, что, слава богу, они оба вполне здоровы, а ведь иногда отличная физическая форма может крыться в темных пустотах между недугами и маленькими вольностями.

Лоренс, ворчащий, что репортаж о коровьем бешенстве никогда не закончится, был явно жив. Ужин – курица в невероятно сложном индонезийском соусе – будет для него приятной неожиданностью.

Она все сделала правильно. Прежде всего, в их отношениях осталась ясность и чистота. Конечно, она умолчала о некоторых моментах, касающихся ее и Рэмси, сегодня днем она позволила себе скрыть карты, незаметно прижав к груди. Если субботним вечером в эту квартиру и проникли флюиды напряжения, то сейчас атмосфера в ней опять была спокойной. Конечно, наивно было полагать, что ни она, ни Лоренс ничего друг от друга не скрывают. Однако Лоренс не спустил тайно свои сбережения в ОТБ. Если он сказал, что ходил в обеденный перерыв в тренажерный зал, значит, там и был, и не в его привычке было каждое утро говорить, что отправляется на работу, будучи уволенным месяц назад. Да, Ирина стащила из спрятанной

пачки пару сигарет, но не кололась же она в то время, как Лоренс сидел за столом в «Блю скай», у нее не было привычки пить по утрам херес или зависимости от валиума. У Лоренса нет второй семьи, например в Риме, которую он навещал бы под предлогом отъезда в командировку в Сараево. В их дверь может позвонить по ошибке разносчик пиццы, но никак не угрюмый подросток, которого Лоренс отказался признать, много лет назад способствовав его рождению. Слушая вполуха новости, Ирина не ломала голову над тем, как сказать Лоренсу о том, что у ее эгоцентричной матери не осталось денег на содержание дома на Брайтон-Бич и на следующей неделе она перебирается в их гостевую спальню. А Лоренс спокойно смотрел на экран и не думал о том, как признаться Ирине в своих гомосексуальных наклонностях, которые скрывал многие годы. В субботу вечером Ирина не целовала другого мужчину.

Бывают годы, когда День благодарения выпадает и на июль.

4

В один из августовских дней, пребывая в раздраженном настроении, Ирина пролистывала иллюстрации к книге «Увидеть Красный мир» до пылающего огнем Красного путешественника и вырывала их из альбома. Не позволяя себе пересмотреть их, она рвала пополам и выбрасывала скучные синие рисунки в мусорное ведро. Только новым работам она сохранила жизнь. Только новые иллюстрации не тяготили ее: те, на которых высокая, вселяющая ужас фигура появлялась из незнакомого мира, поражая обилием диковинных красок от оттенка ночи до небесно-голубого. Как она могла девять дней работать над этими иллюстрациями, не создав красного? Ничего, она еще раз сотворит синий мир. Рисунок должен рассказать о тоске и лишениях, о боли эмоциональной и душевной, испытываемой людьми в Голубом царстве. Она убеждала себя, что поступила как настоящий профессионал, но собственная нервозность раздражала. Сколько еще рисунков, результатов ее кропотливого труда, могут оказаться в мусорной корзине, поскольку выполнены «буднично» и «без вдохновения»?

Между тем она добилась высочайшего мастерства предоставлять объяснения Лоренсу по поводу ее отсутствия во время его звонков, и постепенно он перестал их требовать. Когда в конце месяца Ирина едва не столкнулась с ним в дверях квартиры, никаких фраз «Пожалуйста, положите трубку и попробуйте снова» не услышала. Лоренс не хотел знать, была она дома или нет, как не хотел знать и о причине ее отсутствия.

Его общество стало для нее невыносимым.

Всегда казавшееся ей чрезмерным, увлечение Лоренса просмотром телевизионных передач превратилось в зависимость.

Вечер за вечером они в оцепенении сидели на своих местах, оба довольные существованием столь чудесного объекта, способствующего многочасовому нахождению в одной комнате без необходимости подыскивать оправдания кататоническому ступору и позволяющего их поведению казаться со стороны совершенно нормальным.

Дабы избежать нервного перенапряжения и череды программ, способных пробудить желание выключить телевизор, – например, полицейский сериал, «Мир садовода», «Домашний доктор», – Лоренс стал возвращаться с работы с видеокассетами.

Ирина с трудом следила за сюжетом принесенных им фильмов. Видения фантазмагорического воскресенья множилось в настоящем, заставляя столбенеть от ужаса и преуменьшая значение разворачивающихся на экране событий. И видения эти, в отличие от фантазий сценаристов, были реальны. Она не придумывала их, как баснописец, а сама находилась под их воздействием, как Алекс в фильме «Заводной апельсин». Она сомневалась, что смогла бы запретить им появляться, если бы даже захотела. Но она не хотела.

Поздний вечер. Стук в дверь. Они не ждали гостей. Ирина морщится от предположений, кто бы это мог быть и что этому человеку нужно. Она тяжело встает с кресла и медленно идет за Лоренсом в холл. На площадке стоит Рэмси Эктон, застывший, вытянувшийся в струнку. Он никогда не выходил из дома с кием в руке, предпочитая скрывать самое ценное в жизни от посторонних глаз, сейчас же упирается им в линолеум, как посохом. В черном одеянии он походит на одного из пророков из Ветхого Завета. Взгляд его серо-голубых глаз будоражит душу. Он смотрит не на стоящего перед ним Лоренса, а над его плечом прямо на Ирину. Отказ Рэмси признать присутствие ее партнера не оскорбителен. Подспудно – какова бы ни была причина его странного визита к ним в том городе, где люди нечасто заходят в гости без приглашения, – становится ясно, что он появился здесь не ради Лоренса. Ирина перехватывает взгляд Рэмси. Он кажется ей неуступчивым и твердым. Рэмси молчит. В словах нет необходимости. Это вызов. Стоит ли ей обращать на это внимание? Прохладный

воздух лондонского летнего вечера холодит кожу. Она снимает с вешалки в шкафу куртку. Проследив за взглядом Рэмси, Лоренс поворачивается к Ирине.

Он смущен и сбит с толку. С Рэмси они не виделись больше года. Лоренс растерян и не понимает, почему этот человек появился у их двери без предупреждения. Однако уже поздно требовать объяснений. Ей очень жаль, но все происходящее не касается Лоренса. Ирина берет сумку. Больше ей ничего не нужно. Вероятно, она никогда не вернется в эту милую квартиру. Молча пройдя мимо Лоренса, она останавливается рядом с Рэмси. Его холодная, сухая рука обвивает ее за талию. Наконец Рэмси поднимает глаза на Лоренса. В одном взгляде есть все. Все, из-за чего несколько недель она сидела, словно окаменевшая, рядом с Лоренсом, боясь случайно выболтать то, что он больше всего боялся услышать. Страх признания уже не будет преследовать ее. Он все знает. Пошатнулся, узнав так внезапно столь многое. Ему никто не поможет. Придется самому стараться привести мысли и чувства в порядок, понять, почему столь незначительная причина, как тост, привела к таким последствиям.

Рэмси легко подбрасывает кий и ловит, ухватив посередине. Кий мгновенно превращается из библейского атрибута в тросточку, с которой бил чечетку Фред Астер. Изящным движением Рэмси приглашает ее пройти вперед, и они спускаются по лестнице.

Остальные видения были еще более странными. В них не было исхода событий. Они просто существовали.

Рэмси и Лоренс сидят за обеденным столом в их квартире в Боро. Тем самым столом, за которым они с Лоренсом вынесли в прошлом году несколько резолюций – Лоренс вынес, – в том числе и о том, что, хотя их четверка и распалась с разводом Джуд и ее мужа, Рэмси по-прежнему остается их другом. И самое главное: только благодаря настойчивости Лоренса Рэмси не был исключен из круга их друзей. Ирина не стала бы дорожить этим знакомством. Она словно предвидела, что ведет себя к искушению, что у нее появится желание погрузиться в водоворот неосознанного желания и позволить себе плыть по течению. Лоренс будто бы знал, что делает подарок Ирине, уподобившись сутенеру собственной эрзац-жены.

Жены. Слово, выплывшее из центра миража, похожее на букет посередине стола. Лоренс и Рэмси сидят друг напротив друга в боевой готовности. В фантазии у дверей присутствие Лоренса казалось неуместным. В этом же случае напротив. Она сама стоит поодаль в коридоре. Разговору предстоит быть исключительно мужским. Впрочем, сцена разыгрывается во вполне цивилизованном интерьере – Викторианской эпохи обеденный стол, шторы ручной работы, – но создается впечатление, что все происходит на Диком Западе. На столе вполне можно представить брошенную перчатку и пару пистолетов.

Лоренс исполнен терпения. Что бы то ни было, он готов услышать это от Рэмси. Выражение лица Рэмси открытое.

– Я влюблен в твою жену, – без предисловий признается он.

Одна строка, таково видение. В ней нет ни вопроса, ни решения. Констатация затруднительного положения. На этом действие прекращается, не предоставляя развития событий. Если предположить дальнейшую конфронтацию, Лоренс мог бы сказать:

– Вот не повезло.

– Кому? – коротко спросил бы Рэмси.

Поскольку все происходящее имеет отношение только к ней, она одна, Ирина, имеет право решать, каким будет дальнейшее развитие сюжета.

Второе видение было весьма банальным, и это должно было смутить ее. Однако не смутило. Все казалось ей чрезвычайно интересным. «Я влюблен в вашу жену». Ирина не жена

Лоренса. Слово возникло в ее подсознании лишь потому, что выражало верное положение вещей. Что бы ни гласил закон, она была ему женой.

В течение дня она была способна сосредоточиться лишь на собственных страданиях, но смогла заметить, что драмы и триллеры, которыми Лоренс истязал их домашнюю приставку, были схожи по теме. Герои оказывались в сложной жизненной ситуации или стремились проверить силу своего характера огнем. Однако мало кто из зрителей сталкивался с подобными кинематографическими проблемами в реальной жизни. Большинство людей не участвуют в правительственных заговорах, сумев избежать при этом гибели. Большинство людей не защищают своей грудью президента. Вторая мировая война окончена, и простой матери не приходится выбирать, кому из двоих детей постараться сохранить жизнь в концентрационном лагере.

Однако существует область, в которой каждый рано или поздно получает главную роль – героя, героини или злодея. Действо в этой области сводится к ожесточенному испытанию характера, схожему с искушением продать ядерные секреты страны Пекину. В отличие от незначительных последствий, с которыми сталкивается каждый рядовой гражданин в других сферах жизни – скажем, подача налоговой декларации, – ставка в этой области неизмеримо выше. В какой-то момент вы понимаете, что держите в своих руках сердце другого человека. На планете нет сферы большей ответственности. И вы боретесь за этот хрупкий орган, способный биться сильнее или медленнее по вашему желанию.

Ирине нравилось думать о себе как о порядочном человеке. И в свете размышлений об этих областях собственное поведение казалось все более постыдным. Предпочитая считать его «несвойственным ее характеру», все же не могла с полной уверенностью утверждать, что она не тот человек, который позволяет делать то, что в результате делает. Таким образом, проведенный с Рэмси день являлся «свойственным ее характеру». Если уж на то пошло, за исключением случаев заражения таким заболеванием мозга, как болезнь Крейцфельда–Якоба, поступки человека всегда характерны для него. Видение самого себя, по обыкновению, неточное (как правило, более оптимистическое) и отличается от того, что есть на самом деле. И следовательно, Ирина была не «порядочным человеком», а двуличным, предательницей, не способной на верность, чьи слова, высказанные или подразумеваемые, не значили ничего, человеком, одержимым осквернением всего самого лучшего в жизни и в себе.

Тем не менее каждый раз, когда глаза ее находили лицо Рэмси, обладавшее удивительной способностью менять возраст в зависимости от освещения, ее согревало нежное чувство, похожее на мягкий шоколад. За пять минут его лицо могло пройти путь от бесшабашного подростка до обремененного житейскими тяготами мужчины среднего возраста, и в конце на нем появлялся намек на выражение старческой фатальности. На ее глазах этот человек проделывал путь от колыбели до могилы. Когда он дотрагивался до нее – ему не надо было касаться голой груди или проникать под юбку, достаточно контакта пальцев или прижатого к виску лба, – на нее словно сходило откровение, способное порадовать физиков, считающих, что они уже доказали эфемерную теорию о возникновении всего сущего. В такие моменты невозможно было назвать эти чувства греховными. В объятиях Рэмси ее влечение к этому выдающемуся игроку в снукер (кроме всего прочего) не только казалось «добропорядочным», но и заставляло чувствовать себя «добропорядочной», Ирину влекло ко всему добропорядочному, вносило смысл в существование, отказ от которого был бы предосудительным и несвойственным человеку. Только возвращаясь в свою квартиру в Боро и сталкиваясь с человеком, щедро ее одаривавшим и не заслужившим за свою преданность холодности и коварства, она ощущала себя нечистой.

Утром 31 августа Ирина, как всегда, оправилась в киоск за «Санди телеграф», по дороге укоряя себя за то, что приписывает внутреннюю подавленность окружающим, отчего все ее собратья-пешеходы выглядели пораженными горем или болезнью. Она даже позволила себе легкое раздражение по поводу необходимости вливаться в ряды унылых людей, проходящих

мимо по тротуару, словно в наркотическом дурмане. Удивляло то, что в очереди в газетный киоск покупатели переговаривались друг с другом, словно в один день все решили нарушить неписанные правила этого города.

Заголовки показались ей неубедительными, большую часть первой полосы занимали фотографии.

Сдвинув брови, Ирина поспешила обратно и в подъезде дома увидела девушку из квартиры на первом этаже, сидящую на лестнице опустив голову на сложенные на коленях руки. Ирина не знала ее имени, но еще не настолько прониклась равнодушием, ставшим почти этикетом городской жизни, не очерствела окончательно от погруженности в себя, чтобы пройти мимо, не обращая внимания на разрывающие душу рыдания.

Ирина положила руку на плечо девушки:

– Что-то случилось? Вам не нужна помощь?

Похоже, в этот день даже лондонский протокол решил измениться, словно на то было указание Вестминстера, но девушка не ответила привычным: «Спасибо, все в порядке». Слова хлынули ПОТОКОМ:

– Мой парень ничего не понимает! Он зол на меня! Он говорит, что так я не плакала, даже когда умерла его мать. Но я просто не могу поверить! Я раздавлена! Мне так плохо!

Ирина смущенно развернула газету, которую сложила пополам не от неуважения, а лишь для удобства.

– Извините, – смущенно пробормотала Ирина, – я недавно проснулась и газету вот только...

Девушка смогла только кивнуть:

– Оба. Они оба.

Событие не равное по значимости распаду Советского Союза, но Британии оно ближе.

– Невероятно. – Закрыв дверь, она прижала газету к груди. – Диана!

– Что там с ней?

Ирина знала, что Лоренс готов к язвительным нападкам.

– *«О!»* – наигранно вскрикнул он, чуть наклоняя голову и прикрывая глаза. – *Я была бы рада помочь обездоленным, но только что съела пять упаковок зефира, и меня тошнит! Пока я буду засовывать пальцы в рот, не могли бы вы объяснить тем милым людям, что у меня нет целлюлита на бедрах! Я просто сидела на синелевом покрывале. Потом я могу рассказать историю о том, как Чарльз сказал: «А что такое любовь?» С таким количеством платьев, надетых лишь однажды, просто необходимо, чтобы народ испытывал ко мне жалость!»*

– Ты закончил?

– Нет, только начал!

– Она умерла, – отчетливо произнесла Ирина.

– Да ладно...

– Она и Доди аль-Файед были засняты фотоаппаратами в момент аварии в тоннеле. – Ирина торжествовала. Не часто она видела Лоренса с открытым от удивления ртом. Единственное, что он смог произнести, было: «Ого! Ничего себе».

Пошатываясь, он удалился, оставив ее переполненной чувством удовлетворения.

– Возможно, в следующий раз, когда станешь язвить в чей-то адрес, подумай, как будешь чувствовать себя, когда узнаешь, что человека не стало.

Вместе со всей нацией следующую неделю Ирина переживала кончину «народной принцессы», как личную трагедию. Образно говоря, жизнь Дианы, изменяясь, переходила от жанра к жанру. Как некогда романтические отношения Ирины и Лоренса Трейнера, сказка вскоре стала походять на «мыльную оперу», затем и вовсе превратилась в трагедию.

– Ты сказала, что хочешь поговорить со мной. Только, умоляю тебя, не об очередной девушке, убивающейся по принцессе Ди. – Бокал с мерло глухо стукнул о стол рядом с бутылкой вина «Зинфандель», которое пила Ирина. – Не хотелось бы думать, что я проделала такой путь ради болтовни об этом скандале.

Некоторых приятно будоражит мысль о необходимости хранить секреты, но Ирину она сжигала; к сентябрю ей казалось, что она вот-вот взорвется. За отсутствием психотерапевта, лучшим вариантом представлялась немногословная Бетси Филпот. Они договорились встретиться в «Бест оф Индия» – ресторанчике на Роман-Роуд. Бетси и Лео жили на западе, в Илинге, и Бетси отказалась тащить через весь Лондон, тогда как поблизости расположены пять индийских ресторанов. Ирина настояла на «Бест оф Индия», поскольку здесь подавали отличную еду по разумным ценам; из-за отсутствия лицензии в заведении не предлагали алкоголь, но и не взымали штраф с приносящих выпивку с собой. Исполнительный директор «Универсал» – недавно приобретенной «Сигрем», – Лео смирился с сокращением жалованья ради сохранения места в компании, поэтому Бетси, довольная возможностью сэкономить несколько фунтов на вине, с радостью приняла предложение Ирины. Кроме того, как и большинство приятных в общении людей, Бетси обожала посплетничать и встретила бы с Ириной и в Сибири, если бы было «о чем поболтать».

С обычной услужливостью индийских официантов, ставшей легким покрывалом для презрения, молодой мужчина поставил на стол поппадум и поднос с разнообразными закусками. Ирина мысленно напомнила себе, что стоит избегать сырого лука.

– Ну, выкладывай, – начала Бетси. – Жизнь коротка, а сегодняшний вечер еще короче.

Ирина колебалась. Опасно открывать душу человеку, симпатизирующему Лоренсу. Но если она все же хочет поведать миру свою историю, то предстоит отказаться от собственнического к ней отношения. Посвящая людей в свои проблемы, приходится допускать возможность возникновения у них не вполне благодушного мнения о ситуации. Как только она откроет рот, ее проступки станут достоянием общественности. Каждый шаг назад оставит за собой смердящий след.

– Ты не одобришь, – произнесла Ирина.

– Я же не судья.

– Ты можешь посмотреть на это с точки зрения моралиста.

Бетси много лет была редактором Ирины, и в их отношениях оставалась тень иерархического превосходства. При этом Бетси никогда не оглядывалась со страхом на мнение Ирины.

– Прости, но я не думала, что мы собираемся критиковать мой характер.

– Не собираемся. – Ирина сделала глоток вина. – Извини. Мне не следовало сразу переходить к обороне, не дав тебе высказаться.

– Полагаю, ты не тот человек, что говорит о себе гадости.

– Ты права – именно гадости. – Еще глоток. – В июле... со мной кое-что произошло...

– Ирина, если пришла на занятия в тренажерный зал, не надо постоянно ходить пить воду и перевязывать шнурки. Лучше сразу приступить к серии упражнений. Отсрочка не облегчит задачу.

Отщипывая кусочки поппадума, Ирина старалась не смотреть Бетси в глаза.

– Я встретила мужчину. Впрочем, мы общались много лет, но *по-настоящему* познакомились только тем вечером. – «Как ни построй фразу, – подумала она, – все равно прозвучит глупо». – Кажется, я в него влюбилась.

– А мне казалось, ты *была* влюблена, – сурово заявила Бетси. Ее собственный брак напоминал скорее взаимовыгодное сотрудничество, и подруга всегда относилась к более теплым партнерским отношениям Ирины и Лоренса с легкой завистью.

– Была, – уныло призналась Ирина. – Но в данный момент я не испытываю к Лоренсу ничего, кроме жалости и сочувствия. Я кажусь тебе чудовищем?

– С тех пор ты начала курить? – Бетси была из породы настоящих янки. С таким же успехом Ирина могла вытащить не только пачку «Голуза», но и пакетик белого порошка, ложку и шприц.

– Очень редко. – Ирина старалась не выдыхать дым в сторону Бетси, но он невольно попадал на нее. – Не говори Лоренсу. Он придет в ярость.

– Уверена, он и так все знает.

– Я пользуюсь мятным освежителем, хотя да, пожалуй.

– Он *определенно* знает о сигаретах, но, думаю, проблема гораздо серьезнее. Готова поспорить, он знает о твоём романе.

Ирина подняла на подругу напряженный взгляд:

– Нет.

Бетси скептически скривилась:

– У тебя платоническая страсть? Посещаешь музей и приходишь в экстаз от картины?

– Я никогда не понимала, что на самом деле означает слово «платоническая». Мы... нет, влечение вполне физическое. Но мы еще не... не перешли черту. Мне казалось это важным. – Она вовсе не была уверена в том, что это важно. В сдержанности таится определенный эротизм, соединение после нескольких недель отсрочки надделено особенной сладостью. Если считать это верностью, то что же тогда предательство?

– Интимная жизнь с Лоренсом настолько плоха? Он уже не боец?

– Плоха? С Лоренсом никогда не было плохо. Мы занимались сексом три-четыре раза в неделю, но он стал... пресным.

– *Три-четыре раза в неделю?* И ты жалуешься? Мы с Лео трахаемся не чаще, чем переворачиваем матрас с летней стороны на зимнюю.

– Я никогда не представляла, что творится у него в голове.

– Почему же ты не спросишь?

– Боюсь, он поинтересуется, что происходит в моей.

– И что?

Заметив подошедшего официанта, Ирина покраснела. Азиаты наверняка уверены, что порочные западные женщины всегда ведут такие беседы, поглощая поппадум.

– Я постоянно думаю о другом мужчине, – пролепетала Ирина, когда официант принял заказ и удалился. – Сначала это было способом отвлечься на время, теперь превратилось в привычку. Он вытеснил все остальные мысли. Я не могу закончить работу.

– А кто он? Чем занимается?

– Если я отвечу, ты сразу поймешь, о ком я говорю.

– Ты предполагаешь справиться с ягненком «корма», курицей «виндалу» с гарниром из шпината и нута и утаить от меня имя этого парня?

Ирина подцепила немного чатни.

– Ты сочтешь меня дурой.

– Не уходи от сути. Или ты сама себя такой считаешь?

– Я еще не сошла с ума. На первый взгляд у иллюстратора детских книг и сотрудника «мозгового центра» тоже мало общего.

– Этот парень садовник или рабочий?

– Лучше бы так и было, но у него полно денег.

– Слушай, я не собираюсь играть в «Двадцать вопросов».

Ирина покачала головой:

– Если бы нас увидели в обществе, Джуд заявила бы, что мы крутили роман за ее спиной, когда они еще были женаты.

– *Рэмси Эктон?* – Елаза Бетси округлились. – Ну что ж, он симпатичный.

– Раньше я так не считала; возможно, лишь неосознанно.

– Вся страна еще с 70-х знает, что твой парень очень привлекательный мужчина.

Принесли их заказ. Ирина взяла по кусочку с каждого блюда, и на тарелке образовались лужицы красного масла.

– Ты заметила, что похудела? – В словах послышалась обида. Бетси была из тех женщин, которых называют «ширококостными», правда, она была красива, но Ирина никогда не знала, как сказать ей об этом. – Тебе идет, вся светишься, честно, только не переусердствуй. Еще немного – и будешь походить на голодающую нищенку.

– Я не на диете, просто не могу есть.

– Ты на *любовной* диете. Минус десять фунтов гарантированы. Не переживай, когда все закончится, они вернутся.

– Кто сказал, что это закончится?

– Ирина, не выпадай из реальности. Ты же не намерена сбежать с Рэмси Эктоном? Джуд уже совершила эту ошибку; учись на ее опыте. Не теряй голову. Если ты рассказала мне правду, надо скорее покончить с этим и переспать с ним. И не стоит придавать этому слишком много значения, ведь секс всего лишь секс. Все мужчины в большей степени похожи. И поспеши привести в порядок отношения с Лоренсом. Тебе выбирать, говорить ему и нарываться на большой скандал или скрыть. Рэмси в любом случае не долгосрочный проект.

– Почему?

– Прежде всего, ты сама сказала, из-за денег. Конечно, он отлично зарабатывал, но, если верить Джуд, слишком легко, а потому денег осталось немного. Она была удивлена, как мало ей удалось получить при разводе.

– Она получила дом в Испании!

– И осталась без миллионов. Не знаю, как много ты знаешь о снукере, но мальчики, которые выделывают руками такие штуки, очень удачливы. Спросишь, почему так мало осталось? Я не только о финансах, но и о темпераменте. Ты можешь пройти всю Роман-Роуд и отыскать ресторан, куда можно прийти со своим вином? Можешь, потому что ты бережливая. А Рэмси нет. И так во всем.

– Эта встреча пошла мне на пользу, надо уметь делать широкие жесты. Появление Рэмси в жизни многое изменило.

– Ты никогда не интересовалась у Джуд, что значит жить с игроком в снукер?

– Зачем? – с робким вызовом спросила Ирина. – Она и так постоянно ныла. Джуд это обожала. Вечно жаловалась. Они совсем не подходили друг другу.

– А вы подходите? Пойдешь с ними одной дорогой, будешь торчать в гостиничных номерах и пить чай из автоматов. Уверена, что ему это понравится. Эти ребята любят играть не только у бильярдного стола. И ты будешь оставаться соломенной вдовой на сезон, будешь сидеть в четырех стенах и думать о том, сколько он выпил, что сейчас делает и кто сидит рядом с ним в баре.

– Клише.

– Но они ведь не возникают сами собой.

– Рэмси не такой.

– Знакомая фраза.

Ирина молча поковырялась в шпинате и, взяв бокал, сделала вызывающе большой глоток вина. Официант принялся откупоривать вторую бутылку, и она отчетливо почувствовала его неодобрение.

Однако Бетси еще не высказалась до конца.

– Если ты собралась строить планы на будущее, давай начистоту. Рэмси сколько? Пятьдесят?

– Сорок семь.

– Хм... огромная разница. В снукере сорок семь как девяносто пять в обычной жизни.

– Рэмси говорил, что, когда только начал выступать, большинство игроков входили в лучшую форму к сорока.

– Времена изменились. Всем суперзвездам сейчас двадцать. Эпоха Рэмси уходит. Не стоит полагаться на то, что у него многое впереди. Может, дело в остроте зрения или ловкости рук, но ему никогда не вернуться на прежнюю высоту. Он и раньше не выигрывал чемпионаты мира, а сейчас это сделать еще сложнее. Проблема в том, что ты можешь заполучить этого парня в последнем акте, и он не самый веселый. В ближайшее время ему придется уйти в отставку, если он не хочет поставить себя в глупое положение. Пенсионеры не бывают прекрасными. Я представляю себе их жизнь как череду порций коньяка, еды и сиесты.

– Они почти всегда играют в гольф.

– Отлично. – Бетси положила на тарелку очередную ложку мяса и покосилась на Ирину, подливавшую себе вина. – Послушай, я понимаю, тебе непросто, но посмотри на вещи с практической стороны. Джуд говорила, он неврастеник.

– Пустая болтовня.

– Я просто хочу открыть тебе глаза. Она говорила, он ипохондрик. Он суеверный и обидчивый, особенно если дело касается его игры. Снукер, снукер и снукер. Тебе придется его полюбить.

– Я и так его люблю. Все больше и больше.

– «Все больше и больше» означает, что тебе раньше было наплевать на этот снукер. И у меня такое чувство, что увлечение вовсе не игрой привело тебя к этой любви.

– Хорошо. Я признаю – нет. – Ирина никогда не пыталась выразить чувства словами и подсознательно была убеждена, что любая попытка будет выглядеть унижительно. Тем не менее она продолжала: – Каждый раз, когда он ко мне прикасается, я готова умереть. Я готова умереть в любой из этих моментов и покинуть землю в состоянии блаженства. Мы подходим друг другу. В каких бы позах мы ни сидели рядом, нам всегда комфортно. Запах его кожи заставляет сердце трепетать. Правда, аромат его тела как наркотик – немного сладкий и одновременно мускусный. Похож на один из тех сложных соусов в высокосекс-ресторане, с насыщенным, но и удивительно тонким вкусом, составляющие которого так и остаются загадкой. А его поцелуи – мне стыдно признаваться, но от них хочется плакать.

– Дорогая, – произнесла Бетси с хорошо видимым равнодушием, словно предмет разговора казался ей абсолютно пустым. – Это называется «секс».

– Какое уничижительное определение! Я говорю о большем, это чувство заполняет всю меня.

– Это далеко *не все*, хотя порой кажется, что пьянеешь от чувств. В конце концов дым рассеется, и что же? Этот парень дни напролет будет загонять красные в лузу, а ты смотреть и недоумевать, почему ты здесь.

– Полагаешь, все скоро закончится?

– Разумеется, закончится! – фыркнула Бетси. – Разве у вас с Лоренсом ничего подобного не было?

– Нечто похожее. Наверное. Не так экстремально... Я не знаю. Уже трудно вспомнить.

– Просто это не очень *удобно* вспоминать. Разве у вас не было хоть пары месяцев жаркой страсти? Иначе ведь вы не стали бы жить вместе.

– Да, наверное. Но это было совсем по-другому.

– Тебе сейчас кажется, что было по-другому, потому что новые чувства захватили тебя с головой. Ты не должна вырываться за рамки и хорошо о них помнить, чтобы отношения не закончились так, как с Лоренсом. Я уверена, разницы нет никакой.

– Хочешь сказать, что все мы идем по одному кругу? Вначале мы легкомысленны и влюблены, потом огонь гаснет, и костер превращается в кучку угольков. И в скором времени три раза в неделю у меня будет механический, безликий секс с Рэмси вместо Лоренса.

– Если повезет.

– Я отказываюсь это признавать.

– Тогда убедишься на горьком опыте, милая. – Взгляд Бетси стал острым, когда она заметила, что Ирина тайком поглядывает на часы. – Как бы ты ни поступила, я всегда буду на твоей стороне, потому что мы подруги. Обещаю, что никогда не повторю это снова, но, если не скажу сейчас, потом буду себя винить. Может, Лоренс и не дар Божий для женщины, но – только не смейся – он *хороший семьянин*. Он надежный человек, и не сомневаюсь, что любит тебя, как не будет любить никто другой, хотя не всегда умеет это выразить. Он из тех людей, с которыми не страшны землетрясения, наводнения и воров. Он, как торт, покрыт сладкой глазурью, под которой скрывается язвительный, ни к чему не испытывающий уважения сукин сын, но он мне нравится. Я не утверждаю, что девушки не должны делать то, что хотят. Расставание разобьет ему сердце, но это не означает, что ты обязана себя перебороть. Впрочем, я уверена, ты будешь скучать по Лоренсу.

– Или мне придется скучать по Рэмси.

– Не сомневаюсь, если ты немедленно прекратишь эти отношения, будешь ощущать себя так, словно тебе отрубили руку. Но она потом отрастет. Сколько лет вы прожили с Лоренсом, десять?

– Почти. – Ирина смотрела на Бетси отсутствующим взглядом.

– Это как банковский счет, проценты неуклонно растут. А ты очень экономная. Не стоит впадать в расточительство. На отложенные деньги можно купить модный гаджет, но он рано или поздно сломается и будет, совершенно ненужный, стоять на столе вместо пресс-папье.

Ирина уже не обращала на ее слова внимания и просила счет. Так бывает, когда люди дают тебе ненужный совет: голос звучит тихо, словно отстраненно, напоминая радио, которое никто в комнате не замечает. Бетси сложила руки на груди.

– Рэмси ведь живет в паре кварталов отсюда?

– Да, хотя какое это имеет значение. – Ирина достала из клатча кошелек.

– И еще вопрос. – Бетси сурово посмотрела на нее. – Ты не идешь со мной к метро?

– Я возьму такси.

– Отлично. Можем поехать вместе.

– Боро тебе не по дороге.

– Ничего, я прокачусь.

– Прекрати! Да, если так хочешь знать. Вечерами нам не удастся видаться. Я ненадолго.

– Скажи, ты действительно хотела со мной встретиться или я лишь прикрытие?

– Да, *действительно* хотела. Ты не поняла? Просто одним выстрелом можно убить двух зайцев.

– Значит, ты заставила меня тащиться через весь город в Вест-Энд...

– Прости меня. У меня с этим местом связаны теплые воспоминания. Мы... те, кто здесь работает, ничего не знают о снукере, поэтому тут его никто не узнает. И еда мне очень нравится.

– Любопытно. Ты же ничего не ела.

– Я говорила, нет аппетита.

– Что мне сказать Лоренсу, если он спросит, когда мы расстались?

– Он не спросит. – Это была правда, от осознания которой стало грустно.

Ирина хотела заплатить сама, но Бетси не позволила, вероятно восприняв жест как желание откупиться. Счет они оплатили пополам и, пока шли по Роман-Роуд, не сказали друг другу ни слова.

На Гроув-Роуд, где Бетси нужно было свернуть налево, а Ирине направо, Бетси повернулась к подруге:

– Мне не нравится, когда мной пользуются, Ирина.

– Прости, – пролепетала она, борясь со слезами. – Этого больше не повторится. Обещаю.

- Тебе надо поговорить с Лоренсом.
- Знаю. Но последнее время у нас не получается разговаривать.
- Почему бы это?
- Он пурист в вопросах верности. Если бы он понял, что меня привлекает другой мужчина, захлопнул бы дверь перед самым моим носом. И я бы разрушила его дружбу с Рэмси. Не думаю, что стоит начинать разговор, не будучи уверенной, как хочу поступить.
- Лоренс хороший человек, Ирина. Таких мало. *Обязательно все обдумай.*

– Ты задыхаешься!
– Бежала. У меня мало времени.
– Входи, лапочка, не то заболеешь. Твои руки!
Они вошли в холл, прижавшись бедрами, как сцепленные вагоны. Толкнув спиной дверь, Рэмси сжал ее пальцы.

Это был мучивший ее неприятный недуг: болезнь Рейно, вызывающая спазм сосудов конечностей даже при умеренно прохладной температуре. С наступлением сентября проблема вернулась. Когда ей поставили диагноз, Лоренс предложил работать в студии в перчатках.

Хороший совет. Она рассказала Рэмси о болезни на прошлой неделе в «Бест оф Индия». Он непроизвольно потянулся к ее мертвенно-холодным ладоням и держал в своих до тех пор, пока они не стали походить на руки живой женщины.

Незначительные различия, так сказать. Лоренс придумал техническое решение, Рэмси тактильное. Для Ирины их отношение было полярно, как день и ночь. О, она редко жаловалась. Не велика беда, что у нее всегда ледяные руки, – бывают проблемы и похуже. Лоренс даже купил ей перчатки с обрезанными пальцами, которые мало, но помогали. Порой зимой руки замерзали настолько, что буквально деревенели, и ей приходилось стучать ногой в дверь, не имея возможности повернуть ключ в замке. Тем не менее Лоренс часто массировал ей пальцы, пока они не согреются. Он был внимательным человеком, всегда интересовался ее делами в издательстве, но не настолько, чтобы купить ей без повода небольшой подарок. Но Ирина ждала от Лоренса не профессиональной поддержки или ненужной безделушки, а прежде всего протянутой руки, на которую всегда можно опереться.

- Бренди?
- Нет, не стоит, – ответила она, принимая бокал. – Я была на ужине, и мы выпили бутылку вина, словно сельтерскую воду.

Как обычно, Рэмси провел ее в подвал и усадил на кожаный диван напротив освещенного бильярдного стола. Зеленое сукно сияло, напоминая летние бескрайние луга, на которых так приятно устроить пикник.

- У меня ужасное состояние, – произнесла Ирина. – Я рассказала о нас Бетси.
- Не следовало ей говорить.
- Мне необходимо с кем-то поделиться.
- *Не следовало ей говорить.*
- Бетси не болтушка!
- Никто не в состоянии хранить чужие секреты, как свои собственные, – большинство их и не хранят. Даже ты, например, сегодня не смогла. – Тон его был язвительным.
- Я же не могу обсудить это с Лоренсом. Ты необъективен. Я с ума сошла бы, если бы никому не рассказала.
- Но все происходящее между нами касается только нас. Ты втаптываешь то, что мы создали, в грязь. Секретарши будут хихикать, обсуждая нас за чашкой кофе. К чему это желание все запятнать.
- Все равно это произойдет.
- Не по моей вине.

– По моей?

– Да, – кивнул Рэмси, к ее огромному удивлению. – Ты должна принять решение. Я готов к продолжению, даже вопреки здравому смыслу, если бы ни одно обстоятельство. Ирина, любовь моя, ты превратила мой снукер в молочный коктейль.

Ирина едва не сорвалась: «*И что?*» – но нашла лучший вариант:

– И что же я сделала с твоим снукером?

– Ты мешаешь мне сконцентрироваться. Я выстраиваю комбинацию, голова занята работой, и в этот момент обязательно звонишь ты. И вместо того, чтобы пройти вдоль борта и заблокировать коричневый, биток летит прямо в середину и забивает самый легкий красный в противоположную лузу.

– Ах, как жаль, что тебе приходится прерывать игру, в то время как я вынуждена в ответ за все добро платить самому лучшему человеку на земле предательством и двуличием!

Рэмси убрал руку с ее плеча.

– Самому лучшему?

– Одному из лучших, – взволнованно парировала Ирина. – У нас же не соревнования.

– Ерунда. Именно соревнования. Наивность тебе не к лицу, голубушка.

– Ненавижу, когда ты так меня называешь. – Пусть Рэмси употребил анахронизм (никто в Британии за пределами Вест-Сайда не использует выражения, больше подходящие герою фильма «Моя прекрасная леди»), но слово ласкало слух нежностью. Впрочем, Ирина предпочитала оставаться «лапочкой». Эпитет тоже казался весьма эксцентричным, но одновременно звучал нежно и мило. Кроме того, она не слышала, чтобы он называл так кого-то помимо нее.

– У меня мало времени. Не будем тратить его на споры!

Рэмси отодвинулся на другой конец дивана.

– Я сказал тебе с самого начала, что не хочу ввязываться в дерьмо. Мы скрываемся уже почти три месяца, и это ровно на три месяца больше, чем я готов трахаться с женщиной приятеля за его спиной.

– Но мы же не...

– Могли бы. Моя рука погрузилась в твою Фанни почти по локоть. – В Британии под словом «Фанни» подразумевается то место, к которому не принято прикасаться прилюдно. – Расскажи об этом ботанику и подчеркни, что это был не мой член, если сей факт имеет для него значение. Пятьдесят против одного, что он наплюет на то, что это было, и врежет мне. А если он застучает нас? Я вовсе не пай-мальчик, да и ты тоже.

Ирина опустила глаза:

– Не стоит так стараться устыдить меня. Я и без того отвратительно себя чувствую, если ты этого добиваешься.

– Но я *не пытаюсь* заставить тебя почувствовать себя дерьмом, разве не так? Я сам не хочу чувствовать себя дерьмом. Я не хочу думать о том, что ты уйдешь отсюда и ляжешь в постель с другим мужиком. Я не хочу, и я не буду.

Ирина расплакалась. Рэмси категоричным жестом выразил свое недовольство.

– Будь я женщиной, я бы выбирал правильных партнеров. Может быть, позволил бы в некоторой степени женатому парню проводить со мной время днем. Но я сам парень, простой парень из народа, поэтому могу залезть в трусики, заплатив лишь за шардоне. Так думают мужчины на улице, но не я, милая. Я считаю себя правильным партнером. Ты прокрадываешься сюда и трешься о мои брюки, как кошка, которая трется о дверной косяк, потому что у нее зудит, а потом трам-тарам – посмотрите на время! Ты сматываешься, а я остаюсь с этим косяком. Я ничего не имею против онанизма, но все хорошо в свое время.

– Ты не должен так о нас говорить, – всхлипнула Ирина. – Хотя бы обо мне. Это отвратительно.

– Мы сами виноваты в том, что это отвратительно! Черт тебя возьми, женщина! – Кулак Рэмси впечатался в ладонь другой руки. – *Я хочу тебя трахнуть!*

Даже сидя на другом конце дивана, Ирина сжалась от мучительного ощущения, что этот человек способен властвовать над ней, потянув за веревочку, прицепленную между ног, как у игрушки на колесиках. Его высказывания о ее гордости вызвали обиду. Однако влечение, вспыхивающее между ними, будоражило и казалось волнующим, особенно на фоне сдержанных и предсказуемых отношений с Лоренсом. Она не могла отказаться от участия; невозможно было противостоять той сексуальной одержимости, что захватывала ее день за днем. Влечение к нему было постоянным, и даже удаление на несколько футов казалось невыносимым.

– Я тоже хочу, – пробормотала Ирина.

– Ты обращаешься со мной как с мальчиком по вызову! Все это слишком затянулось. Ты достала меня, достала себя. Если ты права и Лоренс ничего не подозревает, еще не поздно вернуться домой и сидеть там с ним до конца жизни. Или прыгай ко мне в кровать и будь со мной. Учти, ты не сможешь угодить одновременно и мне, и ему. Мне все это надоело. Я схожу с ума. Пока я ждал тебя сегодня, не смог правильно сыграть ни одного цветного, хотя делал это даже в семь лет, когда дотягивался до стола, только стоя на деревянном ящике.

– Тебе три месяца кажутся вечностью, но я прожила с Лоренсом почти десять лет. Я должна быть уверена в себе. Пути назад у меня не будет.

– Пути назад нет никогда! Снукер хорошо учит тому, что результат удара не изменишь. У меня нет времени слушать идиотов, восклицающих: «Ох, если бы я так сильно не закрутил удар по синему...» Вы либо точно забиваете синий, либо нет. Это определяет, будет следующим красный или нет. Такова жизнь. Делаешь все, что можешь, чтобы удар был точным, а потом уже рассматриваешь последствия. И о тебе. Перед тобой шары. Надо решить, бьешь розовый или черный, и точка.

– Розовый – это Лоренс? Не думаю, что ему понравится цвет.

Рэмси не отреагировал на ее желание разрядить обстановку.

– Извини, – она нервно улыбнулась, – просто «Бешеные псы» – один из моих любимых фильмов. Там как раз есть момент, когда Стив Бушеми ноет, потому что не хочет быть мистером Розовым. Ладно, это не важно.

– В следующем месяце начинается Еран-при, – спокойно продолжал Рэмси. – Мне надо готовиться к турниру, а для этого я должен иметь возможность сосредоточиться. Я бы предпочел пригласить тебя поехать со мной в Борнмут. Впрочем, идея неосуществима.

– Ох, я бы с удовольствием...

– Хоть я и не стал чемпионом мира, – продолжал Рэмси, не обращая на ее слова внимания, – но участвовал в шести финалах и стал кавалером ордена Британской империи. Королева вручала его лично. Для отстойных это, разумеется, ничего не значит, – он успел научить ее нескольким сленговым словечкам, какими обычно кокни называют янки, – но для меня значит многое. Я не позволю себе быть игрушкой для дамочки, которой стало скучно с другим парнем, и она решила пошалить. Я не играю договорные матчи. За всю жизнь я не сыграл ни одного фрейма, зная заранее, что победа достанется другому.

Монолог показался ей заранее отрепетированным. Но Ирина научилась чувствовать Рэмси и не была согласна с его словами. Он привык действовать напоказ, и душой его игры была спонтанность. В шоу произошло импровизированное отклонение от сценария, вызванное ее неосторожным заявлением о предательстве «самого лучшего человека на земле», хотя ее опрометчивые действия ставили под сомнение первостепенное значение снукера. Рэмси стремительно ушел в вираж и несся вперед. Тон был неестественно сдержанным; дискуссия вышла из-под контроля. Она понимала, к чему он клонит, и невольно приоткрыла рот, едва сдерживаясь, чтобы не вскочить с дивана и не заставить его замолчать.

– Я не хочу видеть тебя до начала Гран-при, – произнес Рэмси. – И никаких любовных посланий и болтовни в трубку. По возвращении в Лондон я желаю видеть тебя у моего дома только в том случае, если ты сообщишь Лоренсу, что влюблена в меня и расстаешься с ним.

Если несколько минут назад поведение Рэмси и напоминало мелодраму, то сейчас от его ультиматума «либо он, либо я» непривычно веяло здравым смыслом. Однако ему не удалось скрыть за внешней уравновешенностью, что один ее необдуманный шаг может привести к стремительным, безрассудным и скандальным последствиям.

– И это еще не все, лапочка. Когда ты уйдешь от Лоренса, если ты от него уйдешь, я не позволю тебе жить в спальне наверху в качестве личной шлюхи. Ты выйдешь за меня замуж. Поняла? Выйдешь незамедлительно. В сорок семь лет, знаешь ли, у меня нет времени на долгую помолвку.

Это предложение, от которого подгибались колени, казалось страшнее ненападения. Манера подачи была слишком жесткой, то, что само по себе было ужасно, представлялось еще более пугающим. Заявление Рэмси отрезало путь к возможности «временно пожить раздельно» с Лоренсом и попробовать на вкус жизнь с Рэмси, как можно сделать на рынке в Боро без всякого обязательства купить. И в то же время ни один мужчина не просил Ирину выйти за него замуж, пусть и таким неподобающим тоном. Исходившая от него ярость отбросила ее, как мокрую тряпку, на три фута, затылок неожиданно стало покалывать.

– Рэмси, я не вышла замуж на Лоренса даже после десяти лет...

– *Я все сказал.*

Вернувшись домой, Ирина почти не пыталась скрыть следы слез на лице. Было уже за полночь, и в городе с космополитическими претензиями и провинциальной системой работы транспорта метро уже закрылось. Наслаждаясь чувством вновь обретенного абсолютизма, Рэмси не потрудился вызвать ей такси, а оставил на крыльце дома, предоставив самостоятельно выбрать тот способ добраться до дому, который ей покажется наиболее удобным. Прощание ограничилось рукопожатием, вызвавшим такой поток слез, что, остановив такси на Гроув-Роуд, она по просьбе водителя была вынуждена трижды пытаться внятно произнести адрес.

В этот вечер Рэмси оказался не единственным, кто был настроен демонстрировать свое равнодушие. Не найдя объяснения ее красным от слез глазам, Лоренс, сидевший в гостиной, сухо произнес:

– Уже поздно.

– Опоздала на метро и целую вечность ловила такси.

– Ты взяла такси? Не проще ли было следить за временем, чтобы выйти на пять минут раньше и успеть до закрытия метро?

– Потеряла счет времени. Сегодня пятница и все такси заняты, пришлось долго ждать.

Ей приходилось столько лгать, так почему было не скрыть тот факт, что она воспользовалась одной из черных машин с непомерно высокими ценами, постоянно снующих по улицам, и не рассказать, как добиралась до дому пешком.

– Почему ты не позвонила мне и не предупредила, что возвратишься так поздно? Я волновался. – Голос был вовсе не взволнованный, напротив, по его тону угадывалось, что он с удовольствием заплатил бы какому-нибудь хулигану, чтобы он стукнул ее по голове в безлюдном месте.

– Поиски работающего таксофона задержали бы меня еще больше. – Ирина говорила устало, эмоции не затрагивали сердце.

– Если ты вызвала такси, значит, автомат ты все же нашла. – Лоренс не желал смириться. – Кроме того, странно, что у *Бетси* не было с собой мобильного. – Тон, которым Лоренс произнес имя ее подруги, говорил о том, что он сомневался в их встрече. Вероятно, одной из жертв в пользу лжи стала способность говорить правду.

– Признаю, я не подумала о звонке, когда была возможность, – сбивчиво оправдывалась Ирина. – Знаешь, может, нам все же купить себе мобильные телефоны.

– Да, это было бы классно. Ты могла бы звонить мне, а я тебе, при этом я не узнал бы, где ты находишься, если бы ты не захотела сказать.

Ирина держалась, позволяя обжечь лицо долетавшим до нее каплям ядовитой слюны.

– Если хочешь знать настоящую причину опоздания, я объясню – мы с Бетси поссорились. Нам потребовалось время, чтобы все уладить. – Объем работ для изобретения этого оправдания был огромен. Она даже поразилась, зачем ей это надо. Уже почти два часа, в вечер у нее был очень сложный.

– По какому поводу?

Ирина лихорадочно перебирала детали разговора с подружкой, выискивая то, что можно было бросить, как кость, однако ничего подходящего не приходило в голову.

– Не хочу загружать тебя всякими глупостями. Скажу только, что Бетси очень хорошо к тебе относится. Она говорит, что ты замечательный.

– Рад, что хоть кто-то так думает. – Лоренс встал и направился в спальню.

Отсчитывая десять последних дней до начала Гран-при в Борнмуте, Ирина царапала крестики на стенах собственного ГУЛАГа, отмечая неумолимый ход времени, приближавший ее к дате собственной казни.

Страшные и реальные картины смерти ежедневно мелькали в голове. Она не так далеко зашла, чтобы сунуть голову в газовую духовку, однако каждый раз, пересекая главную улицу в Боро, представляла, как на нее несется огромный грузовик. Она проклинала ИРА, прекратившую террористические акции, тем самым превращая в пустую фантазию внезапный взрыв в метро. Проходя мимо строительной площадки роскошного жилого комплекса, она не вполне желала, чтобы на нее свалились две поперечные железные балки, но все же поглядывала на здание, возвышавшееся на два этажа над головой. Полеты фантазии были болезненно-глупыми, но, как и видения подходящего к ее дому Рэмси, пары на ковре и случайного ДТП, они отталкивали и пугали. Это же относилось и к другому видению: Лоренс просматривает ее записные книжки с целью обзвонить друзей в связи с ее безвременной кончиной. Бетси спрашивает его: «Кто-нибудь сообщил Рэмси?» Лоренс недоумевает, почему Рэмси должен быть во главе списка, тогда как совсем недавно он уговаривал Ирину отправиться с ним на ужин. В обычном настроении или нет, Бетси в любом случае ведет себя сдержанно, хотя могла бы и сама сообщить Рэмси печальную новость. На похоронах Лоренс крайне удивлен, почему на фоне всех скорбящих Рэмси выглядит почти обезумевшим от горя. Наконец в его голове словно что-то щелкнет, он вспоминает о дне рождения Рэмси, о раздражающей отстраненности Ирины в день его приезда из Сараева, о ее вспыльчивости, о необъяснимом отсутствии в течение дня... Сначала Лоренс, разумеется, разозлится, но, оставшись без Ирины, на которую можно было бы выплеснуть злость, направит поток эмоций в горе. Возможно, любовь к одной женщине цементирует дружбу двоих мужчин. (Все это, конечно, чушь, но весьма заманчивая.) Но дело в том, что Ирина не желала подобного после смерти. Лишь при единственном условии она осмелилась бы допустить, что Лоренс узнает о ее любви к другому мужчине – в случае, если она не станет свидетелем последующего развития событий.

Лоренс сделал обязательными посещения Лас-Вегаса каждые три-четыре года. Его родители считали «мозговой центр» местом странным и претенциозным, он же в свою очередь считал работу инструктора по гольфу скучной и пресной – налицо полное отсутствие взаимопонимания. Брат Лоренса был наркоманом, постоянно таскающим у отца деньги, более амбициозная сестра работала в «Уол-марте» в Фениксе. Но Ирину это не заботило, она не была частью семьи Лоренса. Она была *его* семьей. Учитывая, как много времени Лоренс тратил на книги и политику, на общение его оставалось совсем мало, поэтому она была еще и единствен-

ным его другом. Ответственность, как результат, никогда не гнетет. Сейчас же она навалилась тяжким грузом.

Не было дня, когда она не бросалась к телефону, стоило Лоренсу уйти на работу, или не нашупывала бы в кармане монету в двадцать пенсов, проходя мимо таксофона. Ощущение сродни тому, как бросивший пагубную привычку курильщик ищет глазами пачку сигарет, приговаривая: «Ведь одна затяжка, всего одна не страшно, правда?» Рэмси может выставить целую серию ультиматумов под воздействием коньяка, но стоит ему услышать в трубке ее дрожащий голос, он, несомненно, испытает прилив радости, а через несколько минут она уже будет мчаться в Хакни, в его объятия.

Возможно, с твердой решимостью Рэмси справится так же легко, как с жестким куском мяса, вымочив его в целой бутылке бароло. Но временные меры не спасут. Она обязана принять решение. Как верно заметила Бетси, поминутное перевязывание шнурков кроссовок не сделает упражнения менее обременительными. Ирина временно лишилась возможности совершать ежедневные пешие прогулки – коварное желание неотступно подталкивало изменить маршрут через реку в Ист-Энд, – что должно было давать повод для приступов сентиментальной жалости к себе. Но Ирина, напротив, сочувствовала Бетси, обремененной чужой тайной, которую не желала знать и которая заставляла бы ее всякий раз ощущать себя предателем, оказавшись в обществе Лоренса. Ей было жаль Рэмси, пригласившего давнюю знакомую на ужин с суши, не предполагая, что всего после двух затяжек эта застенчивая, скромная особа превратится в ненасытного сексуального монстра, позволившего допустить мысль о нарушении важного мужского «правила» держать руки подальше от женщины друга. Людей, нарушавших это правило, он всегда презирал. Теперь же Рэмси вынужден презирать самого себя. Вместо того чтобы сосредоточиться на призе в шестьдесят тысяч фунтов, ему приходилось переживать душевную бурю, обдумывая при этом, как сохранить ровные отношения со своим соперником, беспомощность которого столь очевидна. Пассивность в романтических отношениях приводила его к нежелательным последствиям во всех шести финалах в карьере, когда главный приз выskalывал из его пальцев, оставляя единственным трофеем глоток воды «Хайленд спрингс».

Но больше всего, разумеется, Ирине было жаль Лоренса. Несколько раз она замечала на его лице выражение маленького ребенка, брошенного матерью в Диснейленде. Самыми яркими эмоциями были тоска, недоумение и опустошенность. Он был наказан, но понятия не имел за что. Близкий человек, восхищавшийся им, теперь сводит с ума. За последнее время она не сказала ему и двух слов по-русски и многие месяцы не приветствовала его восклицанием «Лоренс Лоренсович!».

Всякий раз, когда он делился с ней успехами в работе, например признанием его точки зрения «Форин полнен», Ирина скучала и лишь делала вид, что слушает. Когда Лоренс принес домой опубликованную статью, она оставила ее лежать непрочитанной на обеденном столе, пока он украдкой не сунул ее в портфель. Даже его появление в комнате казалось достаточным, чтобы вызвать у нее приступ раздражительности и клаустрофобии. Всякий раз, когда он предлагал посмотреть «Ночь в стиле буги», или погулять в воскресенье днем, или отправиться вместе за овощами на рынок Боро, она поводила плечом, отвергая приглашение, либо настаивала, что полезнее уделить это время работе. Совсем недавно она готовила сложные блюда, чтобы порадовать его, теперь же продумала систему питания более тщательно с целью меньше времени проводить на кухне. Все, что бы он ни делал, казалось неправильным, а в попытках было мало пользы. Она бы все могла объяснить ему, будь совершенно точно к этому готова, но поведение его подсказывало, что предстоящее объяснение страшит его. Лоренс предпочитал оттягивать этот момент насколько возможно.

Среди действующих лиц драмы – она не сомневалась, что все происходящее банально, как банальны колоссальный жизненный опыт, рождение, смерть, любовь и предательство, –

существовал лишь один персонаж, к которому она не испытывала ни малейшей симпатии. Будь ее чувства не столь переменчивы, Рэмси с легкостью мог бы сосредоточиться на Гран-при. Бэтси приняла бы на себя тяжкий груз горьких размышлений Ирины о Джуд Хартфорд. Лоренс был бы на седьмом небе от счастья.

Вечером, за два дня до начала турнира в Борнмуте, Лоренс предложил посидеть в тишине и выключил телевизор.

– Послушай, я знаю, тебе не интересен снукер. – Колени разведены в стороны, руки уперты в диванные подушки, положение тела говорило о готовности к конфронтации. – Но ты ведь ничего не имеешь против *Рэмси*?

Холодная белая волна окатила лицо Ирины, оставив ощущение покаяния, словно она нырнула в Северный Ледовитый океан, полный шипов и булавок. Она не была готова к такому повороту. Если бы можно было подготовить список причин, возможно, даже целую речь. Впрочем, хватило бы и тщательно продуманного признания. Неуверенные шаги могли все испортить.

– Я ничего не имею против снукера, – слабо проговорила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.